
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НА СНИМКАХ:

Горняки шахты «Налайха-Капитальная».

•

Улан-Батор. Монгольский государственный университет.

•

В цехе камвольной фабрики промкомбината имени Чойбалсана.

Фото В. Соболева (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 4 (2013)

23 ЯНВАРЯ 1966

В президиуме митинга монголо-советской дружбы, который состоялся в Улан-Баторе 15 января. Слева направо: **член Президиума ЦК КПСС, Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал, Первый секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, Первый секретарь Улан-Баторского городского комитета МНРП Б. Алтангэрэл, Председатель Президиума Великого Народного Хурала МНР Ж. Самбу.**

Фото специального корреспондента ТАСС В. Кошевого.

ДРУЖБА, ПРОВЕРЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Несколько дней продолжался официальный дружеский визит партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Первым секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым в Монгольскую Народную Республику. В эти дни с исключительной силой проявилась братская дружба, уже много лет связывающая народы обеих стран.

Посланцам Советского Союза, прибывшим по приглашению Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии и правительства МНР, на земле Монголии был оказан теплый, сердечный прием.

Митинги, встречи с трудящимися, дружеские беседы и переговоры между партийно-правительственными делегациями МНР и СССР подтвердили полное единодушие и общность взглядов обеих сторон по всем обсуждавшимся вопросам.

Во время этого визита был сделан новый крупный шаг вперед в развитии советско-монгольских отношений: подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой.

Давая оценку этому важному документу, Первый секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал, что «этот договор хорошо послужит не только интересам наших народов, но и делу упрочения мира в Азии и во всем мире».

Телеграмма из Монголии

Сергей Викторов — затяжчик ленинградской обувной фабрики № 2 «Пролетарская победа». Парень на все руки — отличный рабочий, спортсмен, артист (он учится в музыкальной школе).

В этот день работа спорилась. К обеденному перерыву уже выполнено три четверти сменного задания. Пора в столовую. Сергей выключил машину, пошел к выходу.

— Сережа! Подожди! Тебе телеграмма. Международная.

Посмотрел — точно международная. А вокруг ребята.

— Из Улан-Батора,— сказал Викторов.

— Прочти, если не секрет.

Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал и его супруга поздравляли Викторовых с рождением дочери.

Ю. Цеденбал и его жена были у Викторовых на свадьбе. С того дня прошло больше двух лет. Сергей и Ирина бережно хранят подарок — кубок с выгравированными на нем словами: «Желаем большого семейного счастья. Цеденбалы. 11.09.63 г.».

Когда гости уезжали, то взяли с молодоженов слово: непременно сообщите о рождении сына или дочери. Викторовы слово сдержали — и вот ответная телеграмма:

«Выражаем вам горячую благодарность за письмо и фотографию, которые вы прислали нам. Вместе с вами искренне радуемся появлению вашего первенца и сердечно поздравляем вас с этим знаменательным событием в вашей жизни. Шлем вам и вашей супруге наши поздравления... С приветом и наилучшими пожеланиями Цеденбалы».

К. ЧЕРЕВКОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: Сергей и Ирина с дочкой Наташей.

Фото Н. Ананьева.

В. И. Ленин среди делегатов Второго Всероссийского съезда горнорабочих.

Фрагмент редкого снимка.

РОДОСЛОВНАЯ ПОДЗЕМНЫХ РЕКОРДОВ

Роман Яковлевич Терехов.

Исполняется 45 лет со дня выступления В. И. Ленина на Втором Всероссийском съезде горнорабочих. На снимке, который мы печатаем, Владимир Ильич среди делегатов этого съезда. Третий справа (с папкой) — Роман Яковлевич Терехов. Недавно наш корреспондент П. Чумак беседовал с ним.

— В 1921 году Владимир Ильич решил проверить, как используются имеющиеся в Донбассе врубовые машины,— рассказал Роман Яковлевич.— К такой проверке Ленина побудили два факта: жалобы на большую текучесть забойщиков в шахтах и неверная точка зрения некоторых специалистов «Главугля», что в Донбассе якобы невозможно использовать врубовые машины, так как там нет для этого подходящих геологических условий.

Узнав о том, что в Москве в это время находились партийные работники Донбасса, Владимир Ильич вызвал А. Ф. Радченко и меня.

— Каково ваше мнение о применении на шахтах Донбасса врубовых машин?— И тут же, не дождавшись ответа, продолжал: — Спецы «Главугля» утверждают, что в Донбассе по целому ряду причин нельзя применять врубовые машины. Даже имеющиеся в наличии врубовые машины не используются...

Мы сказали, что только с помощью врубовых машин можно поднять производительность труда и облегчить труд забойщиков.

Владимир Ильич попросил уточнить, какой эффект даст хорошая врубовая машина.

Мы ответили, что, по нашему мнению, производительность труда в забоях поднимется в полтора-два раза и работать станет гораздо легче.

Тогда В. И. Ленин приподнялся с кресла и очень живо произнес:

ЛЕТОПИСЬ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ ДЕЛ

У ЗАВОДОВ — НОВЫЙ ХОЗЯИН

ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИНЯТЫ МИНИСТЕРСТВОМ

Члены комиссии подписывают акт.
Фото А. Николаева.

Два человека склонились над столом. Документ, который они подписывают, называется так: «Акт приемки и сдачи». Восемь западносибирских заводов, среди которых такие известные, как «Тяжстанкопресс» имени Ефремова, новосибирский инструментальный, новосибирский «Сиблитмаш», переданы совнархозом в ведение Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

Больше месяца работала в Новосибирске специальная комиссия министерства. Наш корреспондент взял интервью у председателя комиссии А. В. Склярова.

— Подпись под актом — это, вероятно, окончание большой работы комиссии. Что предшествовало этому?

— Разумеется, дело тут не только в смене хозяина, а в изменении стиля работы. Нам прежде всего нужно было оценить качество планов, составленных предприятиями на этот год, и проверить, насколько обеспечены эти планы материальными ресурсами. То есть насколько реальны эти планы. Кроме того, мы должны были, как и всякая приемочная комиссия, всесторонне изучить состояние производства. Оказалось, что в работе заводов много недостатков, вызванных прежней территориальной разобщенностью.

— В чем это выразилось?

— Чем меньше типов и видов машин выпускает завод, тем рентабельнее производство. Тогда легко внедрить типовые технологические процессы, унифицировать элементы конструкции. И, естественно, улучшить качество продукции. Однако на заводе «Сиблитмаш» как раз выпускалось слишком много разных типов машин, причем таких, которые делают и другие наши предприятия. Тут вывод ясен: нужна иная специализация.

— Что еще могло бы сделать министерство для улучшения работы заводов?

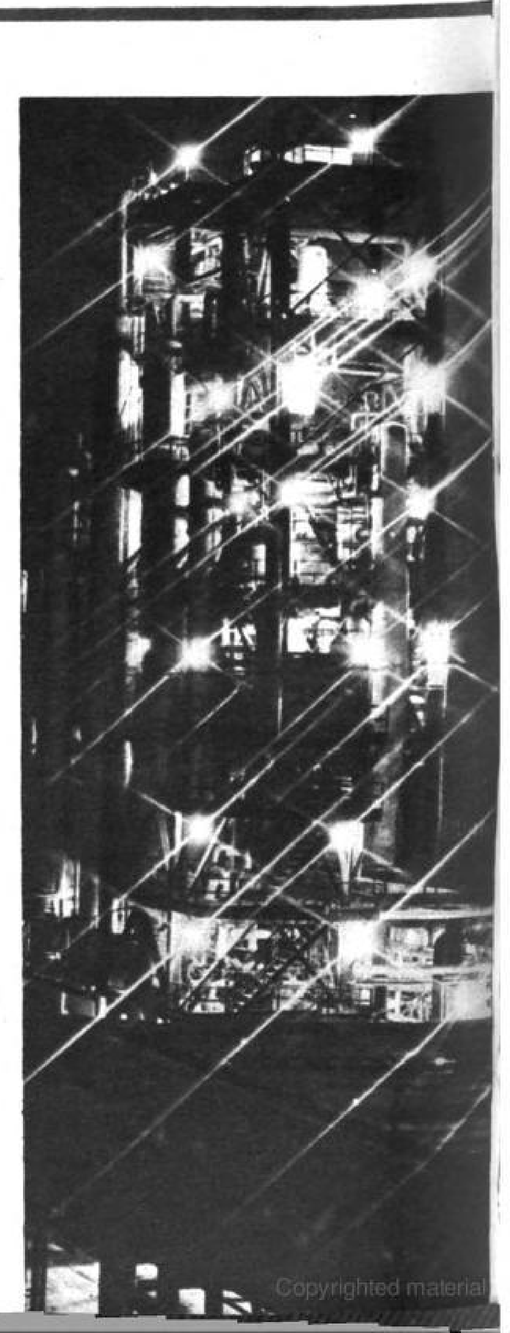
— Ближайшая задача — перераспределить между предприятиями неустановленное еще оборудование и передать другим министерствам излишки. Огромные омертвленные до сей поры капиталовложения сразу же дадут эффект. На машиностроительных заводах сейчас скопилось много бездействующих автоматических линий. Их стоимость измеряется миллионами рублей. Есть такие бездействующие линии и в Новосибирске. В частности, на инструментальном заводе.

Родом он гурьевский...

Он еще не родился, но к его появлению на свет почти все готово. Скоро он пойдет в дело так же, как его собратья, уроженцы разных городов. Из него изготовят много очень полезных вещей. Речь идет о полиэтилене с Гурьевского завода, который скоро даст свою первую продукцию. Закончен монтаж оборудования во всех цехах, осталось провести только наладку.

На снимке: один из цехов завода.

Фото В. Позденко и В. Шинкарева (ТАСС).

— Очевидно, врубовые машины, которые имеются в Донбассе, не применяются потому, что специалисты не хотят с ними возиться: «Дело, мол, новое...»

Вскоре после этой встречи мы узнали, что Владимир Ильич дал письменное указание «Главуглю» выяснить, где можно и где лучше за границей купить врубовые машины и как это сделать.

Наше второе интервью — с начальником отдела новых машин Министерства угольной промышленности СССР Александром Михайловичем Ладыгиным. Тема та же: механизация в угольной промышленности.

Как известно, врубовые машины применялись для того, чтобы подрубать угольные пласты и таким способом облегчить выемку подрубленного угля. Однако отделение угля от массива и навалка его на конвейер по-прежнему выполнялись вручную, так же как и другие работы. Таким образом, изготовление врубовых машин на отечественных заводах и внедрение их на шахтах были лишь первыми шагами по пути механизации подземных работ. Следующий шаг технического прогресса — угольные комбайны. С их помощью отделение угля от массива и навалка его на конвейер стали осуществляться уже машиной. Теперь наша задача — широкое внедрение на шахтах целых комплексов специального оборудования. Эти комплексы состоят из угольных комбайнов, производящих выемку угля, гидравлических крепей, обеспечивающих поддержание кровли, и передвижных конвейеров. Посредством лишь одного такого комплекса передовые бригады шахтеров добывают из одной лавы до семидесяти тысяч тонн угля в месяц, причем производительность труда одного горнорабочего в этом случае возрастает до 60—70 тонн в смену.

В таких же лавах с помощью других машин — стругов — шахтеры уже достигли более высокой выработки — до 100 тысяч тонн угля в месяц, причем угля более высокой сортности.

При такой механизации совсем устраняется тяжелый ручной труд в лавах.

Но это не предел. Сейчас ведутся большие работы по созданию еще более совершенных средств механизации и автоматизации, которые позволят совсем вывести рабочих из очистных забоев, и тогда все операции в них будут выполняться машинами, управляемыми со штреков или даже с поверхности шахт.

Этот комплекс оборудования одновременно производит выемку угля, навалку его на конвейер и поддерживает кровлю в забое.

ЗЕМНАЯ ВАХТА КОСМОНАВТА А. А. ЛЕОНОВА

Алексей Архипович Леонов еще не успел вернуться из космоса на борт «Восхода-2», а в дружном коллективе коммунистического труда слесарей-сборщиков электродвигателей московского завода «Динамо» имени С. М. Кирова «приступил к работе» новый член бригады. Это был первый в мире человек, шагнувший во Вселенную. Когда Москва торжественно и радостно встречала героический экипаж «Восхода-2», на лицевом счете «слесаря» А. А. Леонова уже значилось несколько мощных электрических двигателей.

Пять слесарей в бригаде, но они решили трудиться за шестерых. Об этом молодые рабочие сообщили в письме герою космоса. Алексей Архипович зачитал это письмо бригады динамовцев на пресс-конференции в актовом зале МГУ и сказал: «С удовольствием согласен с вами трудиться».

А вскоре экипаж «Восхода-2» прибыл на завод «Динамо». Павел Иванович Беляев и Алексей Архипович Леонов долго беседовали с рабочими, а потом попросили слесарный инструмент и вдвоем завершили сборку очередного электродвигателя...

Алексей Архипович тогда шутливо заметил:

— Если будет трудно, напишите, мы с Павлом Ивановичем приедем, поможем...

В письмах космонавту слесари регулярно сообщали о трудовых делах. Радостно встречалась и каждая весточка от Алексея Архиповича.

На днях А. А. Леонов снова побывал в своей бригаде. О многом рассказали космонавту сборщики двигателей. План 1965 года выполнен ими досрочно. Четверо слесарей учатся в институтах. Пятый заканчивает десятый класс школы рабочей молодежи. Бригадир Леонид Никонов, слесари Слава Зотов и Сейяр Валитов стали коммунистами. Готовятся к вступлению в партию комсомольцы Владимир Костенко и Геннадий Зайцев. Ценное начинание слесарей — «Экономическую программу — каждой бригаде» — поддержано на многих предприятиях Москвы.

...Несколько часов провел Алексей Архипович в рабочем коллективе, рассказал о земных делах космонавтов. А потом, надев спецовку, взял гаечный ключ и вместе с бригадой собирал электрические машины.

Уезжая, Леонов сказал:

— Павел Иванович интересовался: не нужно ли вам помочь? Но я вижу, у вас дела идут отлично.

Растет и лицевой счет «слесаря» А. А. Леонова. Теперь на его счете больше 80 крупных электродвигателей.

В. СИДОРОВ

На снимке: слесарь Вячеслав Зотов и космонавт А. Леонов.

Фото И. Черного.

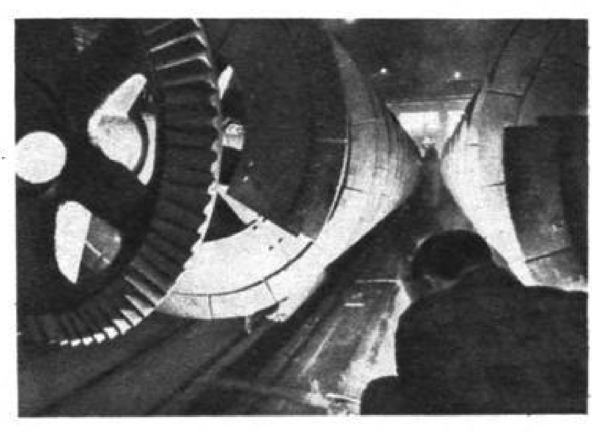
Флагман золотой флотилии

В Иркутске на машиностроительном заводе имени Куйбышева делают драги. Огромные сухопутные корабли работают на многих золотых приисках страны — в Сибири, Якутии, на Чукотке. Сейчас тут заканчивают отладку последних узлов драги-гиганта — с ковшом емкостью 600 литров. Такой машины еще не было в Советском Союзе. Длина корабля — около двухсот метров. Настоящий флагман золотой флотилии! Новая машина будет работать на месторождениях треста «Лензолото».

Однако не думайте, что заводские конструкторы страдают гигантоманией. Демонтаж огромных кораблей и перевозка их к новому месту службы — дело хлопотное и дорогое. Поэтому сейчас на предприятии конструируются драги-малютки — с емкостью ковша 150 и 80 литров. Чертежи первой такой машины конструкторы хотят закончить к XXIII съезду партии.

Не так давно перед золотыми кораблями открылась новая дорога. Их начали использовать на стройках вместо земснарядов и экскаваторов. Одна машина, например, работает в Грузии, на реке Ингури.

Ю. ТИТОВ

Иркутский машиностроительный завод. Так выглядят классификаторы, шнеки гигантских мясорубок, перерабатывающих породу.

Фото Г. Копосова.

В ЧЕРЕПОВЦЕ, ЗА ЯГОРБОЙ

В Череповце, за небыстрой речкой Ягорбой, есть фабрика «Красный ткач». Цехов у нее раз, два — и обчелся. А продукция ее на оптовой ярмарке была нарасхват: раскупили на этот год полностью.

...Сверху — трубки дневного света. Внизу — чистый пол, устланный дорожками и ковриками, как в опрятной избе. А на ковриках высокие, сделанные сплошь из дерева станки. Нет у них ни моторов, ни трансмиссий. У каждого свой собственный двигатель, мощностью в одну человеческую силу. Сидит у такого станка на табуретке, накрытой цветной подстилкой, женщина, нажимает ногами педали — подножки, соединенные с ремизами, дергает правой рукой веревку с челноком — вот и вся сила. Техника, если б не батан, в котором бегает челнок, — на уровне наших бабушек и прабабушек. Однако только она позволяет получать высокохудожественные узорные ткани, снова вошедшие в моду и пользующиеся большим спросом на внутреннем и внешнем рынках.

Русское ручное ткачество уходит своими истоками в глубокую древность, а сейчас оно как бы рождается заново. Вот занавеси для окон — легкие, тонкие, с яркими клетками. Купон на черную юбку с несколькими броскими полосками. Дорожки. Шерстяные платочки и шарфики. Скатерти. Их много. Нередко сложный узор придумывают сами ткачихи, такие, как, например, Ольга Павловна Першичева, проработавшая здесь больше двадцати лет. Из окрестных деревень принесли они сюда затейливый рисунок и неистощимую народную выдумку.

Сейчас череповецкие ткачихи осваивают новые для них изделия — палантины и гладкие, современного вида покрывала. На черном фоне всего лишь несколько поперечных полос: лимонная, салатная и светло-серая.

Г. ВЛАДИМИРОВА

О. П. Першичева.

Фото Б. Кузьмина.

КРУПНЕЙШИЙ УЧЕНЫЙ, ТАЛАНТЛИВЫЙ КОНСТРУКТОР

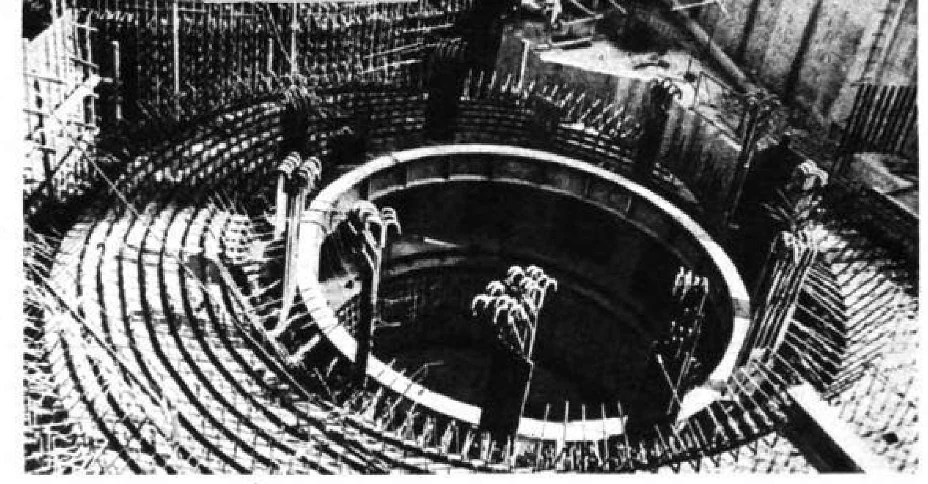
Умер Сергей Павлович Королев, с именем которого связана целая эпоха в истории человечества — осуществление первых полетов искусственных спутников Земли, первых полетов к Луне и планетам, первых полетов человека в космическое пространство и первый выход человека в космос. Он скончался скоропостижно на 60-м году жизни — ученый и конструктор в области ракетной техники и космических исследований, член президиума Академии наук СССР, коммунист, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Два дня непрерывным потоком шли в Дом союзов прощаться с Сергеем Павловичем Королевым рабочие, инженеры, космонавты, ученые, учащаяся молодежь, воины Советской Армии. Почетный караул у гроба несли руководители партии и правительства, космонавты, академики, маршалы Советского Союза, министры.

18 января трудящиеся Москвы проводили Сергея Павловича Королева в последний путь. На Красной площади состоялся траурный митинг.

На трибунах Мавзолея — руководители партии и правительства, ученые, космонавты, министры, маршалы Советского Союза. По поручению ЦК КПСС и Совета Министров СССР митинг открывает заместитель Председателя Совета Министров СССР Л. В. Смирнов. С сердечной теплотой говорят о Сергее Павловиче Королеве Президент Академии наук СССР М. В. Келдыш, первый секретарь МГК КПСС Н. Г. Егорычев, первый летчик-космонавт СССР Юрий Гагарин.

Урна с прахом покойного переносится к Кремлевской стене и под раскаты артиллерийского салюта устанавливается в нише.

Так выглядит сегодня Асуанская плотина, которая строится с помощью Советского Союза. Уже идет монтаж мощных турбин.

МОСКВА И ТОКИО СТАНУТ БЛИЖЕ

Нашу страну в качестве гостя Советского правительства посетил министр иностранных дел Японии Эцусабуро Шиина. Прибыв в Москву, японский министр заявил, что в беседах с советскими руководителями он обсудит вопросы, способствующие дальнейшему улучшению взаимоотношений между Японией и Советским Союзом.

Во время пребывания в Москве Эцусабуро Шиина, в частности, занимался вопросами, связанными с соглашением о прямом воздушном сообщении между Москвой и Токио.

Министр иностранных дел Японии Эцусабуро Шиина и министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на Внуковском аэродроме.
Фото А. Гостева.

Корреспондент «Огонька» обратился к начальнику Управления международных воздушных сообщений Министерства Гражданской авиации СССР Александру Васильевичу Беседину с просьбой рассказать о значении этой новой авиалинии.

— Полет из одной столицы в другую по новой воздушной трассе через Дальний Восток и Сибирь займет 11 часов,— говорит Александр Васильевич.— Это вдвое быстрее, чем прежним кружным путем. Обслуживать новую линию будут совместно Аэрофлот и японская авиационная компания Нихон Коку Кабусики Кайся на советских «ТУ-114». В дальнейшем эти самолеты предполагается заменить более скоростными и комфортабельными «ИЛ-62». Тогда время перелета еще более сократится.

Регулярные полеты между столицами обеих стран позволят нашим народам лучше узнать друг друга, успешнее развивать культурные и торговые связи.

— А пассажиров будет достаточно?

— Полагаем, что да. Ведь из Японии в Европу самый короткий путь через Москву. Сейчас из Токио, скажем, в Париж самолетом можно попасть или по северному маршруту, через Северный полюс, или по южному — через Калькутту. И тот и другой путь гораздо длиннее.

Кроме того, лететь пассажирам через Москву будет гораздо приятнее: ведь путь лежит не над океаном, а по хорошо освоенной воздушной трассе, с большим количеством запасных аэродромов, отличным радионавигационным оборудованием. Предполагается также ввести специальные туристские рейсы. Это создаст весьма благоприятные условия для любителей путешествий: по дороге из Европы в Японию они смогут ознакомиться с Москвой.

У новой воздушной трассы большие перспективы. В будущем она станет значительным участком пути кругосветного потока пассажиров: Москва — Токио — Америка — Западная Европа — Москва.

Видный политический деятель Индира Ганди, дочь Джавахарлала Неру, стала Премьер-министром Индии. На снимке: заседание руководящих деятелей партии Индийский национальный конгресс, на котором была выдвинута кандидатура Индиры Ганди.

Фото ЮПИ и ТАСС.

ПОСЛЕ 21 ГОДА РАЗЛУКИ

Летом прошлого года «Огонек» (№ 27) опубликовал небольшую заметку «Виктор ищет своего спасителя». В ней рассказывалось о том, как весной 1945 года после боев за освобождение Чехословакии советский боец Виктор Степанович Смолин передал на воспитание в крестьянскую семью Анны и Мирослава Черны беспризорного маленького мальчика. Приемные родители назвали мальчика Виктор Рус. Они воспитали его вместе со своими тремя детьми, дали ему хорошее образование. Чехословацкая семья всегда с благодарностью вспоминала советского бойца Смолина.

«Огонек» поместил тогда два снимка: беспризорного мальчика и двадцатилетнего Виктора Рус. Эти снимки увидела гомельская учительница Анна Егоровна Фатеева и узнала в мальчике своего сына.

Недавно состоялась встреча матери с сыном в Чехословакии. Горячо благодарила она замечательных людей, воспитавших ее Виктора.

На снимке: Виктор, Анна Егоровна Фатеева и Анна Черна на прогулке в Праге.

Фото ЧТК—ТАСС.

После революции на острове Занзибар введено бесплатное медицинское обслуживание трудящихся. Этот новый госпиталь в городе Занзибаре носит имя великого Ленина.

В Санто-Доминго по-прежнему льется кровь. Американская агентура оказывает всемерную поддержку реакционной военщине. На улицах доминиканской столицы наемники реакции творят насилие и произвол над мирными гражданами. На этих снимках с документальной точностью запечатлено убийство молодого гражданина Санто-Доминго. Причина? «Солдату показалось, что на него собираются напасть...»

Рим. Решение предпринимателей уволить часть строительных рабочих вызвало возмущение трудящихся города. Строители объявили забастовку. Делегация работников городского транспорта пришла к забастовщикам, чтобы выразить им свою солидарность.

«Бразды пушистые взрывая...» Это Париж, парк Тюильри. Обильный снегопад придал французской столице совершенно необычный для нее колорит. Толщина снежного покрова на некоторых улицах превышала 20 сантиметров.

НА ЛИФТЕ В НЕБО

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Металлическая башня, седая от инея, гигантской трехсотметровой свечой уходит в зимнее небо.

Я беру интервью у кандидата физико-математических наук Натальи Леонтьевны Бызовой. Она заведует лабораторией нижних слоев атмосферы.

— До недавнего времени мы, как ни странно, лучше знали процессы, которые происходят на больших высотах, чем те, что возникают в непосредственной близости от земли, скажем, в двухстах—трехстах метрах над нами. Но именно эти слои атмосферы нам нужно изучить всесторонне. В этих слоях мы живем, строим наши высотные здания. Взлет и посадка самолетов осуществляются тоже на этой высоте. А трубы заводов...

В это время на третьей площадке башни загорелась дымовая шашка и дым белым шлейфом поплыл по ветру.

— Вот, кстати, один из опытов, который интересует строителей,— говорит Наталья Леонтьевна.— Мы имитируем дым фабричной трубы и исследуем, как он развивается, как живет. Для того, чтобы учесть, где осядут твердые частицы, проводим специальные эксперименты. С той же площадки башни рассеиваем крохотные пластмассовые шарики разных цветов. А в радиусе десяти километров на выборочных точках кладем фанерные щиты, смазанные клеем. Шарики прилипают к ним, как мухи. Потом мы их подсчитываем и устанавливаем, в каком количестве, где они оседают. По этим данным строители определяют необходимую высоту заводских труб. По результатам наших метеорологических измерений можно точно определить нужный запас прочности высотных сооружений.

Теперь — путешествие на саму башню. Мне дают меховые унты, меховую, как у полярников, шубу. Башня сравнительно небольшого диаметра, сварена из стальных колец, всей своей колоссальной тяжестью опирается на сферическую плиту. Удерживают башню стальные, гудящие на ветру, словно струны, тросы — ванты.

Подъем на лифте до верхней точки длится 8 минут. Мелькают этажи — восьмой, девятый, десятый, между каждым из них расстояние — 25 метров. Вот и конец пути. Выходим на площадку у самой маковки трехсотметрового исполина и словно попадаем в суровую Антарктику. Внизу, на земле, порошит легкий редкий снежок. А тут — мороз, ледяной ветер хлещет по щекам, валит с ног. Площадка с металлическими перилами напоминает мостик корабля после шторма в Ледовитом океане. То, что с земли выглядело красивым седым инеем, оказалось мощными наростами льда. Он покрывает всю площадку, перила, ванты. Делаю один-другой снимок и, промерзнув до костей, спешу укрыться от ветра за широкий ствол башни.

— А дежурить здесь не сахар,— говорю я своему спутнику Михаилу Давидовичу Ященко, технику по приборам.

— На башне никто и не дежурит.

Башню населяют только приборы, установленные на шестиметровых выдвижных реях. Их показания передаются вниз, в лаборатории на счетно-решающие устройства. Еще внизу, на земле, мне говорили, что башню сильно качает ветер. Здесь, наверху, сразу и не разберешь, тебя ли качает или ты качаешься вместе с башней. Во всяком случае, бросает весьма основательно, и приборы в лабораториях сейчас тщательно регистрируют порывы ветра. Эти данные тоже очень важны. Они позволят инженерам строить заводские трубы так, чтоб раскачивание не попадало в одну амплитуду с ударами ветра, иначе возникнет явление резонанса, и труба рухнет. Интересно, имели ли строители этой башни подобные данные? Этак, чего доброго, загремишь с трехсот метров! Успокаиваю себя более простым соображением: до этого-то дня башня не падала. Выхожу снова из своего укрытия, делаю еще снимок и через 8 минут снова на земле.

— Как вам понравилась башня? — спрашивает Наталья Леонтьевна.

— Хороша. Вот только облака сегодня высоко.

— Не беда. Облака у нас есть прирученные, так сказать, собственные. Это в аэрозольном корпусе. У Олега Александровича Волковицкого.

Олег Александрович руководит работой экспериментальных установок по изучению аэрозолей, своеобразным заводом, на котором делают туманы и облака.

Волковицкий показывает мне аэрозольную камеру — гигантский цилиндр с основанием пошире цирковой арены и высотой в многоэтажный дом. Металлические лестницы ведут на площадку с приборами. Наши голоса и шаги отдаются гулким эхом, как в соборе.

— Объем камеры — три тысячи двести кубических метров,— говорит Олег Александрович.— Конечно, тучи здесь не создашь, но кусочек облака — пожалуйста. Все произойдет на ваших глазах.

Начальник установки Николай Васильевич Боровский дает команду в машинный зал, и мощные насосы нагнетают в камеру воздух. К опыту все готово. Я смотрю в иллюминатор. Боровский нажимает кнопку, и сжатый воздух со свистом вырывается из камеры. Давление сбрасывается, и камеру наполняют клубы белого тумана.

— Вот вам кусочек облака, можете исследовать его.

Оптические приборы определяют плотность, долговечность, содержание влаги. В таких стационарных условиях можно это делать без спешки, тщательно, точно. Все это гораздо удобнее, чем изучать туман и облака с помощью самолетов, шаров-зондов и даже метеорологической башни.

Я уезжал вечером. Уже стемнело. Башни не было видно, и только яркие красные огни на ней ровной строчкой уходили в небо.

ДВЕНАДЦАТЬ СТУПЕНЕЙ В НЕБО.

Как в Антарктиде.

Шумит, гудит ярмарка...

Фото А. Узляна.

НАЧА

ЛО ТОРГОВОГО ГОДА

К. БАРЫКИН

Как ни прикидывай, календарный год не совпадает с торговым: у этого свои законы. И не один, а несколько: мода, спрос, сезон... И не случайно крупнейшая оптовая ярмарка, которую с полным основанием можно назвать «Одежда, год 1966-й», была открыта еще в прошлом году, в завершающем его месяце — декабре. Эта ярмарка должна приблизить время, когда на прилавках появится все, что нужно покупателю, и сверх того. Огромного павильона в Сокольниках едва хватило, чтобы разместить все модели и образцы пальто, платьев, свитеров, костюмов... Тут особенно отчетливо увиделось не только сегодняшнее и завтрашнее, но и вчерашнее, что пока еще цепляется за сомнительные прерогативы вала. Дремучая эта формула нет-нет и проглядывала на стендах — и в изделиях многих предприятий Грузии, и в сумрачных меховых шапках одной из столичных фабрик, и в отвергающих всякий намек на моду и изящество пальто и костюмах одной из ивановских швейных фабрик. А Иваново ведь край текстильный, известный добрым вкусом. Не уберегли тут традиции.

Кстати, о традициях. Портные из Малоярославца, Калуги издавна отличались высоким, блистательным мастерством. Самые лучшие швейные мастерские старались заполучить малоярославецкого мастера. Не всегда он мог создать отличную модель, но уж в исполнении равных ему трудно было сыскать. Говорят, парижские модельеры нередко приглашали русских портных для претворения своих замыслов. А теперь на этой ярмарке знакомишься с тем, что представлено швейниками Калуги и других среднерусских городов, и с огорчением убеждаешься, что и неплохие модели можно испортить.

Отличительная черта тбилисских и батумских моделей — претенциозность, стремление как-то не «отстать от Европы». Но средства для этого выбраны более чем нелепые: на грубый плащ вдруг приляпана еще более грубая отделка из заменителя кожи. Мужской костюм вроде бы современного силуэта отпугивает удивительно неряшливой отделкой, аляповатыми, на редкость грубыми пуговицами. И это мировой стандарт! Вот почему тут мало покупателей, вот почему сюда приходили лишь те, кому разнаряжено приобрести на столько-то тысяч рублей этих поделок. Именно «разнаряжено». Заказы торговли, к сожалению, еще не везде определяют экономическую политику промышленности. А там, где отношения складываются по-новому, получается славно. У рижан, например, возле стендов всегда было много не только покупателей, но и просто посетителей ярмарки. Здесь приятно полюбоваться платьями новых, прогрессивных моделей. Число изделий фирмы «Ригас апгербс» выросло вдвое по сравнению с прошлой оптовой ярмаркой, и все же их недостаточно. Я застал руководителя группы приема заказов фирмы Ету Шаевну Слонимскую за ответственным делом — заключалась очередная сделка.

— Очень ею довольна,— заметила Ета Шаевна.— Московский посылторг кооператоров приобрел крупную партию рубашек самых модных фасонов и расцветок.

Слонимская продолжает:

— Мы приготовили 400 новых моделей. Нашли возможность выпускать декоративные запонки, кладем сорочки в специальные коробки: все это не только культура торговли, но и культура изделия. Сами выбираем ткани для своих моделей. И сама наша группа приема заказов рождена новыми взаимоотношениями. Фирма давно ввела такой институт — он, кстати, весьма невелик и необременителен,— который бы следил и за появлением на оптовом рынке новых тканей, и за изменением спроса, и за более тонкими оттенками рыночной конъюнктуры. Очень важно иметь и свой фирменный магазин.

Да, приятные новинки прислали из Риги на ярмарку. И с фабрик упоминавшейся уже фирмы и с предприятий производственного объединения «Латвия» — здесь шьют верхнюю одежду. Но ведь в прибалтийские пальто, костюмы и платья не оденешь всех! Что предлагают другие предприятия? Стал несколько шире, но все же довольно однообразен ассортимент объединения «Большевичка». Тут приноровились к каким-то [redacted] один на другой мужским костюмам и шьют их доволь[redacted] тиражами. А не пора ли на этом хорошем предприятии [redacted] нового?

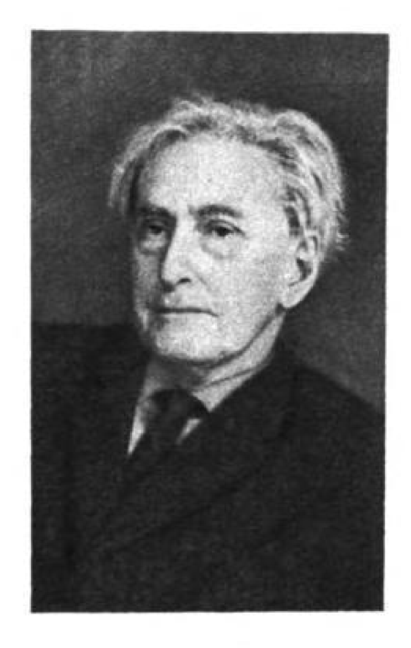
Великолепные пальто и [redacted] ленинградцы. Немало хороших вещей прислали из [redacted] — с фабрики «Знамя индустриализации». Предприятие — одно [redacted] первые пальто вышли из его цехов в 1930 году. Сегодня фабрика достигла такого уровня, что ежемесячно одевает много тысяч человек. В наступившем году она освоит не менее 60 новых моделей — ассортимент обновится более чем наполовину.

Много на ярмарке головных уборов. Написал это, и подумалось: почему мы изящную дамскую шляпку, простую кепку и знаменитую шапку-ушанку величаем так серо: «головные уборы»? Может, именно под прикрытием этих «уборов» фабрики гонят нелепые кепки-блины? Настолько нелепые, что, казалось бы, близко к ним не подошел бы. Вдруг в их унылом ряду мелькнула отличная кепка — чуть серебристый мягкий верх, скромный кожаный козыречек. Удобная. Красивая. Подхожу, читаю на ярлыке: «Продано». Кому продано? В каких магазинах будет? Купил бы с охотой. Когда спросил об этом работников фабрики, те грустно признались: «Ни в одном магазине не купите, не выпускаем... Приезжайте на фабрику, одну сделаем. Только не называйте номера фабрики — завалят письмами, заказами. А чем мы можем помочь?..»

Оказывается, столь привлекательная и современная модель, едва появившись, обречена на гибель: текстильные фабрики не дают необходимых тканей для массового выпуска кепи. Посылают всё, что потребно для этого, на какое-то другое предприятие, где шьют из них малопотребные вещицы. Это явные издержки Министерства легкой промышленности РСФСР. Устранимые, кстати, издержки. Их не должно быть!

...1966 год — год большого развития швейной и текстильной промышленности. Он обещает много нового, радостного всем.

НЕ ЗНАЯ УСТАЛОСТИ

Знакомство с писателем начинается в день, когда впервые прочтешь его книгу. С той поры он приходит как добрый гость в твой дом, а часто и становится твоим другом, даже если сам он не всегда об этом знает.

Я познакомилась с Ильей Григорьевичем Эренбургом немало лет назад, в пору своей юности, когда впервые раскрыла страницы его книг. Мир, открывшийся в этих книгах, был необычным, тревожным и удивительным; прикосновение к нему ощущалось остро, как ожог. Было не так-то просто сразу сдружиться с его героями, мятущимися, трудными, ни на кого не похожими, с людьми сложных чувств и неожиданных поступков. Я не могла сказать, что сразу впустила их в свое сердце. Но я уже не могла представить своей юности без них.

Второе знакомство с Эренбургом пришло позже, и складывалось оно для меня, как и для многих других, совсем по-иному. Было это в годы войны.

Люди, пережившие войну, знают ту боль и то утешение, которые приносили его газетные статьи. Боль, потому что он всегда говорил правду, и правда эта была порою трагичной, ранящей сердце. Утешение, потому что он всегда говорил правду, и правда эта придавала нам твердость духа, веру в победу. Эренбург писал много, не зная усталости, не зная даже самого короткого отдыха.

По роду своей работы немало прошла по дорогам войны и я, пришлось и мне увидеть своими глазами горящие дома [redacted], плачущих детей без [redacted] писала о том, что видела, [redacted] мысленно выверяла себя, [redacted] представить, что сказал бы об этом Эренбург.

Время идет быстро, Илье Григорьевичу исполняется семьдесят пять лет. Если поглядеть, что стоит за его плечами, увидишь целую армию книг. Героев его книг так много, что, кажется, они могли бы составить население небольшого города. Попробуйте представить себе путешествие по такому городу — оно было бы необычайно интересным. Разговор с героями Эренбурга всегда значителен. И если споришь с иными из них, то и спор этот идет по крупному счету.

Очень немногие писатели с такой полнотой владеют разнообразием жанров, как это дано Эренбургу. Он пишет романы и стихи, книги воспоминаний и публицистические статьи, новеллы и политические памфлеты, путевые очерки и размышления об искусстве. В строчках, бегущих из-под его пера, никогда не найдешь примет поспешности. Мне кажется, он написал в своей жизни так много не потому, что пишет быстро, а потому, что пишет всегда.

Но как бы ни была велика его неутомимость, как бы ни была стремительна отдача, он никогда не требует таких же качеств от других. Однажды, когда Илья Григорьевич вернулся из поездки в Соединенные Штаты и рассказывал об этом на одной из многолюдных встреч, я простодушно спросила его с места, почему так мало пишет Хемингуэй. В течение нескольких минут Эренбург расправился со мною так, что я сгорела от конфуза. По сути, он отвечал не только мне: это был его давний внутренний спор, его давняя нелюбовь к беспечности суждений о чужих трудностях, чужой взыскательности. Мне досталось за всех других, с кем ему приходилось сражаться, защищая чужой труд от необоснованных упреков. Все это я рассудком поняла. Но все же с той поры закаялась задавать ему вопросы в большой аудитории.

Я говорю об этом откровенно, ибо уважаю его непримиримость. У него сложный характер, люди по-разному судят о нем: одни считают его замкнутым, другие побаиваются его резкости. Я знаю в нем другое: безграничную верность в дружбе, душевную нежность. В его книге «Люди, годы, жизнь» есть страницы, посвященные И. Э. Бабелю,— их мог написать только человек большого и верного сердца.

В нем живет драгоценное качество: преданность человечеству. Писатель, столько написавший о войне, он несет в своей душе смертную ненависть к злу и разрушению. Эренбург — один из самых страстных, самых неутомимых борцов за мир; сколько раз на конгрессах, конференциях, митингах взволнованно звучал его голос [redacted] имя защиты мира на земле. [redacted] странах люди доброй [redacted] верят ему, ценят его благо[redacted] Он удостоен международной [redacted]нинской премии «За укрепление мира между народами».

Я часто вижу Илью Григорьевича таким, каким он сам написал себя,— стоящим у окна в зимний день, глядящим в заснеженный сад, где встают перед ним из дальней дали лица тех, кого уже нет рядом.

И думаю: знает ли он, сколько у него друзей на земле? Знает ли о том, как глубоко прошел он через жизнь многих людей, которых никогда не видел в глаза, какой след оставили его книги в их памяти, их сердце? Дружба, благодарность, уважение — чувства застенчивые, в них не так-то легко признаваться, да еще Эренбургу, который так не любит громогласных признаний.

Но есть даты, когда позволено говорить вслух то, что, может быть, и не скажешь в другой раз. И мне хочется просто сказать Илье Григорьевичу Эренбургу: спасибо вам за все доброе, что вы дали людям.

Татьяна ТЭСС

МАСТЕРА ИСПАНСКОЙ ШКОЛЫ

Т. КАПТЕРЕВА

Те немногие произведения испанской живописи, которые увидели посетители выставки картин из французских собраний в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, не могут дать полного и яркого представления о творчестве замечательных мастеров Эль Греко, Сурбарана, Гойи. И это не случайно, ибо вообще собрание испанской живописи в Лувре не отличается особенным богатством. Оно уступает в этом отношении другим крупнейшим музеям Европы и США, и в первую очередь мадридскому музею Прадо. Тем не менее состоявшееся знакомство с некоторыми картинами испанских живописцев было очень радостным. Прежде всего с работами Эль Греко и Гойи, чье творчество, увы, так скупо представлено в наших собраниях.

Искусство Доменико Теотокопули, прозванного в связи с его греческим происхождением Эль Греко (1541—1614), вписало одну из захватывающих страниц в историю художественной культуры Испании. В объяснении необычной, ни на кого не похожей системы образов Греко значительную роль играет необыкновенная судьба художника. Уроженец острова Крита, он сформировался как живописец в Италии и нашел в Испании не только вторую родину, но и почву, наиболее благоприятную для развития своего творчества. В произведениях этого удивительного мастера, как бы в тесном и сложном сплаве, слились традиции трех великих художественных культур — византийской, итальянской и испанской. Творческий путь Эль Греко, который начинается во второй половине XVI века и заканчивается в начале XVII столетия, приходится на один из самых бурных, драматических и противоречивых периодов в истории. Его искусство стоит в конце уходящей в прошлое грандиозной художественной эпохи — эпохи Возрождения — и воплощает ее трагический финал.

Искусство Эль Греко обладает поразительной художественной силой. Возможно, потому, что его искусство обладает огромным накалом глубоких человеческих чувств и высокой мерой душевной красоты. Картины его необычны: смелость композиции, передача бездонного пространства, изощренность ритмических созвучий, вихревое движение призрачного света и особенно одухотворенный колорит, достигающий такой светозарности, что он напоминает сверкающие краски витражей. Не случайно рядом с картинами Эль Греко, рождающими впечатление ослепительных красочных видений, проникнутых то настроением трагической смятенности, то просветленной радости, произведения других художников кажутся словно потускневшими.

Жизнь художника в Испании сложилась так, что ему, не получившему признания при королевском дворе, пришлось навсегда поселиться в древнем Толедо. Здесь расцвело его искусство, здесь он обрел личное счастье, друзей и почитателей своего таланта. Избранная среда толедской интеллигенции увлекалась философией, поэзией, музыкой и искусством. Греко, отличавшийся глубиной знаний, незаурядным интеллектом и блестящим даром остроумного собеседника, оживленно действовал в различных «академиях», группировавших вокруг себя лучшие умы Толедо. Собирались и у Греко. Он сам был радушным и щедрым хозяином.

В многочисленных портретах запечатлел он современников — писателей, поэтов, чиновников, ученых, представителей аристократических родов и духовенства. Греко, несомненно, был выдающимся портретистом. Чаще всего он писал полуфигурные, или поясные, портреты. Одетые, согласно испанской моде того времени, во все черное, фигуры кажутся бесплотными. Чужестранец, приехавший из Италии, он, вероятно, с особой остротой почувствовал и этот характерный тип людей и их манеру держаться. С большой наблюдательностью Греко передает сдержанность своих моделей, словно защищенных броней внешней бесстрастности. Скрытая эмоциональность всегда находит выход во взгляде. Глаза — то огромные, широко раскрытые, в которых, подобно пламени, прорывается внутреннее возбуждение, то отражающие какое-то сложное, изменчивое душевное движение. При известной однородности портреты Греко не создают впечатления однообразия. В каждом он не столько стремился запечатлеть внешние приметы данного человека, сколько хотел раскрыть его духовный мир.

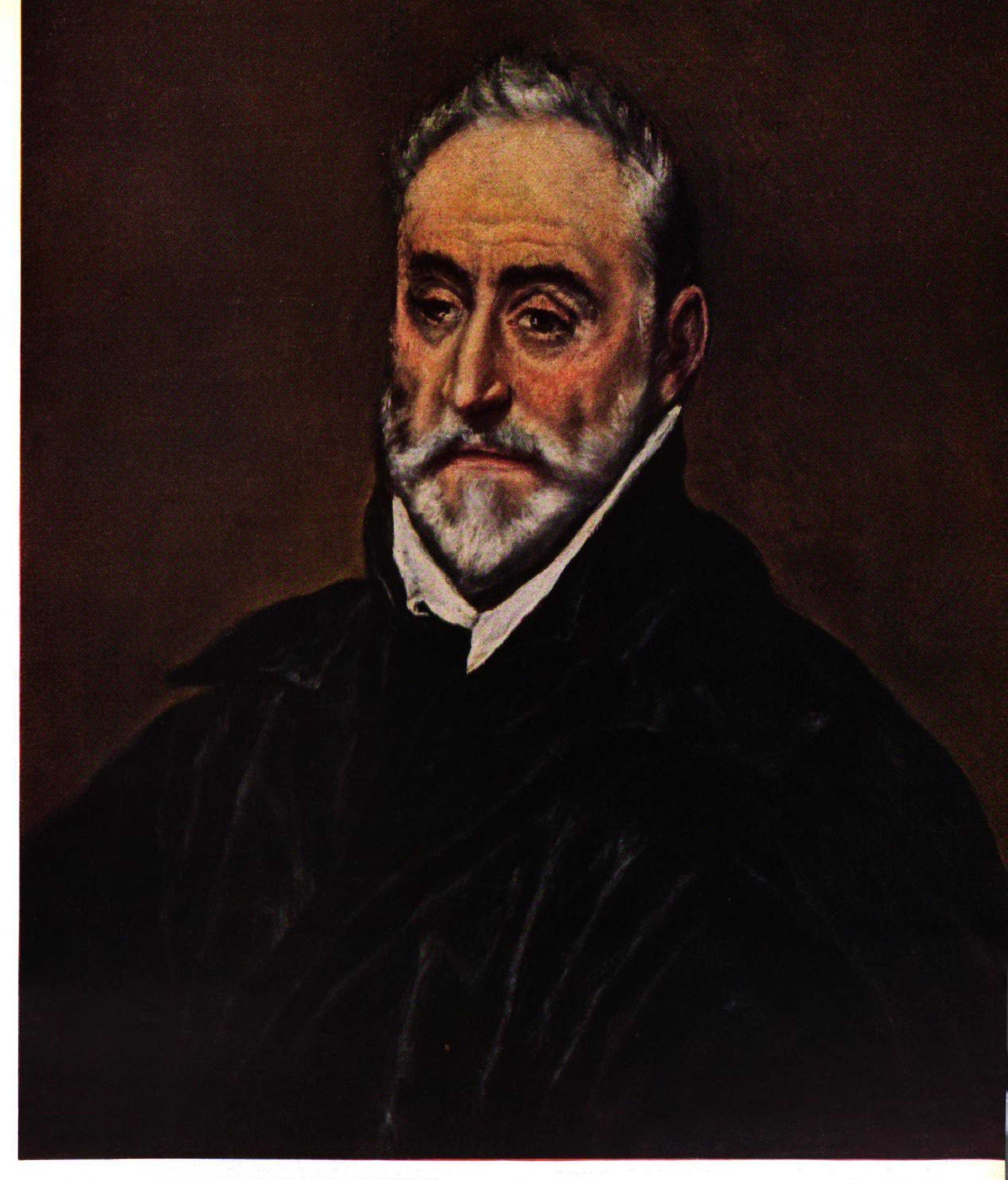
В ряду созданных им великолепных образов, захватывающих неукротимой силой духа или взволнованной человечностью, луврский портрет Антонило де Коваррубиаса занимает сравнительно скромное место. На первый взгляд он кажется даже малоприметным. Но стоит посмотреть внимательнее, чтобы почувствовать и его большую содержательность и строгую выразительность изобразительных приемов. Портрет этот очень прост: лаконична композиция, обобщен силуэт, четко выступающий на светлом фоне, его гамма сведена до черного и бело-серебристого. Все внимание сосредоточено на лице, где уловлено то состояние погруженности в себя и затаенной, мягкой печали, особенно в выражении усталых глаз, которое было присуще этому человеку, страдавшему от рождения полной потерей слуха. Антонило де Коваррубиас был примечательной личностью. Сын известного испанского архитектора, он был широкообразованным ученым, теологом, философом, юристом, одним из самых выдающихся знатоков греческого и латинского языков, пользовавшимся в Толедо всеобщим уважением. Выросший в художественной среде, дон Антонило прекрасно разбирался в вопросах искусства. Сердечная дружба связывала его с Эль Греко. В знаменитой картине мастера «Погребение графа Оргаса», написанной на два десятилетия раньше, в которой многие друзья художника узнавали себя среди участников скорбной мессы, можно увидеть и Коваррубиаса.

Как во всем своем творчестве, так и в портретных работах Эль Греко шел всегда своим, особым путем, и он сумел насытить портретное искусство огромным душевным богатством.

* * *

Совсем иначе выглядит испанское искусство в первой половине XVII века. Небывалый художественный расцвет Испании получил название «Золотого века» испанской литературы и искусства. В этой стране с безграничной властью церкви и инквизиции, произволом грандов и нищетой народа жизненные противоречия выразились наиболее остро. Мощное ощущение реальной жизни властно вторгается в сферу религиозной живописи, придавая образам испанских мастеров поразительную правдивость и высокое человеческое достоинство. Наконец, Испания XVII века дала такого художника, как Веласкес, творчество которого, свободное от предрассудков, стало одной из вершин мировой живописи.

К блестящей плеяде мастеров «Золотого века» принадлежит и товарищ юношеских лет Веласкеса — Франсиско Сурбаран (1598—1664). Жизнь Сурбарана, сына крестьянина из Эстремадуры, прошла главным образом в шумной, красочной Севилье, крупнейшем торговом

Эль Греко. 1541—1614. ПОРТРЕТ АНТОНИЛО ДЕ КОВАРРУБИАСА. Париж. Лувр.

Франсиско Сурбаран. 1598—1664. СВЯТАЯ АПОЛЛОНИЯ.
Париж. Лувр.

и культурном центре южной Испании. Своими поэтами, писателями, скульпторами и особенно живописной школой славилась Севилья.

Сурбаран писал выразительные портреты, великолепные натюрморты, обращался к историческому и даже (очень редкому в Испании) мифологическому жанру. Однако в его творчестве преобладала религиозная тема. Основными заказчиками мастера были испанские монастыри. И он часто изображал сцены из жизни монахов. Художник всегда переносил событие католической легенды в обстановку монастырского быта. Простота и уравновешенность его композиций соответствуют общему духу статичных, торжественно размеренных сцен. Все действующие лица написаны с натуры. Полные неиссякаемой внутренней силы, спокойного величия и какой-то особой незыблемости, они внешне замкнуты, погружены в себя. Мастер видит окружающий мир необычайно конкретно. Не случайно поэтому в его полотнах ангелы простодушны, порой неуклюжи и словно написаны с простых крестьянских парней или монастырских служек, все, что происходит в сфере потустороннего, приобретает черты земной реальности. Подобное изображение чудесного придает картинам Сурбарана оттенок некоторой наивности. Художник в целом суровый и сдержанный, он вносил неожиданный оттенок задушевности в детские и женские образы. Особое место в его творчестве заняло изображение женщин-святых, запечатленных в виде знатных севильянок с их изящным, светским обликом. Сурбарана привлекает здесь не духовное наполнение образа, а бездумное очарование юности, подчеркнутая элегантность, чопорная надменность — все то, что он мог наблюдать у своих современниц. Мастерство живописца проявлялось и в изображении дорогих мерцающих тканей, нарядных украшений, в звучных сочетаниях красочных пятен. Различные предметы, которые держат в руках женщины, помогают узнать ту или иную святую. Так, св. Аполлония доверчиво демонстрирует зрителю щипцы с вырванным зубом, потому что, согласно легенде, это длительное истязание было главным в ее мученической смерти. Сурбаран создает наивное, совершенно бесхитростное изображение молодой девушки, святой, которая в народных верованиях считалась целительницей зубной боли.

* * *

Начавшийся со второй половины XVII века упадок испанского искусства привел к длительному застою художественной жизни страны. Новый подъем относится к рубежу XVIII и XIX столетий и связан с творчеством Франсиско Гойи (1746—1828).

Гойя открыл искусство новой эпохи. В какой бы области он ни работал — бытовом, историческом жанрах или портрете, в монументальной живописи или графике,— всегда его образные решения были отмечены особым, отличным от прошлого, художественным видением мира. Художник необузданного, стихийного темперамента и необычайной эмоциональности, он вносил в свои произведения глубоко личное, субъективное переживание. В значительной мере это обусловило сложность и неровность его работ, в том числе и портретов. Хотя никто из его современников не мог сравниться с Гойей в исключительно остром восприятии модели, некоторые его официальные портреты написаны вяло и небрежно, и трудно даже предположить, что они принадлежат кисти мастера. Этому не приходится удивляться, так как всегда портреты Гойи несут отпечаток его личного отношения к людям, которых он портретировал, приобретая то форму резкого, близкого к гротеску разоблачения, то наполняясь удивительной сердечностью и внутренней красотой, то отражая холодность живописца.

Особого внимания среди созданных художником парадных портретов заслуживает портрет Фердинанда Гиймарде (1798). Приезд в Испанию этого посла Французской республики, члена Конвента, голосовавшего за смерть Людовика XVI, не мог не произвести сильного впечатления на Гойю. В 1790-е годы идеи Французской революции глубоко захватили передовое испанское общество. Но период либеральных реформ сменился в Испании периодом феодальной реакции. Лучшие люди страны — среди них друзья Гойи — подверглись преследованиям и изгнанию. С чувством восхищенного уважения испанский художник пишет портрет Гиймарде, представителя нового, свободного общества. Лишенный традиционных парадных аксессуаров, портрет исполнен какого-то особого спокойного благородства. Поза портретируемого естественна и непринужденна, за выразительной сдержанностью его умного лица угадывается активная, сильная личность. С истинно живописной щедростью написаны сияющие в шарфе и плюмаже три цвета республиканской Франции — революционная эмблема, которая подверглась в Испании строгому запрету.

Важное место в портретной галерее Гойи занимают женские образы, в которых его особенно привлекала содержательность и внутренняя страстность.

Луврская «Дама с веером». Изысканная, свободная живопись портрета, словно сотканная из тончайших цветовых оттенков, позволяет судить о виртуозном колористическом мастерстве Гойи.

Творчество Гойи необыкновенно обширно — в разные периоды различны направления его искусства, настроения художника, техника и колорит. Творческий темперамент Гойи не сломили ни старость, ни физическая слабость. Под одним из последних рисунков, где изображен дряхлый старик на костылях, Гойя пишет: «Я все еще учусь...»

Пожалуй, не было художника, который бы так влиял на искусство XIX и XX веков. Через сто лет после смерти Гойи хранитель Лувра Поль Жамо так говорил о нем: «В течение ста лет у нас, поскольку Франции в этом веке принадлежала честь художественной инициативы, не было ни одного оригинального творца, который не мог бы выводить себя от Гойи. Другими словами, наше искусство было новым именно в той мере, в какой оно примыкало к Гойе... Он соединил лучшее из прошлого с лучшим из будущего».

Взгляните на прекрасные картины Делакруа, Домье и Эдуарда Мане, и вы убедитесь в правильности этого суждения.

ПОЭТ, ОБГОНЯЮЩИЙ ВРЕМЯ

75 лет со дня рождения Павла Тычины

Годы то раздвигаются по воле памяти и отходят далеко, то сближаются между собой. И вдруг совсем близким кажется бурный 1918 год, Киев, какое-то собрание художественной интеллигенции, первое знакомство с совсем молодым Павлом Тычиной. Значительное и вдохновенное лицо, мечтательные глаза, мягкий, задумчивый голос. Во всем облике, в каждом движении, в каждом слове чувствовался поэт. От этого знакомства и первых встреч осталась дорогой реликвией книга Павла Тычины «Сонячні кларнети» с надписью автора «На добру згадку». Что это за чудесная книга! В ней свет солнца и музыка кларнетов сливаются в мажорные тона радости пробудившегося народа.

На майдані, коло церкви
революція іде.
— Хай чабан! — усі
гукнули,—
за отамана буде.

Эти строки из книги «Плуг» (1920) мы, современники Тычины, повторяли, как зачарованные. В них, песенно простых, как сама жизнь, был отсвет героического времени. Поэт воспевал его, шел с ним в ногу, а порой обгонял его. Стихи, покрывшись «хрестоматийным глянцем», остались жить и не утратили свежести для нескольких смен поколений.

Вместе с эпохой в стихотворения и поэмы Тычины входила единая тема народного подвига и народной судьбы. Еще недавно поэт видел тощие нивы, разоренные деревни, и вдвойне ликовал он при виде родной Украины, воспрянувшей в строительных лесах, в железе и бетоне заводов. И с мудрой афористичностью Павло Тычина отметил поэтической вехой поистине волшебное превращение родины. Вот одна из его героинь, крестьянская девушка Олеся Кулик, подчиняясь зову времени, бежит из дому на курсы трактористок.

Дим-димок од машин,
мов дівочі літа...
Не той тепер Миргород,
Хорол-річка не та.

Песня трактористки. В ней воплощено лучшее, что есть в народной душе. И поэтому поют ее тысячи таких же девушек, чьи судьбы сходны с судьбой Олеси Кулик.

Идея бессмертия народа, его непобедимости воплощена поэтом в образах, почерпнутых из глубокого источника народной мудрости. Силу интернационализма, неколебимость дружбы народов нашей страны поэт определил в простых, берущих за сердце словах: «Чувство семьи единой». Точнее и поэтичнее нельзя было сказать. И сам Тычина с серьезностью филолога и страстью поэта изучил многие языки других народов, стал переводить с русского, белорусского, армянского, грузинского, еврейского, башкирского, литовского языков. Он образно сравнил себя с дугой-радугой, аркой, соединяющей народы мира, и внес свою долю в духовное общение народов, знакомя украинского читателя с богатствами болгарской и других зарубежных литератур.

Поэзия Павла Тычины не только отразила жизнь нашей страны за полвека, а и воплотила эту жизнь в самобытных образах и формах — от песенных ритмов до классического гекзаметра.

Нежный лирик, в годы Отечественной войны он заговорил шевченковским языком гнева и ненависти к врагу. В то трудное время он во весь голос призывал «Побеждать и жить» (название книги стихов).

И хотя теперь, по слову поэта, «белеет волос — словно серебристый иней», но молодо его сердце, молода его поэзия, как вечно молода зелень ели.

Когда приходишь к Тычине в его киевскую квартиру, поражает обстановка напряженной духовной жизни. Тычина не только поэт, но и художник и композитор. Свет, цвет, звук, слово — всем владеет его многогранный талант. Энциклопедическая образованность присуща Тычине — поэту, ученому-академику, государственному деятелю.

У поэтической колыбели Тычины стоял выдающийся украинский писатель Михаил Коцюбинский. У него на литературных субботах в кругу черниговской молодежи юноша из села Пески впервые прочитал свои стихи. Еще в 1911 году от Коцюбинского услышал о молодом талантливом украинском поэте М. Горький. Когда вышла в 1927 году первая книга стихов Тычины на русском языке, Горький прислал Тычине приветственное письмо.

Исполнен труда и душевной красоты творческий путь поэта Украины Павла Григорьевича Тычины. В день славного юбилея творческая энергия живет в нем, и как он сам сказал:

Есть на свете истина
простая:
жить, в работе догонять
мечту.
Строим снова! Труд
перерастает
в красоту...

Александр ДЕЙЧ

Мария ХАЛФИНА

Повесть

Маче

Рисунки П. Пинкисевича.

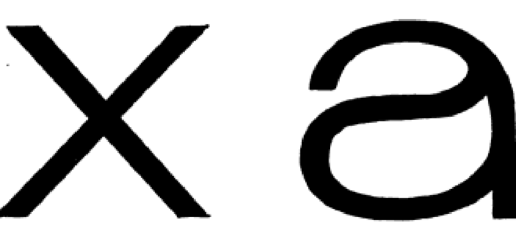
Справлять новоселье Олеванцевы решили в субботу, чтобы назавтра, в воскресный день, гости могли не спеша прийти опохмелиться и до самого вечера, не оглядываясь на часы, свободно погулять. А потом успеть проспаться, отдохнуть и к утру рабочего понедельника вполне войти в норму. Готовились к новоселью капитально, денег не жалели. Праздник получался не совсем обычный, вроде бы тройной. Как раз на субботу приходилось Шуркино рождение. Двадцать пять лет исполнялось ей в этот день. А две недели назад Павел за посевную получил почетную премию, и его показывали по телевизору.

Анфиса Васильевна, сидя перед телевизором, даже заплакала от горделивой радости. Стоит зять у трактора, степенно так руками разводит, объясняет что-то ребятам-трактористам. Хотя и худущий, а все же солидный, взрослый такой из себя мужчина... Олеванцев Павел Егорович, совхозный механик. Даже и не верится, что это Паша... Давно ли, кажется, сидели они с Шуркой за свадебным столом, молоденькие, глупые.

А теперь вот тысячи людей глядят на него, а дикторша, красивенькая, словно куколка, рассказывает, как он работает, как своим умом и старанием из простых трактористов вышел в механики, как сам все время учится и других за собой тянет. И все его уважают и ценят, несмотря на молодые еще годы.

А спецовка-то на нем ее, тещиными, ру-

ками сшитая... Зятя Анфиса Васильевна уважала за спокойный, серьезный характер. Конечно, неплохо, если бы Паша был немножко бойчее, разговорчивей, податливее на ласку. Ну уж тут ничего не поделаешь: с каким, видно, характером бог человека уродит... Зато не в пример некоторым другим мужикам зарплату получит — всю до копейки в дом несет.

За семь лет не обидел семейных ни одним грубым словом, а тещу кличет мамашей и всегда по-культурному на «вы». Цену себе он, конечно, знает, спину ни перед кем не гнет, начальники к нему всегда с уважением. Гляди, какую квартиру выделили в новом доме: отдельную, со всякими удобствами. Точно такую же, как главному агроному.

Один недостаток у зятя: нет у него настоящей приверженности к домашнему хозяйству. Дай ему волю — сидел бы с семьей на одной зарплате. Шурка не работает — ее дело ребят хороших рожать да об мужике заботиться, чтобы его из дома никуда на сторону не поманило... А на одну зарплату, какой ты ни будь ударник, не очень-то расшикуешься.

Что у Павла было, когда он на Шурке женился? А теперь дом — полная чаша. И обстановочка на цельную квартиру, и телевизор, и мотоцикл. А все потому, что живут они с Шуркой за матерью, как за каменной стеной. Ребятишки около бабки здоровенькие, ухоженные... Соскучатся молодые дома сидеть — поднялись и пошли. Хоть в кино или в клуб на танцы. А что ж? Только им и погулять, пока мать жива. Приоденутся — поглядеть на них и то любо.

Паша в новом костюме — в городе в ателье шили, — что твой профессор! Брючки узкие, ботинки на резиновом ходу — модные, по шелковой рубашке галстучек темный с искрой... Ну, а про Шурку и говорить нечего — цветет, как та роза белорозовая, про которую в песне поется. И во всем этом ее, материна, забота. Ее труд неустанный. Чего ж тут удивительного? Шурка у нее единственная. И радость, и горе, и свет в окошке. И хотя Шурка, как говорится, звезд с неба не хватала и на учение была не очень способная, а вот сумела — увела из-под носа у всех девок самого лучшего жениха и ребятишек родит всем на зависть: из тысячи может один такой-то ребенок родится, как Юрка или Леночка.

Первые три года молодые жили при ней, в ее стар採еньком, крохотном пятистенке. Жили неплохо, только обстановку некуда было расставлять. Поставили в горнице двуспальную кровать-новокупку, а Юркину кроваточку хоть в сени выбрасывай. Про шифоньер или там про буфет говорить нечего, а шифоньер Шурке два года даже по ночам снился.

Три года назад, получив в совхозном доме, по соседству, комнату, молодые вроде как бы отделились от тещи на самостоятельную жизнь.

Анфиса Васильевна сама способствовала этому «разделу». По существу, в жизни семьи ничего не изменилось: в новой комнате расставили обстановку, а столовались по-прежнему с матерью; ребятишки дневали и ночевали у бабушки, да и молодые нередко уходили к себе только на ночь. Зато теперь в хлевушке у Анфисы Васильевны похрюкивали уже не одна, а две свиньи: одна «моя», другая «Пашина».

Картошку теперь садили на двадцати сотках в поле, а мамашин огород был целиком отведен под овощи и ягодник. Базара в совхозе не было, овощи и ягоду служащие разбирали нарасхват.

Возвратившись как-то из города с двухмесячных курсов, Павел обнаружил в полуразвалившейся, много лет пустовавшей стайке доброй породы нетель.

— Ничего, милый зятек, косись не косись, а это тоже не дело — таскаться каждый вечер с бидончиком в совхозный ларек за молоком!

Никаких забот о домашности Павел не знал. Насчет земли, покоса или там пиломатериала на строительство стайки, на ремонт мамашиного дома в контору с заявлением ходила Шурка.

Отказать ей было невозможно: маленькая, румяная, синеглазая, с синеглазым румяным младенцем на руках, она могла обезоружить любого, самого прижимистого хозяйственника.

Работой домашней Анфиса Васильевна зятя также не обременяла и Шурке внушала строго:

— Мужик на производстве рук не покладает, учится на ходу, а мы с тобой, как барыни, дома сидим. Неужели вдвоем с таким хозяйством не управимся?

К тройному празднику Анфиса Васильевна начала готовиться загодя, основательно и не спеша: выкоптила полупудовый красавец окорок, съездила к знакомому бакенщику за малосольной нельмой, потому что какой же праздник без рыбного пирога?

Тайком от зятя закатила на печь двухведерный лагун бражки-медовухи. А кому какое дело? Мед-то некупленный, от собственных пчел.

Ничего, на празднике зятек и сам запрещенной бражки выпьет, и гостям подносить будет, да еще спасибо скажет теще за заботу. Шутка в деле, какая экономия получается на водке со своей-то бесплатной бражкой!

Разливая по блюдам душистый холодец, Анфиса Васильевна сердито поглядывает в окно, прислушиваясь, не стукнет ли калитка.

Шурка с самого утра возится в новой квартире, наводит перед новосельем окончательный лоск, даже Леночку покормить ни разу не прибежала; пришлось беляночку весь день на каше да на коровьем молоке держать.

Юрка-варначонок за эти дни совсем от рук отбился, носится с ребятами, не загонишь молочка парного напиться.

А Паша и обедать не приходил — на что это похоже? И так уж от работы одни мослы остались.

Стукнула калитка, через двор, прикрывая лицо краем теплого пухового платка и как-то по-чудному сгорбившись, бежала Шурка.

У Анфисы Васильевны сразу, как перед большой бедой, оборвалось и покатилось сердце.

Шурка тихонько выла, стучала зубами, дергала, как припадочная, головой; пришлось разок стукнуть ее по затылку, чтобы как-то привести в чувство. Бросив на стол измятый конверт, она отпихнула к стене сонную Леночку и повалилась ничком опухшим лицом в подушку.

У Анфисы Васильевны тряслись руки, строчки чужого измятого письма сливались в глазах.

— «...может быть, ты, Павел Егорович, посчитаешь, что мое дело сторона, но я все же должен тебя известить, что Наташа неделю назад скоропостижно померла и осталась после нее дочь Светлана, семи лет. Когда мы приехали на место, Наташа моей жене призналась, что в тягости уже на пятом месяце.

Здесь у нас Светка и родилась; фамилия у нее Наташина, а отчеством Павловна. Обличьем вылитый твой портрет, и не только обличьем, но более того, характером: такая же серьезная и башковитая; училась нынче в первом классе на одни пятерки. Наташу сватал наш прораб, мужик одинокий, самостоятельный, только она не пошла. Жила со Светкой при нас такой же монашкой, как и до тебя жила. Я бы Светку взял, да не надеюсь на здоровье, и своих ребят навалом. А в детский дом отдать при живом отце руки не поднимаются. Да и перед Наташей грех.

Так что решай, как тебе совесть подскажет. Ответ будем ждать две недели; коли не ответишь, придется решать судьбу дочери твоей чужим людям».

Дальше шли поклоны покровским родичам и знакомым и подробный адрес жительства.

— Господи! — облегченно вздохнула Анфиса Васильевна, бросила письмо на стол. — Ну, дура сумасшедшая! Испугала до полусмерти! Я думала: с Пашей что стряслось.

Письмо принесли утром. Шурка в это время была занята совершенно неотложным и очень ответственным делом: прикрепляла новые тюлевые шторы к золоченым багетным карнизам. Не до письма было. В обед заезжал Павел, взял с комода нераспечатанное письмо. И, только мельком оглянувшись и увидев, как медленно, тяжело отливает кровь от его лица, Шурка поняла, что письмо принесло беду.

— Дура ты бестолковая! Разве это мыс-

ленно?! — всплеснула руками Анфиса Васильевна.— Мужику письма идут, а она их нечитанными на комод кидает. Что же ты его не прочитала, пока Паши дома не было?! Прочитала, сунула в печку — и нет ничего!

— Я же думала, оно от Вари, от золовки, она одна ему пишет.— Судорожно всхлипнув, Шурка оторвала лицо от мокрой подушки.— Он, как прочитал, сразу с лица сменился. Подал мне письмо, а сам сидит, молчит, как каменный. Потом встал. Пойду, говорит, телеграмму отобью, потом к директору, попрошу отпуск, дня за четыре обернусь туда и обратно. А я встала на порог в дверях. Никуда ты, говорю, не поедешь, потому что я все равно ее не приму!

Голос у Шурки сорвался. С тихим воем она опять повалилась в подушку.

— Никуда ты не поедешь, потому что я все равно ее не приму! — Шурка стояла перед Павлом, как маленькая, но непоколебимая скала.

Бледная, вскинув подбородок, прищурившись, смотрела ему в лицо чужими глазами.

— Если ребенок твой был, с чего бы она тогда уехала? Да она бы тебя, телка лопоухого, враз бы как миленького окрутила. Значит, нельзя ей было на тебя свалить...

— Ничего ты не понимаешь,— тоскливо отмахнулся Павел.— Я ей не один раз предлагал расписаться, когда про ребенка и помину не было... Она сама не соглашалась. Не хотела жизнь мне портить, потому что старше меня была и нездорова. А про ребенка скрыла и уехала, чтобы руки мне развязать. Услышала, что я с тобой дружить начал, и пожалела...

— А если бы сказала, значит, на ней бы женился?! Променял бы меня на старую... на страхолюдину?! Такая, значит, твоя любовь ко мне была?!

— Я ж от тебя ничего не скрывал, ты все знала...

— Врешь! — яростно взвизгнула Шурка, с трудом сдерживая подкатившиеся к горлу слезы.— Я думала, что ты с ней просто так... трепался, а ты... Посмотри в зеркало на себя, как тебя сразу перевернуло! Значит, любил, если так переживаешь! А теперь дочь ее пригульную на шею мне хочешь посадить?! Не бывать этому никогда! И думать об этом не смей!

— Дура ты, Шурка! Если ты ее не примешь, что же я тогда делать буду? — потерянно спросил Павел.

— Если, говорит, ты ее не примешь, что же, говорит, я теперь делать буду?— Всхлипывая и сморкаясь в Леночкину пеленку, Шурка сквозь опухшие от слез веки растерянно, умоляюще смотрела на мать.— Потом куртку рабочую снял, надел новый пиджак и ушел. А письмо в куртке, в кармане, осталось... я и взяла...

— Ладно, хватит выть...— сурово оборвала мать.— Хорошо, что хоть ума хватило, не поддалась ему, сразу твердо на своем постановила. Так вот и будешь держаться. Домой не пойдешь. Умойся и ложись с Леночкой, а я с Юркой в кладовке постелюсь. Не реви, обойдется. Побегает, побегает, одумается и прибежит. Одного боюсь: не проболтался бы кому про письмо сгоряча! Да нет, не может такого быть. Парень он неглупый, не захочет своими руками и на тебя и на себя петлю такую надеть. Спи, твое дело маленькое. Теперь уж я сама с ним разбираться буду.

Павел пришел, когда уже начали меркнуть в окнах поздние огни. Заглянул в темную горницу, молча постоял на пороге.

Шурка, облившись потом, замерла неподвижно, стиснула намертво зубы, зажмурилась, чтобы он даже дыхания ее не услышал.

— Письмо у вас, мамаша? — вполголоса спросил Павел, устало присев к столу.

— Садись ужинать да спать ложись; ходишь голодный по целым дням.

Анфиса Васильевна не спеша, вразвалочку собрала на стол.

— А письма никакого не было и нету, и хватит тебе, Павел, мудрить-то над нами; уж если нас не жалко, Леночку хоть пожалей! Испортится у Шурки молоко — сгубите ребенка! Ты посмотри, до чего бабу довел!

— Я перед ней ни в чем не виноватый: она про меня все знала, и вы... тоже знали, а что у меня где-то дочь растет, я сам только сегодня узнал.

— Да какая она тебе дочь?! — ахнула Анфиса Васильевна.— Кто это доказать может? И кто тебя за язык тянет дочерью ее называть? Ну, был бы ты партейный, тогда другое дело...

Анфиса Васильевна присела рядом с Павлом, тронула тихонько за плечо.

— Может, ты опасаешься, что тебя из ударников уволят? Ну и бог с ними, сынок! Неужели тебе красная книжечка дороже жены и детей? А позору-то сколько! Что люди-то про тебя скажут?! Да нам с Шуркой от стыда глаза на улицу показать нельзя будет.

Анфиса Васильевна тихонько всхлипнула и торопливо высморкалась в уголок фартука.

— Ты объясни мне: с чего ты это задумал? Чем ты недовольный? Чего тебе не хватает? Были бы вы с Шуркой бездетные, я бы слова не сказала, а то ведь свои есть: сын и дочка — красные деточки, родные. Чего тебе еще нужно?

— Эти свои, а та чужая? — скривился Павел.

— Стыдно тебе, Паша, и грех! — Анфиса Васильевна поднялась, оскорбленно поджав губы.— Какое же тут сравнèние может быть? Александра тебе законная жена, а Юрка и Леночка — законные дети. А там... Что ты людей-то смешишь? Таких-то детей у каждого мужика дюжина по белу свету раскидана. Если каждый начнет своих пригульных подбирать да женам подбрасывать, это что ж тогда получится? Для того и закон особый про матерей-одиночек придуман: нагуляла — получай от государства сколько положено, а к женатому человеку не лезь, законную семью не нарушай!

Павел сидел, тяжело навалившись на стол, сутулый, поникший. Надо же так! За один день свернуло парня, словно от тяжелой болезни!

— Не расстраивайся ты, Паша, успокойся, обумись!

У Анфисы Васильевны от жалости заперщило в горле.

Павел похлопал себя по карману, достал помятую пачку папирос. Подумать только! Шесть лет не курил, это что же с мужиком поделалось! Сглазил его кто, что ли?

— Обумись, сынок, одумайся! Разве такое дело сгоряча можно решать? Вот отгуляем новоселье, а потом и поговорим, посоветуем сообща, что делать. Ты и сам потом спасибо скажешь, что не дали тебе пустяков разных натворить. Ты рассуди только: девочка тебя не знает, ты же для нее дядька чужой. Девочка, по всему видать, избалованная, характерная; ее надо сразу к строгости приучать, к порядку, к работе...

Павел, словно спросонок, вскинул голову и пристально уставился в разгоряченное лицо Анфисы Васильевны.

— Была бы Шурка постарше да характером потверже,— не замечая его внимательного, угрюмого взгляда, продолжала Анфиса Васильевна.— Ну, разве она может? Ну, подумай ты сам, какая из нее мачеха?!

— А моей дочери, мамаша, не мачеха нужна, а мать...— Павел размял в пальцах папироску, закурил неумело.— У законных моих детей все имеется: и отец, и мать, и бабушка, и дом родной! А у... той никого. Я один.

Что же касается Александры, так ей не семнадцать лет и не настолько она глупая, как некоторые считают. Вы, мамаша, не обижайтесь, разве не из-за вас ее до двадцати пяти лет все Шуркой кличут? Вся причина в том, что не своим умом она живет, а вашим. Кто ей внушил, что учиться она неспособная?

Почему она работать не идет? «На ферме в навозе копаться или уборщицей чужую грязь выворачивать за гроши...» Чьи это слова? А кто ей в голову вбивал, что замужней в комсомоле состоять не пристало? Подушки дурацкие вышивать — хоть весь день сиди, а если она книжку в руки взяла, вы сейчас же ворчать начинаете.

А не по вашей указке она тайком от меня Юрку в город крестить таскала? А теперь вы, кажется, к Ленке подбираетесь? Нет, мамаша, камнем тяжелым вы у нее на ногах висите. И между нами камнем легли...

Павел поднялся из-за стола, незнакомый, чужой. Снял с гвоздя старую кепку.

— Дочь свою я к вам не привезу, вы не беспокойтесь. Поскольку жена дочери моей матерью стать не может, приходится мне другой выход искать. Приходится со своей бедой в люди идти. Дочку я к сестре, к Варе, увезу, у нее своих трое, среди них и моя лишней не будет. Из совхоза я увольняюсь. Буду в Варин колхоз переводиться, чтобы около дочери быть; квартиру получу — приеду за Александрой...

— Не пущу! — сдавленно крикнула Анфиса Васильевна.— Никуда она от меня не поедет, идиёт ты бешеный!

— Ладно, мамаша, это дело нам с женой решать.— Павел хмуро взглянул в перекошенное злой гримасой, плачущее, старое и жалкое лицо тещи.— Не навек расстаемся. Поживем с Шуркой одни, научимся своим умом жить и опять в одну семью соберемся. И дочь моя тогда вам помехой не будет.

Затихли тяжелые шаги под окном, стукнула калитка... Анфиса Васильевна, сгорбившись, привалилась плечом к печке. В левом боку кололо, тошнотой подкатывало под сердце.

Вот тебе и новоселье!.. Преподнес муженек подарочек ко дню рождения милой жене!

Вот сейчас выскочит она из горницы, повиснет с ревом у матери на шее.

В горнице захныкала Аленка, и в ту же минуту в темном проеме двери возникла Шурка. Одетая, обутая, словно не лежала только что в одной рубашонке под одеялом.

Деловито закалывая на затылке растрепанную тяжелую косу, прошепелявила сквозь зажатые в зубах шпильки:

— Ленка проснулась, ты, мам, покорми ее, а завтра каши да киселя ей навари. Да Юрку, смотри, одного на речку не пускай!

— Куда?! — ахнула Анфиса Васильевна.— Дура заполошная, куда ты?

Накинув платок, Шурка, на ходу оглянувшись на мать, бросила с порога:

— Сама я с ним за Светкой поеду, вот куда!

Новоселье справить так и не пришлось. Все как-то спуталось, перемешалось. Какое уж тут веселье-новоселье! Да и деньги ушли все до копеечки. Назад со Светкой летели самолетом, чтобы сэкономить время. Для Павла дорог был каждый час.

Дома расходы тоже потребовались немалые. Просить денег у матери не хотелось, пришлось до Павловой получки перехватить полсотни у Полинки Сотниковой.

Со Светкиным устройством Шуре пришлось, считай что в одиночку, самой все обдумывать и решать, потому что Павел, как приехали, сразу на летучку и по полям, только его и видели.

В маленькой спальне повернуться и так было негде, приходилось кровать для Светки ставить в «зале» — так Анфиса Васильевна горделиво называла вторую, большую комнату.

И вот за какие-то полчаса прахом пошла вся красота, которую с такой радостью, с таким старанием наводила в «зале» Шура, готовясь к новоселью.

Чтобы выгородить для Светки отдельный удобный уголок, зеркальный шифоньер развернули и поставили боком к стене,

Круглый, под бархатной скатертью стол, в окружении четырех полумягких стульев, с середины комнаты был оттеснен в угол, к тахте. Телевизор с самого видного места пришлось передвинуть в простенок, приемник со столика перекочевал на подоконник, а столик ушел за шифоньер, в Светкин угол. Стенную, красного дуба полочку, на которой стояли золоченые вазы с великолепными бумажными георгинами, Шура сняла и повесила над Светкиным столиком: надо же девчонке куда-то ставить свои книжки. Пышный, уже набравший цвет тюльпан за неимением места пришлось подарить Полинке.

Деньги, и свои и заемные, растаяли за несколько дней. Купила голубенькую односпальную кровать, а к кровати, хочешь не хочешь, нужен коврик, хоть небольшой. И постель, за исключением подушки, пришлось заводить новую. Платьишки, привезенные «оттуда», были какие-то старушечьи, серые и длинные. Шура просто видеть их не могла. Прежде всего из цветного штапеля она сшила два нарядных платьица, два веселеньких ситцевых сарафана и несколько трусишек. Для постоянной носки купила красные сандалики, а для непогожих дней — ботинки и теплую кофточку.

После всех этих хлопот Шура смогла наконец спокойно вздохнуть. Дело летнее, можно пока обойтись, а потом уж не спеша начинать готовить Светку к зиме, к школе.

Взглянуть со стороны — никаких особых изменений в семье не произошло: было раньше двое ребят, стало трое. Только и всего. Жили теперь оседло, в собственной квартире. Один Юрка по-прежнему кочевал из дома к бабушке и обратно; теперь он стал вроде связного между двумя хозяйствами.

Анфиса Васильевна к молодым наведывалась нечасто. Не могла она забыть жестоких Павловых слов, не могла простить Шурке ее неожиданного самовольства. Теперь она ни во что не желала вмешиваться.

Попробуйте, милые детки, поживите своим умом, если материн ум вам во вред пошел... Если мать не помощью, не опорой вашей, а камнем тяжелым стала для вас...

Один только раз не выдержала Анфиса Васильевна, выложила все, что накипело на душе.

— Ну, Шурка, надела ты на себя петлю... — сказала она, глядя на дочь с суровой жалостью. — С таким дитем сладить — не твой характер и не твой умок требуется. Разве же это ребенок? Ты погляди: она людям в глаза не смотрит, говорить с людями не желает. А нарядами этими да баловством ты, милая моя, все равно в добрые перед ней не войдешь, только больше еще себя перед ней унизишь. Потому что нету в ней никакой благодарности, не желает она осознать, что ты сиротство ее пожалела, что содержишь ее наравне с родными, законными детями.

А раз не желает она тебя признавать, так ты ей теперь хоть масло на голову лей — все равно и перед ней и перед людями будешь ты мачеха... злодейка. Дура ты, дура! — Анфиса Васильевна горестно, громко вздохнула.

Нет, чтобы мать-то послушать, если своего умишка небогато... Испугалась овечка глупая! Как же! Обидится муженек, разлюбит, бросит еще, пожалуй! Выхвалиться перед ним захотела: вот, мол, какая я к тебе сознательная! Он теперь и сам, поди, видит, какое золото в семью привел, какой беды натворил, да только обратно ходу нет, не просто вам теперь это ярмо с шеи скинуть. Не высунулась бы ты тогда раньше времени — и никуда бы он не девался! Побегал бы, пофыркал и прибежал бы, как миленький, обратно. Да еще у тебя же и прощения попросил бы за обиду...

Шура матери не возражала, не оправдывалась перед ней. Не пыталась объяснить, какая сила подняла ее тогда с постели, что заставило из материнского дома, от сонных ребятишек бежать глухой ночью вслед за Павлом...

Конечно, силком Пашу никто не мог заставить признать эту самую Светку. И про то письмо люди могли бы не знать... Ну ладно. Пусть бы он отрекся, отказался бы от нее... А дальше как? Знать, что живет где-то девчонка одна-одинешенька... круглая сирота... при живом отце... безродная...

И не забыть никогда тех горьких Пашиных слов: «Приходится мне со своей бедой в люди идти». Семь лет жила она за широкой Пашиной спиной, ни горя, ни заботы настоящей не знала. Он, глупый, думал, что рядом с ним верный человек живет, надежный. Надеялся, что до конца жизни у него с женой и радости и горе — все пополам будет. А вот случилась у него первая трудность — жена за материн подол схоронилась и талдычит оттуда, как попугай: «Не пущу! Не приму! И знать ничего не хочу!»

И не забыть никогда, как бежала она к нему ночью, как испугалась, увидев слепые, темные окна: и огня не зажег и дверь за собой не закинул... Только сапоги по привычке сбросил у порога. Лежал в потемках, не раздевшись, один на один со своим переживанием... Вот тогда-то и озарило Шурку, что теперь все зависит только от нее. Что не он, сильный и умный, а только она может отвести нежданную беду, нависшую над их гнездом.

Скинув на плечи платок, она присела на край тахты, пихнула Павла кулаком в бок, чтобы подвинулся, сказала ворчливо:

— Ну чего теперь психовать-то? Подумаешь! Люди вон совсем чужих детей берут на воспитание, а эта нам все ж таки не чужая...

Павел не удивился, не обрадовался. Он даже и глаз не открыл. Только засопел, словно на высокую гору вылез.

— А я ровно знала, что нам ехать, деньги утром с книжки сняла... — Не успев договорить, Шура громко, протяжно зевнула... Нет, к таким переживаниям надо, видно, привычку иметь... Привалившись враз отяжелевшей головой к плечу Павла, засыпая и борясь со сном, она озабоченно пробормотала: — Светает уже... ой, не проспать бы... к поезду...

— Не бойся... спи! — Широкой ладонью Павел прикрыл наплаканные Шуркины глаза, чтобы не потревожила ее до времени ранняя летняя заря. — Спи знай! Я разбужу.

Была бы Светка, как другие дети... Поскучала бы, поплакала да и начала бы помаленьку привыкать. Все бы и обошлось и наладилось бы. На первых порах Шура только об одном думала: чтоб как можно меньше бросались людям в глаза Светкины странности, чтобы, пока не попривыкнет она хоть немножко, не пялились бы на нее люди, не замечали, насколько не похожа она на других ребят.

И никому, даже задушевной своей подруге Полинке Сотниковой, ни словечком не обмолвилась Шура о странных болезнях Светкиной матери, о ненормальном Светкином воспитании.

Очень уж боялась она за Павла. Не разберутся люди, станут говорить: «Дочь-то у Павла Егоровича недоразвитая... полудурок... в мать зародилась».

Жалеть начнут, сочувствовать... А другой гад еще и посмеется. Есть ведь и такие, что очень не любят Павла за прямой характер, за строгость в работе. Рады будут за его спиной зубы поскалить.

Подруга со школьной скамьи, а теперь соседка по дому Полина Сотникова, наглядевшись на Светку, шипела в сенцах, таращась на Шурку круглые любопытные глаза:

— Ой, Шурена, я, ей-богу, и одного дня с ней не вытерпела бы! Ну чего ее корежит? Что она молчит, как зарезанная?! А может, они с матерью в секте состояли? Ты знаешь, какие они, эти сектанты, вредные?!

— Прямо-то! Еще чего не придумай! — со смехом отмахивалась Шура. — Девчонка как девчонка! И чего она вам всем далась? Привыкнет! Тебя бы вот так-то взять: от родной матери, из своего угла, да завезти бы на край света, в чужой дом, к незнакомым людям — легко бы тебе было? А что молчит, так в кого ей шибко разговорчивой-то быть? Вся она — папенька родимый: и лицом, и характером, и разговором. Капля в каплю Павел Егорович: в час по словечку и то в воскресный день.

Все сочувственные вздохи, вопросы и советы Шура выслушивала, безмятежно посмеиваясь.

Будто бы не видела она ничего странного в том, что семилетняя девчонка не умеет улыбаться, что невозможно поймать косого, ускользающего взгляда ее всегда опущенных глаз.

Словно не тревожило Шуру и ничуть не тяготило Светкино молчание.

Разговаривать Светлана могла вполне нормально, не заикалась, не страдала косноязычием. Просто она могла в разговоре обходиться всего двумя словами: «да» и «нет». И еще время от времени она говорила:

— Не надо... я сама...

Произносила она эти слова тихо и невыразительно, но с каким-то непреоборимо тупым упорством.

Когда с ней кто-нибудь заговаривал или просто ловила она на себе чужой пристальный взгляд, плечи у нее приподнимались вверх, а голова медленно и плавно начинала поворачиваться влево, пока подбородок не упрется в плечо. Со стороны казалось, что кособочит ее какая-то тайная сила, какой-то особый механизм, запрятанный в шейных позвонках. Причем косой взгляд ее опущенных глаз в этот момент уходил куда-то совсем уж вкось, за спину, за левое плечо.

Только благодаря неистощимому Шуркиному благодушию можно было не замечать этого нелепого кособочия и хоть в какой-то мере противостоять глухому упорству противных слов: «Не надо... я сама...»

— Давай я тебе коски заплету... — гово-

СУД ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Стоит ли о них (нацистских главарях) писать? Следует ли их вспоминать? Какой интерес это может представлять через двадцать лет?..»

Такой вопрос задает автор этой книги и отвечает на него: «Думаю, что стоит. Убежден, что следует».

И действительно, книга А. И. Полторака, секретаря советской делегации в Международном военном трибунале в Нюрнберге, убедительно доказывает, что не зря внимание человечества вновь привлечено к происходившему двадцать лет назад «самому большому судебному процессу во всей истории человечества». Ибо, говорит А. И. Полторак, «Нюрнбергский процесс продолжает наносить удары по врагам мира и демократии... Никогда язвы капиталистического мира не выставлялись так открыто, как это имело место в Нюрнберге».

Эти важнейшие положения в книге «Нюрнбергский эпилог» раскрыты не в отвлеченных рассуждениях, а в яркой, живой картине. Я бы сказал, картине двойной: и того, что происходило в стенах Дворца юстиции, и того, что происходило в мире, когда нацистские изверги, попавшие на скамью подсудимых, были у власти и творили свои злодеяния.

В отличие от многочисленных представителей печати и радио А. И. Полторак имел возможность видеть и слышать то, что происходило и между подсудимыми, и на совещаниях коллегии обвинителей, и на специальных распорядительных заседаниях Трибунала. Вот почему книга насыщена интереснейшими фактами: мы узнаем, что говорили подсудимые у себя в камерах с американским психиатром доктором Джильбертом, как дружно, в полном единстве работали обвинители от СССР, США, Англии, Франции, как Трибунал, руководимый членом Верховного суда Великобритании лордом Д. Лоуренсом, вел процесс строго объективно и справедливо. А. И. Полторак особенно подчеркивает единство обвинителей: «Нюрнбергский процесс в целом был ярким примером плодотворного и лояльного сотрудничества четырех держав». Нет надобности указывать на огромное историческое и политическое значение этого факта сегодня.

К большим достоинствам книги относится и то, что в ней на основе многочисленных данных (документы, высказывания подсудимых, их поведение на суде) охарактеризованы эти люди, возомнившие себя властителями мира, а на поверку оказавшиеся жестокими и трусливыми, наглыми и жалкими — в общем, типичными «недочеловеками», если использовать их же излюбленный тезис. Портреты «наци № 2» Геринга и торговца шампанским в роли дипломата Риббентропа, главарей вермахта Кейтеля и Йодля, обер-палача Кальтенбруннера и финансового волшебника нацизма Шахта точны и красочны. «Двести пятьдесят дней шел процесс,— говорит А. И. Полторак,— и каждый день давал бесчисленное множество подтверждений идейной опустошенности, злобности и коварства подсудимых». Американский обвинитель Р. Джексон в своей речи особо подчеркнул ту мысль, что никакой процесс не даст безопасности человечеству, если в новых условиях будет проводиться старая политика поощрения германского милитаризма. А Роберт Лей (до начала суда повесившийся в камере) на бумаге излагал мысли о необходимости и неизбежности союза Германии и США против коммунизма, против «советской угрозы». Увы, оказался прав в своем предупреждении Р. Джексон: ныне миру вновь угрожает германский милитаризм, на этот раз в тесном союзе с американским империализмом.

И это, пожалуй, главная причина того, что столь злободневен процесс двадцатилетней давности!

Вот поэтому-то мы горячо рекомендуем читателям «Нюрнбергский эпилог».

М. ГУС

А. И. Полторак. Нюрнбергский эпилог. Воениздат. Москва. 1965.

И КАК МОЖНО СКОРЕЕ!

Так уж принято: желая сказать доброе слово в адрес писателя, иногда бросают тривиальную фразу: «Прошло много лет, а книга его живет поныне, проблемы, затронутые им, не устарели». И вот читаю книгу автора, которого одолевает совсем иная забота: он был бы рад, если бы написанное устарело. И к нему присоединяются читатели: они-то прежде всего заинтересованы в том, чтобы написанное им кануло в Лету... И как можно скорее! Но, увы, книга не устарела. «Кляксы на мраморе», о которых идет в ней речь, не смыты временем.

«Кляксы на мраморе» — так назвал свои заметки писатель Евгений Воробьев — это «мелочи быта», которые, будучи умножены в тысячи и тысячи раз, становятся крупной проблемой. Ибо быт — это сфера, в которой нет мелочей, тут, как справедливо замечает автор, «действует закон больших чисел».

Читатели нашего журнала имели возможность уже давно приметить эти «кляксы». В свое время в «Огоньке» был опубликован очерк Евгения Воробьева «Мелочи? Нет...». Очерк вызвал много сотен откликов. Они публиковались с комментариями писателя, и каждая такая публикация вызывала новый приток писем.

Культура городского быта, удобства и уют жителей, большой разговор о всяких «нескладицах, недодумках, недоделках и несообразностях» в строительных, коммунальных, транспортных, торговых, почтовых буднях; обличение тех, кто порой портит нам настроение, кто делает порученное ему дело холодными, нерадивыми, неумелыми руками; исследование всего доброго, хорошего, интересного, что рождено службой быта,— вот круг проблем, которые на какое-то время стали для писателя важной темой. Чего греха таить, иным литераторам эти проблемы кажутся не заслуживающими писательского пера: «Мелочи... Газета... Газетный фельетон!» И Воробьев ответил им своей книгой: «Мелочи? Нет, неправда!» Ответил и ринулся в бой с «кляксами на мраморе». Он вел этот бой в газетах, журнале, а потом перенес его на страницы книги. На ее титульном листе есть подзаголовок: «Заметки писателя». Я бы добавил: «Воинственные заметки».

Евгений Воробьев не только обличает. Он дает много хороших советов, рассказывает о поучительных делах некоторых городов, об опыте наших друзей из ГДР и Чехословакии. Но и тут звучит гневное слово писателя: почему этот опыт не используется? И вместе с автором не можешь не пожалеть, что книга его еще не устарела. А убедился я в этом, выполнив обычное в журналистике дело — позвонив по нескольким адресам, указанным автором. Обидно мало перемен. А так хотелось, чтобы их было побольше. И как можно скорее!

Л. ЛЕРОВ

Евгений Воробьев. Кляксы на мраморе. Политиздат. Москва. 1965.

РОМАН О СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТАХ

Читателям хорошо известны книги Геннадия Семенихина: «Летчики», «Над Москвою небо чистое», «Пани Ирена». Продолжая тему о людях, покоряющих воздушное пространство, он написал новый роман — «Космонавты живут на земле». В коротком вступлении автор сообщает нам, что его герои вымышленные, сюжетные линии тоже. Однако это вовсе не означает, что роман полностью оторван от реальной действительности. Писатель, имевший возможность изучать жизнь космонавтов, наблюдать их во время занятий, тренировок, на досуге, многие свои наблюдения использовал в книге.

В центре романа судьба паренька Алеши Горелова из маленького провинциального городка.

Мы знакомимся с ним в тот день, когда тысячи жителей Верхневолжска, ликуя, встречают первого космонавта мира Юрия Гагарина. Алеша Горелов бросается к его машине с зажатым в руке конвертом. В нем изложена наивная просьба взять и его в отряд космонавтов. Оттесненный толпой, Алеша

Г. Семенихин. Космонавты живут на земле. Роман. Журнал «Москва», №№ 10—11. 1965.

рит утром Шура, притягивая к себе Светку за плечо.

— Не надо... я сама...— Светка вывертывается из теплых Шуриных рук и, скособочившись, отходит в угол.

— Ну что ж, сама, так сама...— покладисто соглашается Шурка.— Пока дома сидишь, можно и самой. А вот как в школу пойдешь, тогда уж смотри...— И начинает, посмеиваясь, рассказывать, как Екатерина Алексеевна один раз выставила ее из класса, когда она, еще во втором классе, явилась в школу с плохо прибранной головкой.

— А причесываться надо перед зеркалом, а то гляди, какую дорогу сзади оставила...— Шура подбирает длинную прядку волос и вплетает ее в Светкину косичку, словно не замечая, что Светкина голова совсем ушла в плечи, что вся она сжалась, напряглась, как будто вот сейчас должно случиться что-то очень нехорошее.

— А вообще-то ты все же молодец! Смотри, как гладенько заплелась и проборчик пряменький...— Она снимает с комода зеркало и ставит его на Светкин столик.

— Гляди-ка! Я этак-то и в десять лет еще не умела.

А Светка действительно многое умела делать. Даже и не поверишь, что девчонке еще восьми лет не исполнилось.

Шура часто хвалилась перед бабами:

— У нас Светлана такая до всего способная! Читает, как большая, первый класс на круглых пятерках закончила. И в любой работе такая проворная, такая растет помощница... И все сама. Ни просить, ни заставлять не нужно. Сама дело видит. Уж эта не будет тунеядкой, как у некоторых доченьки-белоручки.

Довольно быстро Шура нашла хитроумный способ «разговаривать» со Светкой.

— Свет! Гляди, какие пуговички, по-твоему, лучше подойдут?— спрашивает она, раскинув перед Светкой нарядное пестрое платьице.— Красненькие или зеленые? Красненькие вроде больше личат, верно? Ну что же, ладно. Давай тогда красненькие и пришьем.

— Свет! Ты когда за хлебом ходила, видела, какие в ларек арбузы привезли? Как ты думаешь, спелые? Ну, коли спелые, давай, пока Ленка спит, сбегаем. Вдвоем-то мы шутя сразу пять штук принесем: ты в сумке два маленьких, а я в мешке три больших. Папка придет — вот удивится-то! Как это, скажет, вам пособило столько арбузов натаскать?

Они отправляются за арбузами. По дороге Шура рассказывает, как однажды она пожадничала и купила два большущих арбуза, а ни сумки, ни мешка с собой не было. Вот и пришлось ей один арбуз в руках нести, а другой ногами катить перед собой. Так вот через всю деревню на потеху ребятишкам и пинала она арбуз, как футбол, до самого дома...

Она рассказывает и звонко хохочет. И со стороны действительно может показаться, что вот идут по улице двое и о чем-то оживленно и весело толкуют.

Но все это могло только показаться со стороны, если не присматриваться. Шли недели, а Светка продолжала молчать. И была такой же чужой и немилой, как и в первые дни. Соседские девчонки норовили было с ней познакомиться, но скоро отступились. Кому она нужна, такая... кособокая?

Была она послушна. Молча, чем могла, помогала Шуре по хозяйству. Ходила за молоком, за хлебом в ларек.

Все свободное время проводила она за столиком в своем углу. Шура приметила, что любит она рисовать, шепнула Павлу, и он навез из города карандашей цветных, красок разных, альбомчиков для рисования.

Как-то в большую уборку Шура обнаружила под Светкиным матрасом альбом, до конца заполненный рисунками. Интересно так срисовано, где из книжек, а где и из головы, видно, придумано, и красками и карандашами.

Но никогда не видела Шура, чтобы взяла Светка нож карандаши починить или налила бы воды в стакан кисточки мыть.

Все тайно, все крадучись. И никогда не застанешь ее врасплох. Войдешь в залу, заглянешь за шифоньер — перед ней на столе «Мойдодыр» развернут. Большущая такая книга с картинками. «Мойдодыром» она и закрывала свое рисование, прятала от чужих глаз. Значит, всегда она настороже.

так и не смог в тот день пробиться к Гагарину. Но дерзкая мечта не померкла. Горелов становится летчиком-истребителем. Жизнь сталкивает его со многими трудностями. Видит Алеша гибель своего товарища, сам попадает в тяжелую воздушную переделку. Случай помогает ему осуществить заветное желание: Горелов направляется в отряд космонавтов.

Вторая часть романа рассказывает о том, как его герой шаг за шагом осваивает новую профессию. Мы видим его и в термокамере, и на центрифуге, и в сурдокамере. С большой эмоциональностью написана глава, рассказывающая о том, как Алексей Горелов испытывал скафандр, предназначенный для пребывания на Луне. Может быть, таких скафандров еще нет, а если они и есть, то не совсем похожи на описанный автором. Не в этом дело. Литература — это прежде всего человековедение. Мы видим, как на страницах книги мужает герой, как он закаляется, преодолевая трудности.

Г. Семенихин справедливо назвал свой роман «Космонавты живут на земле». Сколько бы ни совершался космический полет — часы, сутки, недели,— все равно это небольшой отрезок в биографии человека. Готовится же к такому полету космонавт на Земле, затрачивая на это долгие годы упорного, напряженного труда.

В прологе романа герой возвращается на Землю, благополучно совершив первый в истории человечества облет Луны. На последней странице автор не ставит точки. Командир отряда космонавтов генерал Мочалов, показывая на портреты первых исследователей космоса, говорит Алексею Горелову:

— Я бы хотел, чтобы вы пошли дальше них, Алексей Павлович.

Будем надеяться, что в новой книге о космонавтах автор продолжит рассказ о своих героях.

М. СЕРГЕВИЧ

Высокая жажда

Книга о книге — так коротко можно назвать новую работу Б. Горбачевского, рассказывающую о трагической и великой судьбе печатного слова.

Существует полулегендарный рассказ о начале книгопечатания. Когда Гутенберг впервые показал изобретенный им печатный станок предпринимателю Петеру Шефферу, тот с разочарованием заметил: «Но ведь это самый обыкновенный пресс». «Да,— спокойно ответил Гутенберг.— Это действительно пресс, но пресс этот таков, что из него вскоре польются неиссякаемые волны дивного напитка — напитка, утоляющего самую высокую жажду человека... он зажжет над людьми свет, еще доселе им неведомый».

Гутенберг не ожидал тогда, сколько гонений придется пережить его великому детищу...

Автор рассказывает живо и интересно о том, как шло к людям прогрессивное печатное слово. Он привлекает малоизвестные факты, новые документы, открывающие ту или иную страницу истории книги, борьбы с нею церковников.

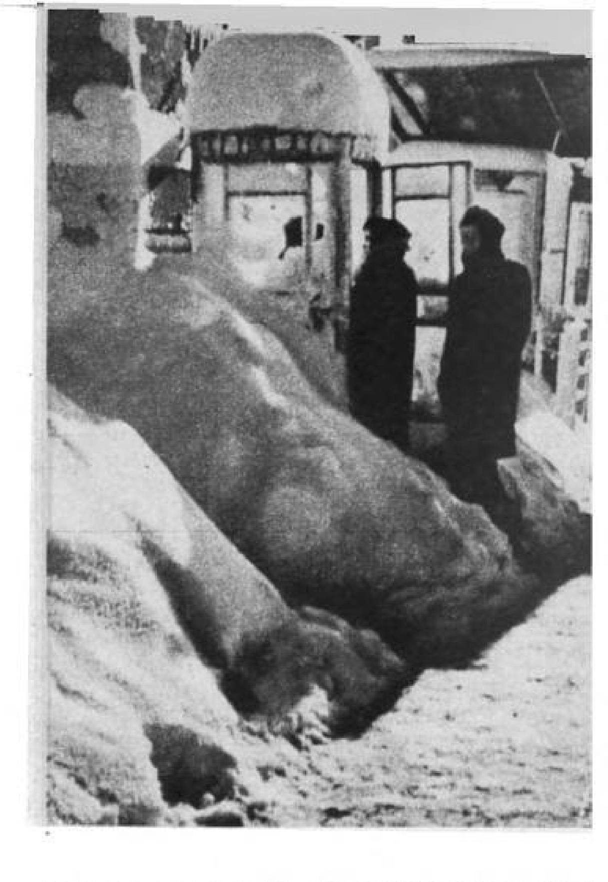
Пишет он и о новейших временах, о том, как сегодня, во второй половине XX века, церковь пытается поддержать свои сильно пошатнувшиеся позиции. На должность покровительницы телевидения духовенство выдвигает святую Клару. Объявляется конкурс на лучший труд, трактующий с позиций церкви теорию относительности Эйнштейна...

Думается, что работа Б. Горбачевского «Кресты, костры и книги», выпущенная издательством «Советская Россия», найдет широкого читателя.

В. ВАСИЛЬЕВА

ПРОКАЗЫ МАТУШКИ-ЗИМЫ

Такое в Молдавии бывает не часто. Но когда случается!..

В ноябре и декабре в республике стояла теплая погода, солнечные дни перемежались дождливыми и лишь два раза выпадал небольшой снег.

Но вот 5 января в гости к нам пожаловала русская зима. Невиданной силы буран обрушился на просторы южного края. Двое суток бушевала стихия. Снежные сугробы непреодолимыми баррикадами встали вдоль и поперек улиц, дорог. Прервалось троллейбусное и автобусное сообщение.

Внезапное наступление зимы не застало врасплох жителей городов и сел Молдавии. На борьбу с метелью вышла мощная техника. Тракторы, бульдозеры, снегоуборочные машины, скреперы в слепящую пургу день и ночь гудели на дорогах. И едва прекратился снегопад, стих пронизывающий ветер, в Кишиневе, Бельцах, Тирасполе и других городах движение транспорта было полностью восстановлено.

Говорят, нет худа без добра. Это верно. Буран, доставивший столько хлопот дорожникам, пришелся очень по душе хлеборобам. Озимые прикрыты надежным снежным одеялом.

Г. ЧОЛАК

Фото Л. Пантуса (ТАСС).

всегда в ожидании. А почему? Боится ли она кого или стыдится? Шура не спрашивала. С первых дней ей как-то само собой стало ясно, что расспрашивать Светлану ни о чем не нужно. Нельзя.

Очень хотелось Шуре приучить Светку к куклам. В кукольном уголке на кукольном стуле одиноко сидела нарядная белокурая красавица Катя. Подарок отца. На кукольной кроватке прикрытый легкой простынкой сиротливо лежал смугленький голыш. Но ни разу не видела Шура, чтобы взяла Светка куклу на руки или понянчила малыша.

Только как-то однажды ранним утром, заглянув за шифоньер, Шура обнаружила, что голыш поверх простыни прикрыт теплой Светкиной косынкой. Значит, все же пожалела Светлана маленького, ночи-то были уже по-осеннему холодны. Больнее всего обижало, что не хотела Светка носить нарядные, новые платья, которые с таким старанием шила для нее Шура. Сходит в магазин и, спрятавшись за шифоньер, сбросит новое, Шурино, и торопливо натягивает старенькое, «свое». А новое аккуратно повесит в шифоньер. И лицо у нее в этот момент такое, что Шура понимает: ни сердиться, ни уговаривать, ни убеждать нельзя. А «своего» у Светки только и было, что два серых застиранных платьишка и старая, потертая сумочка — «мамин редикуль».

Павел еще там, на месте, хотел взять из «редикуля» и переложить в свой бумажник Светкину метрику и документы ее матери, но Светка прижала «редикуль» к животу и, скособочившись, начала медленно пятиться к двери. Было ясно, что «редикуль» у нее можно было взять только силой.

Метрику она позднее отдала сама, когда Шура объяснила, что без метрики в школу могут не принять. Должны же учителя точно знать, сколько ей лет. А метрика-то была нужна для оформления Светки на фамилию отца. С «редикулем» Светка почти не расставалась. Ночью клала под подушку, а позднее, даже идя в магазин, стала брать его с собой. Шуру томило любопытство: что в нем таится такое драгоценное, что нужно так бдительно охранять, прятать от чужих глаз? Она все же не утерпела, выбрала удобный момент, когда Светка ушла на речку, и заглянула в «редикуль».

Какие-то старые конверты, картинки, квитанции. Паспорт. А в нем, в аккуратном конвертике из розовой промокашки, старая фотография. Длинное, плоское лицо, без выражения, без улыбки в тусклых глазах... Господи! И как только Паша мог?! И какое же это счастье, что Светка всем обличьем зародилась в отца! А иначе... не стерпеть бы, не вынести...

Шура тихонько всхлипнула и торопливо сунула «редикуль» обратно под постель.

— Дуреха, дуреха, ну кому нужен твой «редикуль»? Чего ты трясешься над ним?

Шура тогда еще не знала, что за «редикулем» уже давно охотится Юрка, что совсем не так-то просто охранять от него Светлане свои сокровища. Многого тогда еще Шура не знала. Вернее, просто не придавала значения, хотя бы тому, что Юрка окончательно отбился от дома и скоро, видимо, совсем переселится на жительство к бабушке. За последнее время он очень огрубел, стал какой-то дерганый, противный. А что хуже всего, он, оказывается, люто возненавидел Светку.

Когда Шура хватилась, было уже поздно: ни лаской, ни строгостью не могла она убедить Юрку если не подружиться, то хотя бы просто оставить Светлану в покое. Однажды она услышала Юркин выкрик: «Поганка черномазая! Приблуда! Немтырь толстогубый!» Как следует отхлестала его кухонным полотенцем и загнала в угол; правда, он тут же вывернулся и с ревом убежал к бабке.

Теперь он эти слова и еще многие другие не выкрикивал вслух, а шипел, кривляясь на пороге спальни или бегая назло взад-вперед мимо шифоньера. Он изводил Светку методически, с ревнивой и хитрой выдумкой баловня семьи, любимчика, отстраненного с привычного места по вине этой черномазой приблуды. Действовал он смело, в случае поражения он всегда мог отступить на надежные и хорошо укрепленные позиции — за бабкину спину.

Продолжение следует.

КОЛХИДА

— То, что я сделал здесь, на болотах, называется теперь островом Богверадзе. Это я Богверадзе, и я спрашиваю: человек ищет землю или земля человека! Отвечаю: то было 35 лет назад, пара твоих рук нащупала один гектар сухой земли, сейчас в Колхиде тысяча гектаров такой земли. Разве одними руками обойдешься!

Ия МЕСХИ

О Колхиде писали Аполлоний Родосский и Константин Паустовский. Не пренебрегая художественным вымыслом, они, однако, не отходили далеко от жизненной правды.

Мы не знаем, был ли на самом деле корабль «Арго», пришедший в Колхиду за золотым руном, существовали ли Ясон, Медея и все те, кто воспет в «Аргонавтике». Кто-то подобный, наверно, был. Что же касается героев «Колхиды» Паустовского, тут гораздо проще.

«— Будет дождь,— сказал молодой инженер Габуния. Он с досадой посмотрел за окно. На стекле проступала замазанная мелом надпись: «Найдешь чем закусить».

Дождь медленно надвигался с моря. Он лежал над водой, как тяжелый дым. В дыму белыми клочьями метались и визжали чайки.

— Двести сорок дней в году здесь лупит непрерывный дождь,— добавил Габуния».

Это первая страница повести. Габуния в повести —руководитель строительства Магистрального канала, основной герой.

Габуния, оказывается, есть и не в повести. Разыскиваю его, смотрю — все как будто по Паустовскому: «...Он был застенчив, высок. Малярия покрыла желтым налетом белки его всегда улыбающихся глаз». С той поры, как написаны были эти строки, прошло 30 лет. Прошла и малярия. Ну, и немножко застенчивость...

— Узнаете себя? — спрашиваю.

Улыбается. «Колхида» ведь не документальная повесть! Но Андрей Алексеевич Габуния и в самом деле был начальником строительства Магистрального канала в Чаладидских лесах. А писатель приезжал к нему и жил месяца два. И они сиживали в бараке дождливыми вечерами, и молодой Габуния рассказывал молодому Паустовскому всякие были и небылицы о стране болот.

А дальше?

Андрей Алексеевич продолжал осушать Колхиду. Эта трудная, вечно мокрая планета была ему дорога. Он родился здесь, в семье знаменитого потийского водолаза. А во время войны, когда Поти стал прифронтовым портовым городом и на каналах делать было нечего, его выбрали мэром этого города. После войны он стал руководителем Колхидстроя. Потом на время его перебросили начальником стройки в Самгорскую степь. Здесь пришлось не осушать, а, наоборот, обводнять. Пустил в эксплуатацию Самгорскую оросительную систему. И снова в Колхиду, на борьбу с болотами...

Почему она трудная

Едешь сейчас по колхидским дорогам, только и слышишь:

— Здесь не ступить было ногой — сплошная вода...

— Здесь стояли непроходимые джунгли...

Да я и сама помню. Это Чаладиди, моя первая журналистская командировка. Надо было написать очерк о комсомольском земснаряде, который расчищал трассу канала. Я сошла на глухом полустанке. Мне показали тропинку, уходящую в густой тропический лес; ступила на нее — ноги увязли в мокрой глине. Лианы, свисавшие с деревьев, неприятно цеплялись за плечи, волосы. Было глухо, темно, страшно в сыром лесу. Теперь его нет. Совсем.

— Да он же под колесами!— кричит водитель колхидстроевского «газика».— Семь-восемь слоев бревен вбивали в трясину, прежде чем насыпать дорожное полотно...

Можно же себе представить, какого пота стоили все 340 километров колхидских дорог! А еще надо было строить капитальные мосты через реки.

Реки здесь особенные. Бегут с крутых склонов, как бешеные, тащат за собой похищенное в горах добро, но, выкатываясь на плоскую Колхидскую равнину, постепенно замедляют ход и, наконец, плетутся к морю еле-еле, как неживые. В это время на речное дно оседает ил и заполняет русло. Пойдет в горах большой ливень или начнется паводок — реки выходят из берегов. Чтоб не допустить этого, строители Колхиды возвели дамбы по берегам пяти рек, всего 209 километров дамб.

Но еще труднее дамб строились каналы, почти полторы тысячи километров каналов — собирательных, коллекторных, наконец, несколько больших, магистральных. Вся эта вода попадает во второй магистральный канал. Оттуда —в речку Ция, Ция бежит в Циву, Цива — в Хоби, Хоби — в Черное море. Вот как сложно!..

Но, оказывается, и это не все. Каналы тоже реагируют на паводки, вода в них поднимается, и, чтоб не пошла через край, регуляторы на каналах приходится закрывать. А в это время как нарочно дождь! Куда деваться дождевой воде? Куда ей стечь, если регуляторы закрыты? Чтобы справиться и с этой бедой, сейчас строят дюкеры под руслами рек. Вся лишняя дождевая и грунтовая вода пойдет в тоннель, под реки и прямо в Хоби.

Не думайте, что на этом все кончается. В том-то и дело, что Колхида плоская, как стол, и вода в каналах иногда просто стоит. Не движется, проклятая, и все! Давно бы посмотреть колхидянам, как решают эту проблему голландцы, у которых вся страна испокон веков борется с водой. Но вот и здесь наконец появился насос. Пока еще очень маленький, пыхтит на узком канальчике, гонит ленивую воду вперед, отжимает ее из всех закоулков. Потихоньку, полегоньку высушил в округе 1 400 гектаров земли. Теперь строится большой насос. Тот станет прогонять в минуту около четырех миллионов литров и подсушит уже не тысячи, а десятки тысяч гектаров.

Невероятно трудная земля. Может быть, оставить ее в покое? В самом деле, это же не Голландия, где на площади, в два раза меньшей, чем Грузия, живет в три раза больше людей и борьба с водой — это борьба за жизнь всей страны.

Но Колхиду оставлять в покое нельзя.

Стоит над ней поработать

С неба сыплет такой мелкий водяной бисер, что его и дождем нельзя назвать. Просто мокрая субстанция, которая окрашивает весь мир в однообразный, тоскливый цвет. Низкое, оловянное небо давит на землю. Оловянная Риони плетется в оловянных берегах и навевает оловянную тоску. И вдруг неожиданное, почти мираж в пустыне — рощи лимонов, апельсинов, мандаринов, плантации чая, тунга, хурмы. Причем все первоклассное, холеное, высший сорт!

Называется мираж опытным хозяйством колхидского филиала Всесоюзного института чая и субтропических культур. Существует он чуть ли не тридцать лет, изучает почвы, выращивает, наблюдает, улучшает, рекомендует. И все это на земле, покрытой плодородным слоем ила.

Это Риони тут поработала. За десятки лет, как началось строительство в Колхиде, нанесла миллиарды тонн ила. Конечно, такое тоже не само собой получалось. Труда тут вложено много. Дело в том, что Риони по своей заиленности превзошла даже знаменитый египетский Нил. Болота в этих местах лежали ниже уровня моря. Их перекрыли илом, приподняли низменность метра на два. На небольшом участке ученые показали наглядно, какой может стать колхидская земля, если как следует взяться за ее освоение.

Доказательства хоть отбавляй.

Такой же серенький колхидский денек. На этот раз мы не едем, а плывем по каналам на старой моторке, которая перевозит торф. Громадные залежи торфа здесь, вокруг озера Палеостоми. В иных местах торфяной слой достигает 11 метров.

Моторка утыкается носом в дощатую, покосившуюся пристань, грозя снести ее совсем. Из зарослей навстречу нам выходит высокий голубоглазый старик. Это он и есть, Ивлиан Богверадзе. Был когда-то сторожем лесхоза, бродил по сырым колхидским джунглям, облюбовал кусочек сухой земли, поставил свою сторожку. Одно посадил, смотрит — взошло! Другое, третье — тоже.

Теперь Ивлиану 85 лет. Живет он на своем гектаре, омываемом со всех сторон каналами, и выращивает всего понемножку: цитрусы, айву, кукурузу, виноград, гранат, чай, инжир, орехи, лавр и даже чудесный цветок «утренняя звезда». К нему приплывают по каналу «аргонавты», смотрят, ахают.

Старик Ивлиан, который делал все поначалу только для того, чтобы прокормить свою многочисленную семью, сейчас чувствует себя творцом и агитатором за освоение Колхиды, гордится, философствует, показывает, призывает. Народ прозвал его гектар островом Богверадзе.

Настроение поднимается

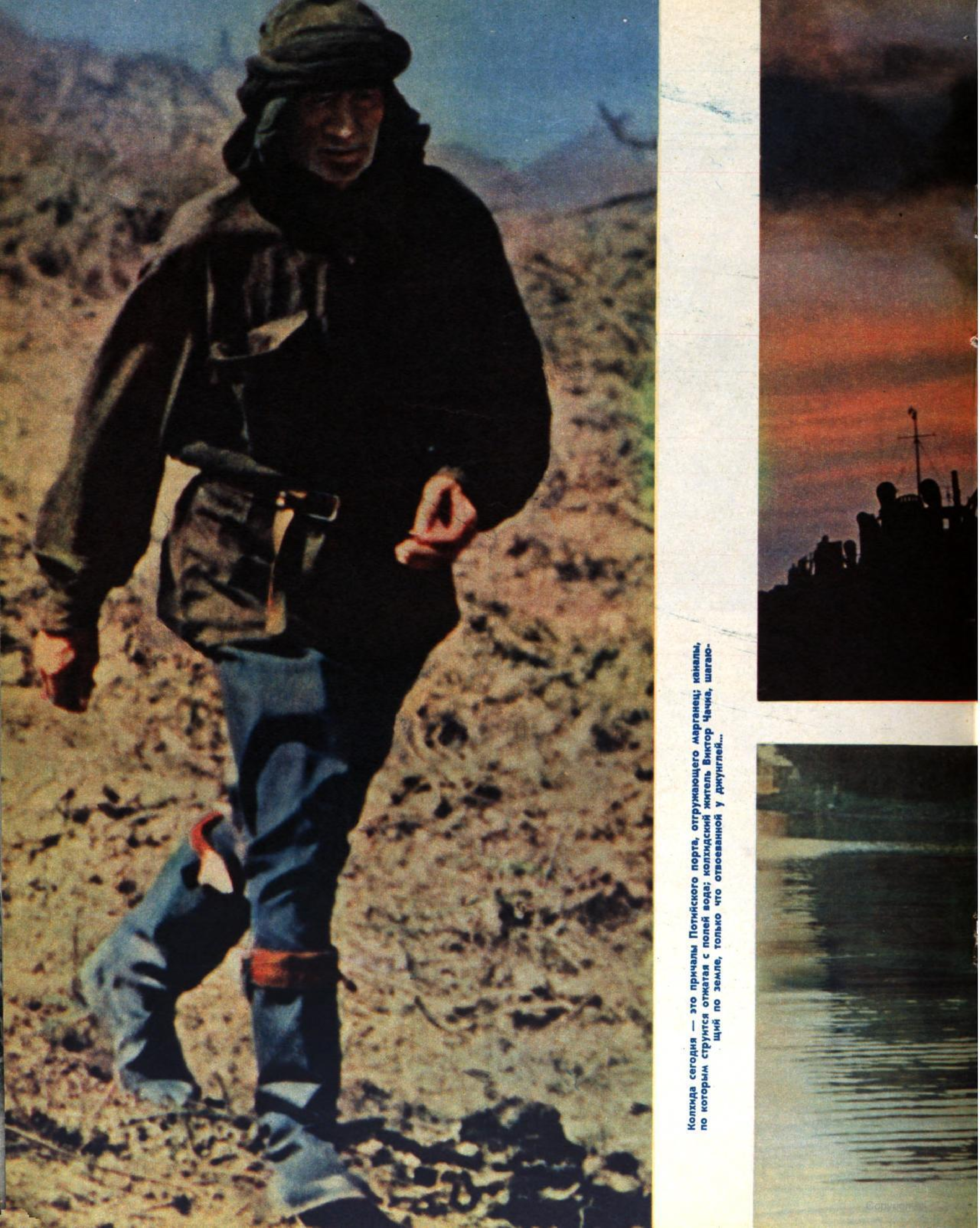
Есть на Колхиде красивый поселочек в полтора-два десятка домов. Вдоль этих домов тянется улица, которую выровнял, обсадил деревьями, украсил один из жителей этого поселка, Георгий Ревишвили. Улица так и называется — Георгиевская. Восемь раз в день по этой улице заходит в поселок рейсовый автобус из города. Здесь он делает остановку, а потом следует к центру, на круг. На кругу цветет большая пышная клумба, которая называется «Хутушин цветник». Хутуша Квешелава — заведующая медпунктом в поселке. Во время войны она была санинструктором в пехотной дивизии, на передовых. Командование наградило ее орденом Красной Звезды. Под Могилевом ее ранило в 1944 году. Она вернулась на родину и с тех пор живет в этом поселке. Цветник посадила она.

Здесь, в центре, как в санатории. Бьет фонтан, дорожки посыпаны битым кирпичом, много садовых скамеек. Все это сделали сами жители поселка и назвали Вечерним парком.

В поселке есть еще много разных придумок: сквер Хотовани, который курирует буфетчик Хото, Свадебная рощица, спланированная так, чтоб между деревь-

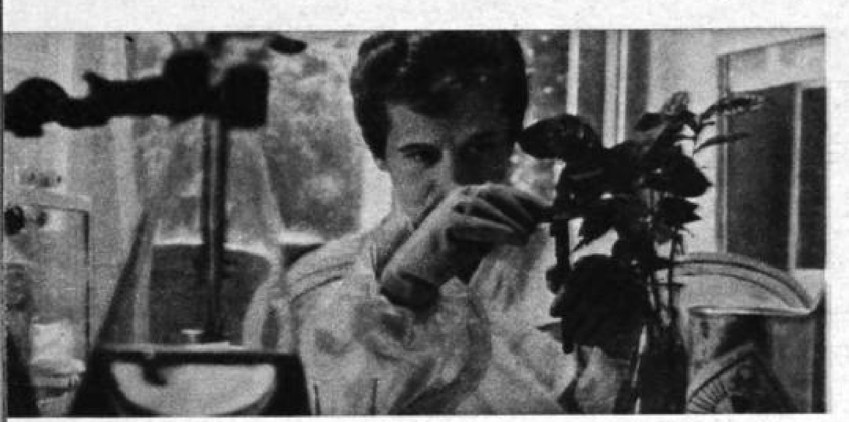
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Вот здесь, в этих сосудах, ученые исследуют влияние минерального питания на почву и растения.

Колхида сегодня — это причалы Потийского порта, отгружающего марганец; каналы, по которым струится отжатая с полей вода; колхидский житель Виктор Чачиа, шагающий по земле, только что отвоеванной у джунглей...

Три тысячи гектаров осушенных болот. Здесь заложен новый Колхетский совхоз.

Лаборатория радиоактивных исследований. Младший научный сотрудник Алла Контридзе колдует с изотопами.

Это та самая Риони, которая несет в Черное море восемь миллионов тонн ила в год.

Атака на Колхидские чащи.

ями шелковицы можно было расставить длинные столы. Есть очень тенистый, просторный Дневной парк и платановый парк с пятью аллеями.

В общем, живут в этом поселке придумщики и романтики. Живут давно. С 1941 года обосновались на этой земле. Совхоз небольшой, народу тоже немного, но главное то, что живут они хорошо, в достатке и в отличном настроении. Иначе хотелось бы им разве возиться со всеми этими парками и цветниками?

На Хобском массиве мы увидели, как люди берут эту упрямую землю в оборот.

Подсушенный массив порос молодым ольшаником. Надо было его убрать. В атаку ринулись бульдозеры, принялись крушить, ломать, выкорчевывать. Трещали сучья, валились наземь полные соков стволы. Лес умирал. Это был бесполезный лес. Поверженный, провеянный солнцем и ветрами, собранный в громадные стога, он ждал своего последнего часа. Там, где этот час наступил, по земле стлался белесоватый дым. Колхида рождалась в огне.

А рядом уже шагала техника. Колхидскую целину надо было глубоко вспахать, и снова перепахать, и еще раз вспахать. Так начинался новый большой совхоз «Колхети».

Мы поднялись на холм Чиху, с которого виден весь массив. Директор совхоза Яков Соломонович Картозия стоял на холме, словно Наполеон перед битвой. Сейчас у него за душой не было ни гроша. Но он уже складывал, умножал, подсчитывал в уме, что ему на четвертый год даст благородный лавр, какой доход получит совхоз от чая, которому отводится здесь 1 200 гектаров земли, много ли можно выручить от цитрусовых и фруктовых садов и даже от рыбы, для которой строится большой пруд.

Словом, разговор с Колхидой пошел по большому счету. Жаль, что не было его до сих пор.

* * *

220 тысяч гектаров в Колхиде надо осушить. 66 тысяч осушено, и только одна треть из них не трава, то есть что-то на ней растет, посеянное человеческой рукой. Есть хозяйства цитрусоводческие, но больше животноводческих. Все-таки это не то, о чем мечтал в повести строитель Колхиды инженер Габуния. Помните, какой сюжет он подсказал художнику Бечо, изобразившему на стенке духана будущее Колхиды? «Золотые плоды, похожие на электрические лампочки, горели в черной листве...»

Золотых плодов в той Колхиде, которую люди взялись преобразить, пока что мало. Получая от строителей осушенную землю, маломощные хозяйства не в состоянии были ее содержать, нарезать между каналами мелкие борозды, расчищать эти каналы, следить за дамбами, дорогами... И только тогда, когда государство приняло на себя большую часть всех этих забот, когда оно вышло на эти земли большими хозяйствами, в жизни Колхиды наступил настоящий перелом.

Это сказал нам Габуния не из повести, а Андрей Алексеевич Габуния, заместитель министра водного хозяйства Грузии.

ОБНОВЛЕНИЕ «УРАЛА»

Нельзя сказать, что автомобиль «Урал-355М» был плох. Много лет выпускал его Уральский автозавод, по многим дорогам довелось ему пройти. Но лучшее, как известно, враг хорошего. Кончилось время старого «Урала». Недавно с главного конвейера сошла последняя машина. На смену ей пришел «Урал-375». Грузоподъемность нового автомобиля — пять тонн. Он отличается высокой проходимостью. Испытания грузовик выдержал успешно.

Любопытно, что выпуск нового «Урала» завод освоил, не прекращая производства старых машин.

А в ближайшие дни у новорожденного появится еще один брат. Это «Урал-377» грузоподъемностью 7,5 тонны.

Ю. СИБИРЯКОВ

По следам выступлений «Огонька»

«КВАДРАТНЫЕ МЕТРЫ ЖИЗНИ»

Микрорайон. Каким он должен быть? Архитектор — строитель — новосел. Всегда ли находят они общий язык? Качество проектирования и строительства. Этим и другим острым проблемам жилищного строительства был посвящен очерк З. Хирена «Квадратные метры жизни», опубликованный в 42-м номере нашего журнала за прошлый год.

На выступление «Огонька» откликнулись читатели, ряд организаций и министерств. Все считают вопросы, поднятые журналом, актуальными, проявляют глубокую заинтересованность в их решении. Многие сообщают о мерах, принятых для устранения недостатков, о которых писалось в очерке.

Заместитель начальника Главного управления по жилищному и гражданскому строительству Москвы П. Львовский пишет в редакцию:

«Главмосстрой» считает, что отмеченные в очерке «Квадратные метры жизни» дефекты в жилых домах, построенных по проектам серий П-32 и К-7, действительно имеют место. Причина: недостатки проектных решений, низкое качество строительных изделий и монтажа.

«Главмосстрой» сообщает, что дома серии П-32, подвергнутые в очерке критике, сняты с производства, проекты К-7 переработаны. В настоящее время «Главмосстрой» работает над устранением других недостатков, о которых писал «Огонек».

В очерке говорилось о том, что многие архитекторы и строители, стыдясь своей же работы, предпочитают оставаться неизвестными и скрывают свое участие в создании нового микрорайона. Начальник управления внешнего благоустройства исполкома Моссовета тов. Н. Щепетильников сообщил нам, что утверждено положение об установке памятных досок на вновь сооружаемых объектах с фамилиями авторов проекта и основных строителей.

Заместитель министра торговли СССР Н. Завьялов пишет нам, что разрыв между сроками заселения жилых районов и открытием магазинов действительно огромен. Министерство торговли СССР ежегодно отпускает Москве на строительство магазинов, кафе, столовых десятки миллионов рублей, но эти деньги плохо реализуются строительными организациями. В 1964 году не открылись вовремя 36 магазинов и 40 столовых; в 1965 году— 48 магазинов и 30 столовых. В нынешнем году предполагается затратить на строительство 23 миллиона рублей. Но кто даст гарантию, что не повторится старая история?

Товарищ Н. Завьялов считает, что «для нормального обслуживания населения столицы исполком Моссовета должен принять необходимые меры по обеспечению своевременного ввода в эксплуатацию всех предусмотренных годовыми планами объектов торговли, обратив особое внимание на микрорайоны, где магазины и столовые, безусловно, должны быть готовы к моменту въезда жильцов в новые квартиры».

В очерке ставился вопрос о плохом кинообслуживании жителей микрорайонов. Проектируя новые кварталы, часто забывают о кинотеатрах, библиотеках. Министерство культуры СССР разделяет точку зрения «Огонька». В письме в редакцию начальник отдела капитального строительства и новой техники И. Суров пишет: «Детально ознакомившись с очерком «Квадратные метры жизни», мы считаем, что поднятые в нем вопросы о ненормальностях в проектировании и строительстве культурно-бытовых учреждений актуальны». Товарищ Суров считает, что за это полностью несет ответственность отдел культуры Мосгорисполкома.

Откликнулись на нашу критику и работники Министерства связи СССР. Начальник Главного управления городской и сельской телефонной связи П. Виноградов и начальник Управления московской городской телефонной сети В. Засыпкин сообщают «Огоньку», что ввод в эксплуатацию АТС на проспекте Вернадского осуществится в начале нынешнего года. Кроме того, начнут действовать АТС Волхонка — ЗИЛ, Профсоюзная, Нагорная, Огородная, Бутырский хутор, Кузьминки.

Во всех читательских откликах большая тревога за качество жилищного строительства. Почти во всех письмах говорится о нетерпимом отношении проектных и строительных организаций к жалобам новоселов, к их справедливой критике.

Мы обратились к ряду архитекторов и строителей с просьбой высказаться о проблемах, изложенных в очерке.

Начальник одной из крупных мастерских «Моспроекта» Е. Н. Стамо считает выступление «Огонька» своевременным и правильным. Мало уделяется внимания, говорит он, использованию природных строительных материалов. Начать хотя бы с культуры камня. В очерке сказано, что дома быстро изнашиваются, стареют. Это действительно так. Взгляните на крыльцо панельного дома. Из чего оно сделано? Из кирпича, а требуется там камень. Но строители им почти не пользуются. Говорят: дорого и хлопотно. А дорог не камень, а дорого обходится пренебрежение к нему. Техника камнеобрабатывающей промышленности отстает. Нет пил для резки камня, вернее, они имеются, но их явно не хватает.

Или вот другой пример: полы в новых магазинах покрывают пластиком, заведомо зная, что там такие полы не годятся: быстро сотрутся. Там нужны тонкие каменные плиты, какими покрывают полы на станциях метро. Можно привести немало других примеров, когда пренебрегают такими прекрасными природными богатствами, как армянский туф, многочисленные известняки Украины, из которых воздвигнуты красивейшие города.

Есть, по мнению Е. Н. Стамо, все возможности для создания хорошей звукоизоляции в новых квартирах. Он показывает нам импортные звукоизоляционные плитки. Да, они хороши, но они и стоят дорого. Наши специалисты мало думают над созданием подобных материалов у нас. Необходимо наладить серийное производство многих и многих новых стройматериалов и отказаться от непрочных, негодных изделий.

Главный инженер «Мосстроя № 3» Власов, к которому мы также обратились, считает, что многие стройматериалы, хотя и называются экспериментальными, не подвергаются предварительным многосторонним испытаниям; а в результате — плохие жилые дома. Он уверяет, что отныне, получая проект микрорайона, строители будут решительно вторгаться в работу проектных мастерских, добиваться исправлений архитектурных ошибок. Нельзя строить заведомо неполноценные микрорайоны, говорит он.

Другой инженер-строитель, товарищ И. Павлов, рассказал о громадных простоях, неправильном использовании оборудования и техники, бесхозяйственном отношении к хранению стройматериалов и о заведомом браке, доставляемом на стройки. Строительство жилых массивов требует четкого взаимодействия проектных и монтажных организаций, предприятий, изготовляющих стройматериалы.

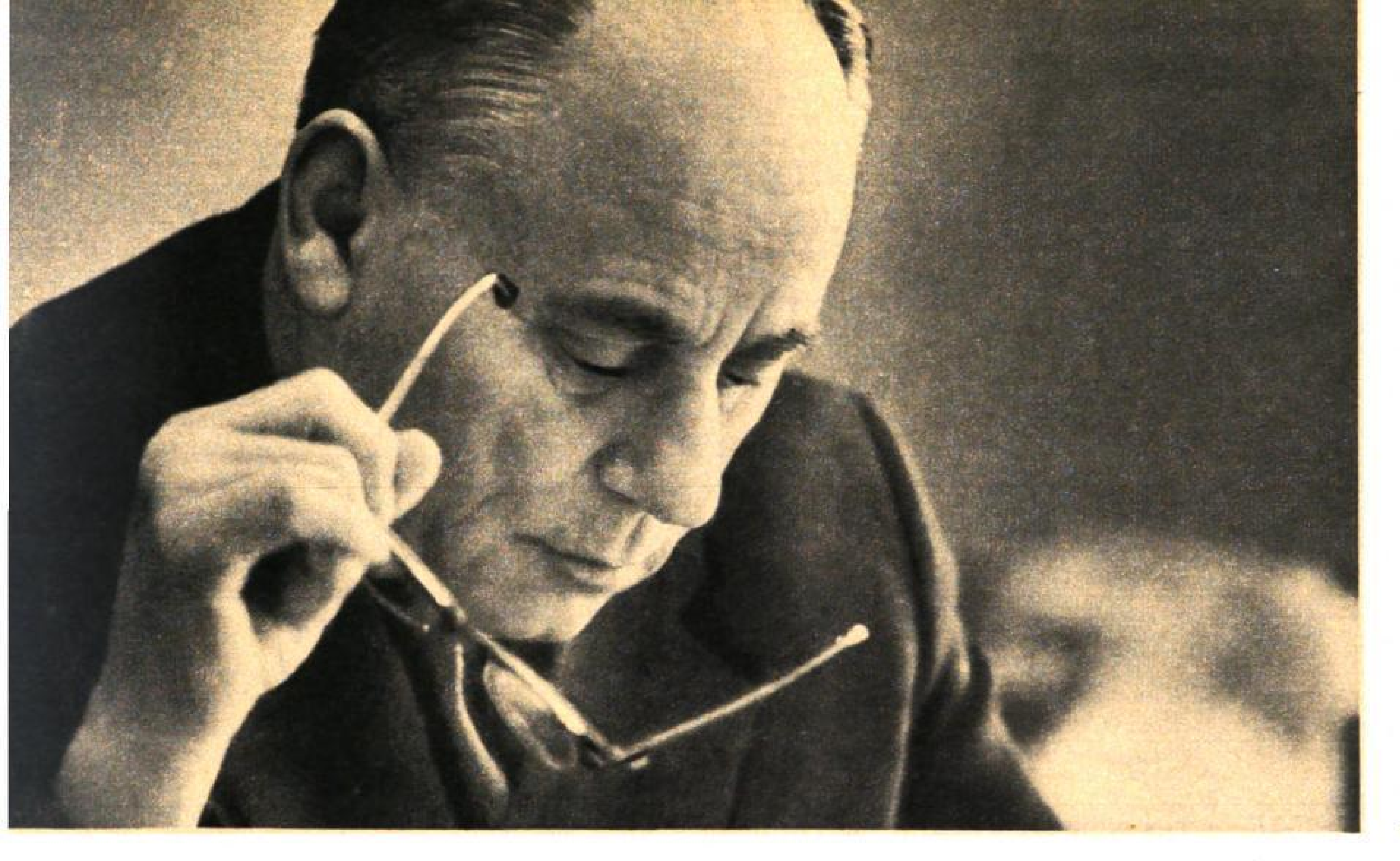

Фото Е. Ткаченко.

СТИЛЬ ДИРЕКТОРА

Юрий РЫТОВ,
собственный корреспондент «Огонька»

Десятки журналистов задают сейчас десяткам директоров один и тот же вопрос:

— Как вы ощущаете свое новое положение, свои новые права?

И я прежде всего спросил об этом Якова Павловича Осадчего.

— Никак,— сказал Осадчий.— Я всегда делал то, что считал необходимым. Со мной не соглашались, меня ругали, а я делал. Брал на себя ответственность и делал.

Люди, которые знали Осадчего или хоть немного слышали о нем, ничуть не удивятся такому ответу.

Свою карьеру Осадчий начал с должности коновода на известковых разработках. Затем работал в шахте забойщиком. Товарищи послали на профсоюзную работу. Попал на Днепрострой. Вскоре стал здесь начальником отдела кадров.

— Все было,— вспоминает Яков Павлович,— портфель был, машина была. А вот грамотности не было. Писал резолюцию — у машинисток волосы вставали дыбом...

На пуск Днепрогэса приехали Михаил Иванович Калинин и Серго Орджоникидзе. Серго много рассказывали об энергичном начальнике отдела кадров. Он вызвал Осадчего.

— Хочешь быть инженером, а?

Осадчий кивнул.

— Какое образование имеешь?

— Две зимы церковноприходской школы...

— Ого, большое образование!— рассмеялся Серго. И обратился к Михаилу Ивановичу Калинину: — Пошлем?

— Пошлем,— согласился Калинин.

Осадчий получил направление в Промышленную академию, в подготовительную группу. Через год выяснилось, что он ни в чем не уступает своим однокашникам, даже тем, которые потратили на изучение школьных премудростей немало лет...

После окончания академии Осадчий почти девятнадцать лет работал директором Первоуральского новотрубного завода. В том числе все военные годы.

Вряд ли нужно долго объяснять, что значил трубный завод для фронта. Трубы превращались в «катюши», в пушки, в смертоносное оружие войны... И уж совсем не нужно объяснять, каким должен быть директор такого завода. Приехав в 1957 году в Челябинск, Осадчий привез с собой не только две Государственные премии, несколько правительственных наград и громкое имя. Он прекрасно разбирался в людях, прекрасно знал законы производства, был уверен в себе. Наконец, он умел работать. Вот почему он брал на себя ту ответственность, которая испугала бы многих других директоров.

Делать это было не так-то просто. Ведь только сейчас самостоятельность руководителя, так сказать, узаконена. А еще совсем недавно она рассматривалась как своеволие, а иногда и просто как самодурство.

В те дни Челябинский трубопрокатный завод не справлялся с заданиями. Цехи утопали в грязи. Прямо под заводской крышей, где-нибудь в уголке, уютно устроившись на трубах, рабочие распивали водку.

В своей «тронной» речи Осадчий попросил начальников цехов немедленно навести порядок.

— Если можно простить невыполнение плана,—сказал он,—производство есть производство, всякое бывает, то никак нельзя простить разболтанности и беспорядка...

Его выслушали внимательно, вежливо, иронически. К правильным словам на заводе давно привыкли.

Прошел еще месяц. Особых перемен не случилось. И вот однажды в коридорах заводоуправления появился приказ директора. Приказ, который до сих пор вспоминают многие. Директор остановил шестой цех—ведущий цех завода. Причина — производственные беспорядки, грязь.

Такого на трубопрокатном еще не знали. Остановить цех! И это в самое горячее время! И это на заводе, который и без того не выполнял программу!

Через два часа телефонные звонки захлестнули директорский кабинет. Звонили из райкома, из многих других высоких инстанций. Просили, уговаривали, требовали:

— Отмените приказ... Трубы нужно делать любой ценой...

— За программу отвечаю прежде всего я,—отвечал Осадчий.—Не вмешивайтесь в наше внутреннее дело.

Тем временем в цехе начался аврал. Люди поняли, что Осадчий не шутит. Быстро вычистили грязь, вывезли из цеха хлам. Это был перелом. Через несколько месяцев цех впервые выполнил план.

К тем же дням, первым дням появления Осадчего на заводе, относится начало большого дела, впоследствии принесшего Челябинскому трубопрокатному мировую известность.

...В марте 1963 года в Бонне было введено эмбарго на поставку в Советский Союз стальных труб для газо- и нефтепроводов.

Читатели, конечно, знают, что произошло затем. Ровно через неделю, 25 марта, на Челябинском трубопрокатном заводе начал действовать стан «1020». Стан для выпуска стальных труб большого диаметра. Точно таких, в поставке которых отказала ФРГ. Вскоре первая партия труб была отгружена на трассу газопровода Бухара — Урал. О проектировании и строительстве стана «1020» писалось много и подробно. Но редко упоминалось о том, что сама идея реконструкции трубоэлектросварочного цеха, идея, венцом которой и был стан «1020», возникла еще в 1957 году. Принадлежит она Якову Павловичу Осадчему.

Да, только приехав на завод, Осадчий увидел здесь то, что принято называть резервами производства. И предложил реконструировать новенький, спроектированный, казалось бы, по последнему слову науки трубоэлектросварочный цех, установив в нем еще одну линию формовки.

Идея, говоря мягко, не привела в восторг проектировщиков «Гипромеза». Они решили, что это— невиданное варварство и надругательство над их детищем.

Спор продолжался долго. Работников завода поддержал обком партии, проектантов — некоторые известные специалисты-трубники, в том числе один из главных специалистов Госплана СССР. В конце концов всех заинтересованных лиц пригласили в Центральный Комитет КПСС. Совещание признало, что Осадчий полностью прав. За эту работу — редукционный стан в восьмом цехе — Осадчий и несколько других специалистов получили Ленинскую премию.

Итак, лишняя линия формовки была установлена в шестом цехе. И когда понадобились трубы больших диаметров, оказалось, что завод практически к их выпуску готов.

Так работает Осадчий. Добиваясь всего, что может улучшить дело.

Уже два с лишним года существует на заводе система премий за качество продукции. Система, которая сейчас, после решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС, станет обязательной для всех предприятий.

Что же дала эта система? Два года назад выход первосортных (газопроводных) труб составлял примерно 75 процентов. Сейчас— около 97. Неплохо?

А несколько месяцев назад сделали еще один шаг вперед. Стали распределять премии не в заводоуправлении, а в цехах. Разумно:

ведь раньше премию мог давать лишь один, а отменял кто угодно. Теперь это делается на месте, там-то всем видно, кто как работает. Кстати, между цехами на заводе уже давно установлены строго хозрасчетные отношения. Такого не бывает, чтобы убытки одного цеха покрывались за счет доходов соседнего. Впрочем, и убыточных цехов на заводе давно не стало.

Опытный директор. Большие экономические возможности. А результаты?

Осадчий вынимает из стола с десяток диаграмм и протягивает мне. Черные и красные линии устремились вверх.

— Все эти диаграммы нужно обязательно напечатать в журнале,— убежденно говорит Осадчий.

Диаграммы действительно любопытны. По сравнению с 1958 годом производство выросло вдвое! Фонд предприятия в 1965 году составил около миллиона рублей. Миллион — это те деньги, которые предприятие имеет право истратить на расширение производства и на премирование, строительство жилья, детских садов, спортивных баз. Словом, на улучшение жизни рабочих.

Что же происходит на заводе сейчас, после сентябрьского Пленума ЦК партии?

Если говорить очень коротко: воспитание в людях уважения к экономической науке и способности работать по-новому, воспитание самостоятельности и инициативы. Еще короче, как выразился один мастер, «внедрение стиля Осадчего во все звенья». Мало дать людям права, нужно научить еще пользоваться ими.

С экономической наукой дело обстоит сравнительно просто: организовали курсы, семинары. А как внедрять стиль? И в чем он состоит?

Когда я спросил об этом Осадчего, он лишь нахмурился:

— Пусть объясняют другие.

Меня выручил Михаил Андреевич Севастьянов, секретарь парткома, к которому я отправился прямо из кабинета директора.

— Давайте объясню,— сказал он.— Во-первых, Осадчий старается иметь дело не только со станками, но и с живыми людьми... Он знает в лицо всех кадровых рабочих. Во-вторых, ни на час не упускает из своего внимания состояния производства. Буквально ни на час — на заводе давно введен часовой график. В-третьих, умеет загрузить полностью помощников. Наконец, в-четвертых, Осадчий занимается не только производством, но и бытом.

Через несколько дней я увидел директора на большом заводском совещании — оперативке. Такие совещания производятся раз в неделю, по понедельникам. В программе обычно два вопроса: отчет мастера или начальника цеха и работа завода за прошлую неделю.

На этот раз отчитывается начальник цеха М. Еще очень молодой, он смущенно подходит к трибуне со смятыми листками бумаги и откашливается. Начинает говорить, но, увы, отчет не получается. Происходит диалог с Осадчим, который я с некоторыми сокращениями и приведу:

М. В настоящее время показатели цеха таковы...

Осадчий (обрывает его). Не нужно. Пожалейте наше время. Показатели мы знаем не хуже вас. Говорите сразу о работе с людьми.

М. (заглядывает в бумажку). За отчетный период из цеха ушло около сорока человек...

Осадчий. Кто эти люди? Старые, молодые? Почему ушли?

М. (снова заглядывает в листки, но там, видимо, ничего на этот счет нет). Разные. Причина: необеспеченность жильем.

Осадчий. Не верю. Жильем мы обеспечиваем людей гораздо быстрее, чем на других заводах. Дайте мне список. Буду разбираться сам... Какая бригада у вас лучшая?

М. Такая-то. Показатели такие-то...

Осадчий. Хорошо. А теперь вы расскажите, что ваши люди читают, где учатся, куда ходят по вечерам...

М. молчит.

Осадчий. Вы сами ходили куда-нибудь вместе с рабочими?

М. (неуверенно). Ходил... В цирк. (Оживление в зале.)

Осадчий. Кто у вас самый плохой мастер?

М. называет фамилию. Поясняет: прогульщик, пьяница...

Осадчий. А в цехе нет человека, который мог бы заменить его?

М. Я написал вам докладную.

Осадчий. Напрасно. Я не буду ее читать. Начальник цеха вы, решайте сами.

М. молчит.

Осадчий. Так работать, как вы, нельзя. Выполнять производственную программу мы научились давно. Сейчас этого мало. Нужно работать с людьми. Добиться, чтобы каждый учился, читал технические журналы. Чтобы в цехе совсем не было прогулов и опозданий. Чтобы каждый рабочий любил свой цех, свою профессию. Кстати, если хотите, в этом и заключается прежде всего забота о программе. Я убежден, что сейчас каждый руководитель не меньше половины времени должен тратить на воспитание людей...

Вряд ли нужны комментарии к этому диалогу. Оперативка решила: через месяц-два М. снова выступит с отчетом.

Работу завода за прошлую неделю обсудили очень быстро: минут за пять. Происходило это так. Вставал начальник цеха, докладывал: план выполнен на столько-то процентов. Тут же следовал вопрос Осадчего: «К кому есть претензии?» (Имелись в виду заводские службы.) «К отделу снабжения,— отвечал, например, начальник цеха.— У меня кончается металл». Поднимается начальник отдела: «Металл будет доставлен сегодня».

Но чаще всего претензий не было. Оперативка поражала деловитостью, лаконизмом, точностью. Да, люди на трубопрокатном умеют работать!

В жизни наших предприятий наступает новая полоса. Рушится система мелочной опеки руководителей, ненужных инструкций, формуляров и ограничений, система, суть которой один совнархозовский работник выразил таким словечком: «переузаконено»... К слову «самостоятельность» вернулся его первородный смысл. Стой сам. Думай сам. Решай сам. И сам отвечай за свои решения...

Опыт трубопрокатчиков показывает: это очень своевременно, очень нужно.

Челябинск.

В ОКЕАНЕ СТАНОВИТСЯ ТЕСНО

Океан — это кладовая самых разных богатств, в том числе и пищевых продуктов. Главный из них сейчас — рыба. Но пока мы еще не научились добывать ее по всей акватории, а ловим только на небольших глубинах, прибрежных отмелях, так называемых шельфах. С каждым годом в этих местах скапливается все больше и больше рыболовных флотилий разных государств. В океане становится тесно. Жизнь заставляет искать новые районы промыслового лова.

На поиски таких районов и отправилось недавно научно-промысловое судно «Академик Книпович», принадлежащее Научно-исследовательскому институту рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Судно идет уже во второй рейс. В прошлом году были обследованы районы южного побережья Африки и Антарктики. Экспедиция обнаружила там скопление ценных, вкусных промысловых рыб — путассу, мерлузы и солнечника. Видимо, на промысел их скоро придут наши рыболовные суда.

Сейчас экспедиция направится в Индийский океан, побывает в Бенгальском заливе, в Аравийском, Андаманском и Яванском морях. Обследует малоизученные районы юго-западнее островов Суматра и Ява.

На судне находятся ученые различных специальностей. В их распоряжении тринадцать хорошо оборудованных лабораторий. Кроме того, корабль оснащен почти всеми орудиями современного промыслового лова, в частности гигантским кошельковым неводом длиной 1 300 и высотой 180 метров.

Одновременно будет решаться вопрос, что можно приготовлять из новых, еще неизвестных промышленности сортов рыбы. Этим займутся технологи. Они будут изучать пищевые свойства рыбы и пробовать изготовлять из нее товарную продукцию: замораживать, солить, консервировать, перерабатывать на жир и кормовую муку.

О. КНОРРИНГ

На снимке: подготовка трала к лову.

Фото автора.

Эксперимент: колхозный город

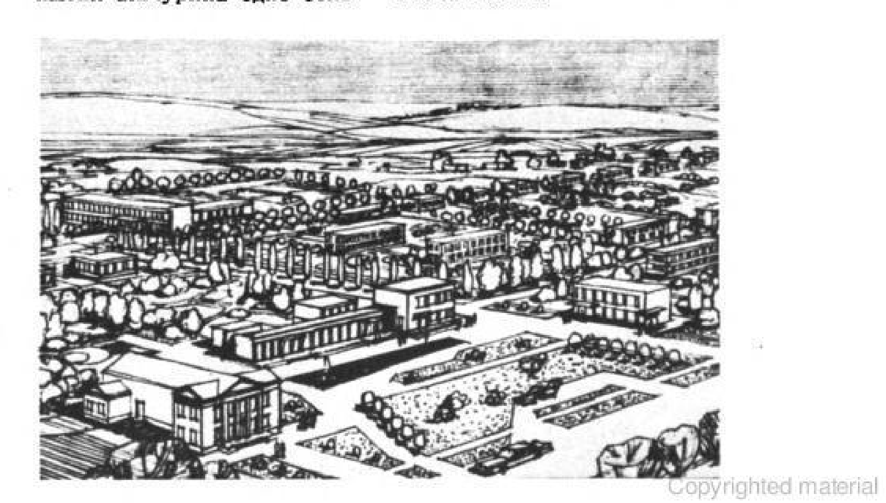
Придирчиво обсуждали колхозники старобельской артели имени Мичурина этот проект. Еще бы! Ведь речь шла о генеральной перестройке их родного старинного села Половинкина. Над проектом поработали коллективы луганского филиала Гипрограда и Московского проектного института «Гипросельстроя». Решение колхозников было единодушным: одобрить!

Проект предусматривает создать в течение 1966—1970 годов вместо нескольких небольших сел колхоза имени Мичурина одно большое, благоустроенное экспериментально - показательное село. На берегу тихой степной речки Айдар вырастут красивые, современные дома, квартиры со всеми удобствами. Маленький колхозный город.

Строительство уже началось. Уже готов Дворец культуры. Теперь на очереди средняя школа, бытовой комбинат, гостиница, столовая, универмаг, спортивный городок.

П. ЛАРИН

На снимке: проект села Половинкина.

Моисеев объясняет...

СКУ

Тридцать лет тому назад молодой балетмейстер собрал небольшую группу энтузиастов, увлеченных его творческими планами, и стал разучивать с ними народные танцы.

Имя этого человека—Игорь Моисеев. Имя, неотделимое от ансамбля, о котором так и говорят — «Ансамбль Моисеева».

Сейчас Игорю Александровичу Моисееву исполнилось шестьдесят лет. Ровно половину жизни он отдал своему детищу. Давайте побываем в святая святых ансамбля — в его лаборатории. Лаборатория — это танцевальный зал. Обычно называют его репетиционным. Ведь танец, даже тот, что поставлен был более четверти века назад, продолжают репетировать. Танцы, как и люди, стареют. Приходят молодые исполнители — они должны сохранить стиль, национальный характер, точность рисунка, созданного для актеров старшего поколения. Но новое поколение, разумеется, привносит в танцы и свои индивидуальности и новое мироощущение.

И хотя всегда интересно наблюдать за шлифовкой старого номера, но еще увлекательнее присутствовать при рождении нового! Видеть, как балетмейстер, вдохновленный музыкой, создает из отдельных движений целые танцевальные фразы. Как изменяет их, если артистам они не удаются (а Моисеев очень считается с возможностями, мнением, предложе-

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ

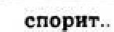
Фото Е. УМНОВА.

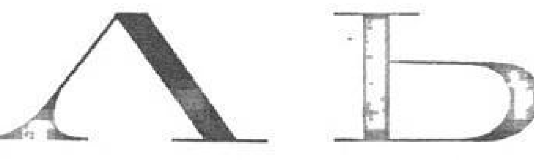
Т А

Солисты ансамбля Ольга Журавлева и народный артист РСФСР Лев Голованов.

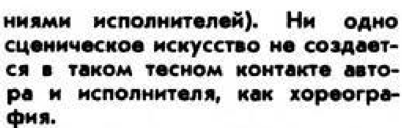

показывает...

спорит..

ЛЬПТОР

ниями исполнителей). Ни одно сценическое искусство не создается в таком тесном контакте автора и исполнителя, как хореография.

Если же «все в порядке» и движение, как говорят в ансамбле, сразу «пошло», постановка номера продолжается. Прибавляется фраза за фразой, эпизод за эпизодом, и возникает произведение.

Это необычайно длинный и кропотливый процесс. Невозможно подсчитать, сколько раз повторяется каждое движение, прежде чем номер приобретет настолько законченную форму, что удовлетворит и Моисеева и исполнителей. Но мы с вами увидим только финал, совершенствование созданного.

Итак, мы входим в один из двусветных репетиционных залов ансамбля, находящихся в том же здании, что и Концертный зал имени Чайковского. Здесь обычная рабочая обстановка.

Репетиция в самом разгаре. Моисеев останавливает танцовщиц и почти кричит им:

— Это же не танец! Это — общее собрание покойников!

И потом вкрадчивым голосом:

— А прыгать, прыгать кто будет? Ваши бабушки?

И строго — дочери:

— Ольга, к тебе это относится в первую очередь.

Спустя некоторое время:

— Давайте сначала! Ничего, ничего, от работы еще никто не умирал. Умирают от безделья. Пошли!

— Легче, легче, изящней! Хорошо, молодцы, молодцы! Э-ээ. Опять не на что смотреть. Стоп!

Воспользуемся остановкой, чтобы пересечь зал и устроиться на свободное местечко — на нижнем выступе большого зеркала, расположенного вдоль стены зала. На выступе, как куры на насесте, сидят свободные от репетиции танцоры, ассистенты и гости.

Репетируется «Арагонская хота». Она начинается как бы в разгар праздника. Вся сцена-площадь заполнена рядами танцующих пар. Мужчины и женщины перебрасываются короткими, шутливыми фразами. «Тра-та-та»,— отбивают каблуки мужчин.

«Тра-та-та», — отвечают кастаньеты. Снова дробь; четкие, острые, как насмешки, движения танцовщиц. И нет больше аргументов у мужчин — они падают на колени. Танец набирает динамику, и начинается общее движение по кругу.

Нарастают темпы, нарастают эмоции, взлетают в воздух двое солистов. Прыжок, еще прыжок, еще! Руки вскидываются вверх в общем ликующем порыве.

Не правда ли, может закружиться голова от искрящегося веселья этого танца? Прелестного танца. По нему особенно видно, как выросло мастерство ансамбля. Какой отточенной стала техника танцоров! Ведь прыжки солистов могли бы украсить любую вариацию в классическом балете. Кстати, «Арагонская хота» еще раз подтверждает, что у классического танца глубокие корни в народном танцевальном искусстве. Многие движения хоты послужили прообразом, казалось бы, бесспорно академических па. Да и все исполнение танца требует необычайной координации движений танцоров —словом, настоящего мастерства.

Ну, на этот раз Моисеев, кажется, доволен.

В перерыве он ходит взад-вперед по залу, по обыкновению пощелкивая пальцами, и объясняет мизансцену следующего танца — «Аргентинского танго».

— Итак,— говорит Игорь Александрович,— представьте себе кабачок, полный людей. Посередине зальца танцует одна пара. Влюбленные танцуют с чувством, весело, с задором. Необычайно легко, даже с щегольством, выполняя сложнейшие движения, почти акробатические поддержки. Это танец любви, но также это танец ловкости, молодого удальства и, уж конечно, очень высокого профессионализма.

Репетируют его несколько пар — каждая со своим настроением.

На танго закончилась репетиция новых номеров и начался прогон вечернего концерта. В зал пришел оркестр. Пока он рассаживается, скажем два слова и о нем.

Сперва в оркестре были только русские народные инструменты, это стало ограничивать репертуар. После множества экспериментов остановились на малом симфоническом оркестре, в который ввели балалайку, домбру, баян, кеманчу, тар и дэф, придающие звучанию музыки народный колорит. Некоторые танцы сопровождаются только национальными инструментами.

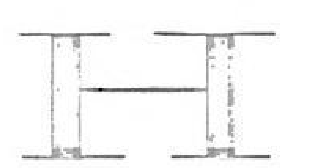
Музыканты заняли свои места. За пульт встал Николай Некрасов. Начался «Цыганский танец».

Номер неоднократно прерывался. Бесконечно повторяла каждое движение и каждую позу начального монолога цыганки Нелли Бондаренко. Много раз репетировали мужчины. Моисеев кое-что переставил. Словом, шла нормальная, кропотливая работа. И все же нам удалось, собрав воедино разрозненные куски танца, увидеть часть того волшебства, что возникает на каждом концерте.

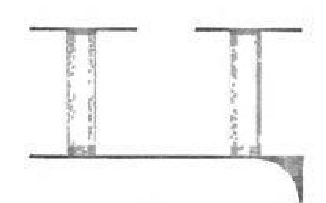
Теперь, когда вы будете на концерте ансамбля, как бы вас ни захватило представление, переведите на минуту глаза от эстрады в зрительный зал. Наверняка в конце главного прохода вы увидите Игоря Моисеева.

За тридцать лет существования ансамбля считанные концерты прошли без него.

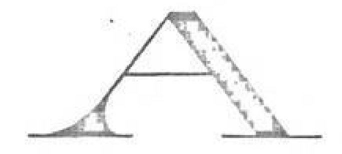
Он смотрит концерт всегда стоя, всегда впившись глазами в исполнителей, как бы передавая им свои силы, свою волю, свою одержимость искусством.

Н

Ц

А

Василий ФЕДОРОВ

«ТРЕТЬИ

На соискание Ленинской премии выдвинута книга Василия Федорова «Второй огонь», куда включены стихотворения и поэмы 1939—1965 годов. О замечательном томе стихов широко известного поэта сразу же после выхода в свет уже писалось на страницах «Огонька».

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей новые лирические стихи Василия Федорова.

Совесть

Упадет голова —
Не на плаху,
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают:
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдет.
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая березки,
Моя мама...
О мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи верст,
Через реки, откосы и рвы
Моя мама идет,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под веселый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идет
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?..
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!..
Раз из тьмы
Непроглядной
Вышла ты,
Значит,
Делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчетливей будь я
Да будь терпеливей...
Горько мне оттого,
Что еще никого
На земле я
Не сделал
Счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что любил я
Любовью земною,
И ни тех, что несли мне
Свою красоту,
И ни ту,
Что мне стала женою.

Никого!
А ведь сердце
Веселое миру я нес,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слез,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!
Нынче многие пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно.
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться
Обратно.

Упадет голова —
Не на плаху,
На тихую грусть.
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают,
Нагрущусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

* * *

В дни юности
Со всею силой
Моей пристрастности
Земной,
Любви и счастья
Образ милый
Был с чистым сердцем
Создан мной.

Да, да, скажу:
Любовь не малость.
В дни битв,
В дни горя и тревог
Мне счастье, говорю,
Давалось,
Но быть счастливым
Я не мог.

Нас развела
Ее несмелость.
Когда весь мир
Стонал в огне
И содрогался,
Так хотелось,
Чтоб кто-то
Думал обо мне!

Молил:
Останься!
Сердце стыло,
В крови гудел
Девятый вал.
Я заклинал
Рожденьем сына,
Землей и небом
Заклинал.

Пусть будут
Муки и лишенья,
Пусть судят
Лживые уста.
Бог тоже шел
На погрешенье
В рожденье
Своего Христа.

Роди мне сына!
Сны пророчат
Величие земле моей.
Мой сын на небо
Не захочет,
Он вечно
Будет верен ей.

Он будет верен
Вере павших,
Своею смертью
Смерть поправших,
Он будет верен
Славе их
И верен
Чаяньям живых.

Просил,
Но умирало слово,
Исторгнутое из груди.
Вымаливал:
Роди такого.
Ты можешь.
Ты должна.
Роди!

Смысл
До жестокости
Суровый
Она в ответ
Вложила свой:
— Я вижу,
Как страдают вдовы,
Мне, милый,
Страшно стать
Вдовой.

Расстались мы,
И я не очень
Ее, пугливую, виню.
С тех пор
Среди достоинств прочих
В любви
Я мужество ценю.

* * *

О, как быстро
Время мчится!
За плечами за моими
Города меняют лица
И становятся чужими.

Как найти
Места свиданий,
Где мы в юности любили?
Их теперь громады зданий
Под собой
Похоронили.

Как лосось,
Пройдя стремнины,
Вспоминая путь недавний,
У воздвигнутой плотины
Бьюсь я памятью
О камни...

* * *

Есть воробей,
А есть крупнее...
При взлете,
Надо понимать,
Орлу с земли
Куда труднее
Косые крылья
Поднимать.

С высот,
Где облачко дымится,
Где крыльям
И душе вольней,
Спуститься вниз
И не разбиться
Орлу усталому
Трудней.

ПЕТУХИ»

* * *

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,
Лучший путь,
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.

Мысль Леонардо!
Обновись, и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству,
Не мучайте ее,
А помогайте ей!

* * *

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Не видел,
Как менялася
С бедою неутешною,
Не видел,
Как спускалася
С небес
На землю грешную.

Не тихою,
Не слабою,
Но рано песню спевшую
Увидел просто бабою,
Уже отяжелевшею.

Такая
И встречается,
Такая мне и любится.
Мой вкус
Перемещается
От Рафаэля
К Рубенсу.

* * *

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины от нас.
Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.
Была нежна
И влюблена,
Была так долго
Мной пьяна,
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить?
Зачем гореть?
Зачем в глаза
Другой глядеть?
Увы! Уму непостижимы
Две тайны:
Женщина и смерть!

* * *

Стройным
Хвастая станом,
Высотою груди,
Очень уж иностранно
На меня не гляди.

Мое имя
Василий,
И должна понимать:
Мое имя с Россией
Хорошо рифмовать.

* * *

Свеженький,
Как пионер,
Ворковал он
Благонравно:
— Не министр
И не премьер,
Почему ж
Седеешь рано?

Мне министры
Не в пример.
Честолюбием
Не брежу.
Я поэт,
А не премьер,
Но обязанности
Те же.

Как не быть
Тут седине,
Если думаешь
В заботе
О такой
Большой стране,
О таком
Большом народе.

Пророчество

Я жить
И мыслить устаю.
Я, сделав шаг
От легкой грусти
В мир ужасающих предчувствий,
Над черной бездною стою.

Меня охватывает дрожь,
Когда смотрю
В провал заклятый...
О человечество,
Куда ты,
Куда ты, милое,
Идешь?

Меня охватывает страх.
Небрежно
К собственному дому,
Ты к счастью
Не пришло земному.
Что ж ищешь ты
В других мирах?

Меня охватывает гнев.
Утраты восполняя скудно,
Ты истребляешь
Безрассудно
Природы
Вековой посев.

Меня еще
Тряхнет не раз.
Ты, жадное,
Алкая пищи,
Глядишь на мир,
Как жирный нищий,
Украдкой
Евший про запас.

Земли
Не вечна благодать.
Когда далекого потомка
Ты пустишь по миру
С котомкой,
Ей будет
Нечего подать.

Прости
Настойчивость мою.
Уже в плену
Тех дальних сроков,
Твой, самый добрый
Из пророков,
Я жить
И мыслить устаю.

Блины

Речь о газе ведешь,
О какой-то утечке,
О каком-то баллоне
При нашем дворе,
А на памяти
Добрая русская печка
И лицо моей мамы
В домашней заре.

Пошурует клюкой,
Чтобы угли не гасли,
А потом
Накаленную,
С гладеньким дном
Мать гусиным пером
Сковородку намаслит
И зальет ее тонким
Шипящим блином.

Ну, а мы —
Мы за печкой
Не просим,
Не клянчим,
Только молимся нашим
Ребячьим богам,
Чтобы маму постигла
С блином неудача,
Потому что тот блин
Шел не гостю,
А нам.

Дорогая,
Наш дом
Стал приветливым домом,
И когда ты колдуешь
На хитром огне,
Не откладывай блин,
Что получится комом,
А как память о детстве
Отдай его мне.

ТУРГЕНЕВ — ШАХМАТИСТ

Недавно в Орле открылся областной шахматный клуб. На торжество пришли и писатели. Один из них, Леонид Афонин, директор здешнего Тургеневского музея, предложил присвоить орловскому шахматному клубу имя великого земляка И. С. Тургенева. Всем это понравилось, предложение было принято.

...Старая гравюра изображает Тургенева у шахматной доски в парижском кафе. В те годы оно было центром шахматной жизни Европы. Здесь русский писатель познакомился с крупными шахматистами, неоднократно участвовал в турнирах, был даже весьма деятельным организатором одного из них.

В 1862 году на турнире во французской столице первый приз достался одному из сильнейших шахматистов этой страны, а второй — Тургеневу. В 1870 году он был избран вице-председателем шахматного конгресса, который проходил в Баден-Бадене.

В Орловском музее бережно хранится шахматный столик искусной работы резчиков по дереву. Не за ним ли сошлись в поединке Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев на веранде Спасско-Лутовиновской усадьбы? Картина, запечатлевшая эту встречу неизменно привлекает внимание посетителей музея. После напряженного писательского труда Тургенев обычно проводил за шахматами долгие часы. «Знаете ли, в чем состоит главное мое занятие?— писал он отсюда писателю С. Т. Аксакову.— Играю в шахматы с соседями или даже один, разбираю шахматные игры по книгам. От упражненья я достиг некоторой силы». В библиотеке музея есть личные книги писателя по теории шахмат. Страницы испещрены пометками, сделанными его рукой. Они показывают, что к теории он относился далеко не как сторонний любитель.

А. ЭВЕНТОВ

ЧЕМПИОН С ДОКТОРСКИМ ДИПЛОМОМ

Может ли ученый быть чемпионом... танцевального турнира? Может! Доказательством тому — Артур Вечистый, доктор технических наук, преподаватель Краковского политехнического института. В паре с ним — Барбара Вечистая, учительница физкультуры. Оба неоднократные призеры мировых чемпионатов и фестивалей и чемпионы Польши по танцам. Недавно Вечистые приезжали в Таллин на традиционный чемпионат по международным стандартным и латиноамериканским танцам. И снова Артур и Барбара Вечистые заняли первое место. Лучшими после них были эстонские танцоры Ааре и Пииа Орб.

Н. ХРАБРОВА

На снимке: Артур и Барбара Вечистые.

Фото В. Сальмре.

Бессрочная вахта

Рассказ

ИЗ ЦИКЛА «ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ»

Юрий НАГИБИН

Летом 1928 года мы жили на даче возле Акуловой горы, прославленной Маяковским, над извилистой, омутистой Учей, но всей своей восьмилетней азартной и жадной душой я находился в далеких северных пределах, где люди жертвовали жизнью ради спасения других людей.

Дирижабль «Италия» под командованием генерала Умберто Нобиле, совершив смелый рейс к Северному полюсу, потерпел аварию на обратном пути неподалеку от Шпицбергена. Командирская гондола разбилась о торосы, и часть команды была выброшена на лед, остальных унесло вместе с оболочкой дирижабля. И тут мир, раздираемый враждой идеологий, верований, честолюбий, экономическими и социальными противоречиями, вдруг вспомнил, что он кругл, целостен, замкнут в самом себе и уж в силу одного этого населен родственниками, пусть дальними и сварливыми. Люди четырнадцати национальностей пришли на помощь Нобиле и его спутникам.

Руал Амундсен вопреки жестокой вражде с генералом, а может быть, как раз в силу нее одним из первых принял участие в спасении. Он вылетел из Тромсе на французском самолете «Латам» и погиб в волнах Ледовитого океана. Ежечасно рискуя жизнью, в туман и непогодь летали на разведки норвежские, итальянские, шведские, финские летчики. Отряд альпийских стрелков вышел на лыжах из Нью-Олесунда и затерялся в снежном безлюдье. Трое из экспедиции Нобиле: шведский ученый Мальмгрен, капитаны ди-корветто Мариано и Цаппи—покинули льдину, чтобы достичь Большой земли и прислать помощь товарищам, среди которых были тяжелораненые. Опытный полярник, постоянный участник экспедиций Амундсена Мальмгрен погиб при загадочных обстоятельствах; мировая пресса обвиняла его спутников в каннибализме. Шведский летчик Лундборг, совершив смелую посадку на льдину, вывез на своем двухместном самолете главу экспедиции, а при повторной попытке приземлиться скапотировал и разделил участь ледовых пленников.

Самый мощный в мире ледокол «Красин», пожертвовав льдам рулевое управление, прорвался к острову Фойн, близ которого дрейфовали потерпевшие. Летчик Чухновский обнаружил с воздуха Мариано и Цаппи, после чего, совершив в тумане вынужденную посадку, разбил самолет. Он отказался назвать «Красину» свои координаты, пока не будут сняты со льда обе группы итальянцев. Уже после того, как советский ледокол взял на борт всех уцелевших спутников Нобиле, разбился в швейцарских Альпах летчик Пензо, возвращавшийся со Шпицбергена на родину...

Пока длилась эта героическая и страшная эпопея, некий скромный сержант все сильнее привлекал к себе симпатии мира. То был радист «Италии» Джузеппе Биаджи, отстоявший на льдине бессменную сорокапятидневную вахту. Непонятно было, когда он спит, ест. В любой час дня и ночи в разных концах мира звучали его позывные; все коротковолновики мира были уверены, что в любой час дня и ночи они будут услышаны радистом «Италии». Его трудолюбие, самоотверженность, присутствие духа и мастерство вызывали всеобщее восхищение. Постепенно стали известны и другие черты его личности: верность товарищам, веселый нрав, неизменное добродушие и душевная стойкость.

На многочисленных фотографиях, что ни день появлявшихся во всех газетах, простое лицо Биаджи с глазами, как влажный чернослив, лицо молодого итальянского крестьянина, притягивало к себе чудесным выражением доброты и надежности. И все, что случилось с ним во время дрейфа, было окрашено доброй улыбкой. В Риме у него родилась дочь, и он дал ей по радио имя Италия в честь родины и дирижабля. Первое сообщение, которое ему удалось поймать с «Читта-ди-Милано», плавучей базы дирижабля, было требование сообщить номер его военного билета, иначе там отказывались верить в подлинность призывов «SOS, Италия, Нобиле, SOS»; последним сообщением с Большой земли было напоминание римского муниципалитета, что сержант Биаджи не уплатил налога на собаку.

Биаджи был единственным «народным» человеком на льдине, и его ледовое существование не было окрашено ни в трагические, ни в героические тона — оно несло на себе печать тяжелого труда, бытовых радостей и огорчений.

Он был голосом знаменитой «Красной палатки», поэтому его все знали, он был неумолчным голосом, поэтому все уважали его, он был человечески привлекателен, поэтому все симпатизировали ему; но он не связал свое имя ни с дезертирством, ни с чем-либо темным, гибельным для окружающих, поэтому мировая пресса не занималась им столь вдохновенно, как зловещим Цаппи или слабым Мариано. О них да и некоторых других участниках злосчастной экспедиции газеты писали еще долго после того, как и следа не осталось от ледового лагеря. Сержант Биаджи ушел в неизвестность, как и положено нечиновному человеку. Он, правда, подобно всем своим товарищам по несчастью, написал книгу и на авторский гонорар приобрел мебель красного дерева. Затем мир на целых тридцать семь лет забыл о существовании маленького, смуглого, черноглазого радиста.

Между тем жизнь наградила его еще одним приключением. В пору второй мировой войны Биаджи попал в плен и целых семь лет провел в Индии. Он, видевший торосы и айсберги, непуганых белых медведей и моржей, северное сияние и черноту воды океанских глубин, нежданно разрывающей ледяную броню, увидел пальмы, слонов, священных коров и худых, как на рентгеновских снимках, индийцев. Здесь из всякой рухляди, отбросов он умудрился собрать радиоприемник, каждый вечер пленные слышали голос далекой родины. Их накрыли, и сержанту Биаджи грозил расстрел, но, восхищенные его изобретательским даром, индийцы помиловали радиста.

Биаджи вернулся на родину, демобилизовался и завел бензоколонку на окраине Рима. В картузе с полукруглым козырьком, в сером выцветшем халате, он с утра до поздней ночи питал проезжающие машины бензином и маслом, обмывал из шланга их запыленные бока, протирал стекла. Семья бывшего радиста жила скудно. Дать образование своим теперь уже взрослым детям — сыну и дочери — Биаджи не смог. Они пополнили собой армию неквалифицированных рабочих. Появились внуки, но дочь не рискнула сделать мужем горького бедняка — отца своего ребенка, а сын не осмелился привести в дом бедную свою подругу.

И сын и дочь часто оставались без работы, и Биаджи один тянул всю большую семью. А потом случилось самое страшное в жизни бедняка: Биаджи заболел. Он крепился до последнего — работал и не шел к врачам. Его нельзя было заменить у колонки: если его крошечная автозаправочная выдерживала кое-как конкуренцию блестящих «Эссо» и «Шеллов», то лишь потому, что иным автомобилистам казалось лестным заправиться у легендарного радиста «Италии».

Желудочное кровотечение измотало сильного человека, он слег, и очень скоро весь жалкий нажиток — то, что оставляли на черный день в робкой надежде, что день этот никогда не настанет,—ушел на лечение и лекарства. Затем пришлось расстаться с бензоколонкой. Герою Италии со всей семьей грозила гибель от нищеты. Умберто Нобиле напомнил соотечественникам о некогда знаменитом радисте, он внес в «фонд Биаджи» триста тысяч лир, открыв список жертвователей. О Биаджи заговорили газеты, телевидение посвятило ему передачу, его поместили в бесплатный госпиталь...

Памятным акуловским летом я не «играл» в Биаджи. Я играл в Чухновского, Амундсена, Мальмгрена — ярких героев с радостно трудной или трагической судьбой. И все же образ Биаджи и для меня, мальчишки, светился каким-то особым светом...

Но вот минул тот самый срок, какой понадобился людям, чтобы вспомнить о радисте «Италии», и пережитое в детские годы вновь нежданно вошло в мою жизнь. Кинематографисты нескольких стран решили поставить фильм о спасении экспедиции Нобиле, напомнить людям, что они способны не только к розни, но и к единению. Мне предложили написать сценарий. Нужно ли говорить, с какой радостью дал я согласие и пустился в «поиски за утраченным временем».

Наговорившись вдосталь с уцелевшими в жизненных бурях красинцами, надышавшись пылью архивов, старых журналов и газет, я отправился в Норвегию, Швецию, а затем в Рим. Здесь меня постигло разочарование. Генерал Нобиле уехал к больной жене в Калабрию, адмирал Мариано в самый канун моего приезда улетел в Испанию, Трояни давно уже переселился в Южную Америку, вице-адмирал Вильери находился где-то на севере, Цаппи умер два года назад, Чичиони — совсем недавно, Биаджи... Джузеппе Биаджи умирал в одном из римских госпиталей. Смерть последовательно вершила жатву в поколении, чья юность, чьи дерзания пришлись на двадцатые годы. Без всякой надежды на свидание позвонил я в госпиталь и неожиданно услышал, что Биаджи хочет меня видеть.

Шофер такси без труда нашел эту тихую улицу, затененную рослыми пиниями. Четырехэтажное серо-желтое здание госпиталя тоже погружено в тень, лишь окна верхнего этажа позолочены солнцем. Толкнув тяжелую, с медной ручкой дверь, я прошел в прохладный вестибюль.

Из приемного покоя выметнулся дежурный врач в халате, скрипучем от крахмала и глажки, и белой шапочке.

— Это вы звонили? Второй этаж, палата 12.

Франсиско Гойя. 1746—1828. ДАМА С ВЕЕРОМ. Париж. Лувр.

Франсиско Гойя. ПОРТРЕТ ФЕРДИНАНДА ПЬЕРА МАРИ ГИЙМАРДЕ. Париж. Лувр.

Синьор Биаджи ждет вас. С ним жена и дети. Постарайтесь не слишком утомлять его.

Больное, бледное лицо на белизне подушки кажется смуглым. Когда-то у Биаджи были густые черные, как смоль, волосы, теперь короткий седой ежик. Впрочем, в этом бледном, обреченном лице сохранилась несломленная сила. Хороши темно-карие теплые глаза, неразвернутая, застенчиво-добрая улыбка. Возраст и болезнь придали суровости мягким чертам Биаджи, он и похож и резко непохож на молодые свои фотографии.

У постели жена, пожилая, очень полная женщина, в ее движениях, повороте и наклоне головы, взмахе намятых плачем век порой мелькает былая прелесть; сын с заячьей губой и усталым телом много и тяжело работающего человека; дочь, небольшая, коренастая, с крепкой грудью.

— Здравствуйте, дорогой Биаджи, вам привет из Москвы от летчика Чухновского.

— Спасибо.— С подушки светит прекрасная улыбка.— Как он?

— Недавно перенес тяжелую болезнь, лежал в госпитале, сейчас в порядке.

— Слава мадонне!.. Редеет наш круг. За последние годы мы потеряли Натале Чичиони, Цаппи и... меня.

— Не гневи бога, Джузеппе!—вскричала жена.— Врачи так довольны исходом операции!..

Резко повернулась на стуле и обмахнула лицо рукой, чтобы скрыть рыдание, дочь Биаджи.

Исхудалой, но широкой в кости, еще сильной рукой Биаджи погладил колено жены.

— Что бы вы хотели от меня услышать?— обратился он ко мне.

— Рассказ, пусть совсем коротенький, о самом сильном переживании вашей жизни.

— Я числился тогда во флоте, но служил на берегу,— чуть подумав, начал Биаджи.— Наша часть стояла в...— Лоб его собрался в толстые складки.

— В Колино-Вольпи,— подсказал сын.

— Молчать!—с внезапной грозностью вскричал лежащий на койке человек.— Я или ты герой этой истории?

— Ты, ты, отец!— поспешно заверил сын.

— То-то!..— смягчился больной.— Синьора Анита Биаджи была в ту пору синьориной Бучелли и составляла ровно четверть от своего нынешнего объема, но из-за этого я любил ее не меньше...

В рассказе Биаджи вставало маленькое селение под Римом. Полдень, жара, только что проехал воз, и поднятая им густая, белесая пыль густо пудрит листья каштанов. Пыль окутала стройную фигуру девушки. Черные волосы стали седыми, смуглое лицо — серым, синяя юбка — голубой, а красная кофточка — розовой, будто выгоревшей. Пыль забила девушке пунцовый рот, маленькие, красиво вырезанные ноздри; она неудержимо расчихалась. Это привело в восторг трех изнемогающих от жары солдат, среди которых юный Джузеппе Биаджи с огромными, черно-влажными глазами.

— Почешите переносицу, синьорина, вам сразу полегчает!

— Или прочтите сто раз «Отче наш»!

— Или поцелуйте будущего радиста королевского флота!— Эта дерзкая шутка принадлежала Биаджи.

Девушка хотела гордо пройти мимо весельчаков, но, не удержавшись, снова отчаянно расчихалась и почти в слезах скрылась в полутьме лавчонки.

Пока Анита делала свои несложные покупки, Биаджи успел высвистать из прокаленной солнцем пыли щенка по кличке Скарамуччо. Мохнатый, уродливый щенок соединял в своем облике крайности многих пород: от таксы он позаимствовал удлиненное туловище и кривые ноги, от фокстерьера — расцветку, от эрделя— морду кирпичом, от пуделя — кудлатость.

Когда Анита вышла из лавки, Биаджи громко, так, что слышала вся сельская площадь, приказал: «А ну, Скарамуччо, прыгни в честь синьорины!» И пес высоко подпрыгнул, вызвав аплодисменты праздношатающихся. Девушка почистилась в лавке, и сейчас волосы ее были черны и глянцевиты, щеки розовы по смуглоте, кофта алела, юбка своей синью навевала морскую прохладу. Анита прибавила шагу, замешалась в рыночную толпу, и тогда послышалось новое приказание: «А ну, Скарамуччо, покажи, кто самая красивая девушка между Колино-Вольпи и будущим рождеством!» Пес стремглав кинулся в толпу, нагнал Аниту и осторожно взял в зубы край ее синей юбки. «А теперь прыгай, Скарамуччо, выше, еще выше, прыгай до луны, до звезд в честь прелестной синьорины!»

Скарамуччо прыгнул еще двадцать, или тридцать, или сто раз, и Анита поняла, что в итальянском флоте нет моряка более очаровательного, чем Джузеппе Биаджи. Каждую ночь Джузеппе убегал из казармы. Ночь давала им все: прохладу, защиту от любопытных взглядов, каменистую, белесо светящуюся тропинку, по которой они бродили, чуть касаясь друг друга локтями, плечами, ночь давала им много-много звезд. Но и самая звездная, самая бархатная ночь не могла ничего сделать, чтобы рядовой матрос, восьмой сын владельца крошечной апельсиновой фермы, и бедная крестьянская девушка стали мужем и женой. Самый вид Биаджи действовал на родителей Аниты хуже, чем развевающаяся тряпка на быка.

Пришлось пойти на хитрость: Анита призналась в грехе, которого не было. Родители благословили дочь с чисто итальянской щедростью. Отец вытолкнул ее в одной ночной рубахе за порог, а мать швыряла ей в голову кастрюли, сковороды, жалкую ее одежонку. Голос синьоры Бучелли был слышен в предместье Рима: «Не смей переступать порог нашего дома, бесстыжая шлюха!» «Проклинаю!» — уныло бормотал усталый и благодушный родитель Аниты. Конечно, Анита плакала и грозила утопиться, без всякого, впрочем, риска, ибо в окрестностях Колино-Вольпи нет воды. Биаджи от греха подальше посадили под арест. Но все эти печальные события не помешали тому, что через неделю мать Аниты, кроткая, нарядная, умиротворенная и растроганная, об руку со своим супругом, надевшим в честь торжества сюртук гарибальдийских времен, провожала в церковь молодых...

— Я прожил долгую и бурную жизнь,— закончил свой рассказ больной,— но пережитое в те далекие годы осталось самым сильным в моей памяти.

— Спасибо, Джузеппе,— с усилием произнесла жена.

— И я благодарен вам, Биаджи, и за рассказ и за урок высокой жизненной мудрости...

— Это простая мудрость,— с живостью перебил Биаджи.— Живешь, суетишься, летаешь на Северный полюс, а приходит час, и что ты уносишь с собой: лицо любимой, когда она впервые посмотрела на тебя...

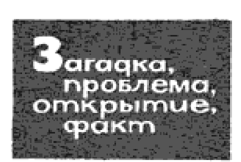
С уголка рта на подбородок и дальше, на шею, грудь, на белизну рубашки и простынь побежала ярко-красная струйка крови. Биаджи тронул свою кровь и посмотрел на испачканные пальцы. Меня удивил его взгляд. Обычно людей пугает вид крови, особенно своей. Пугает как-то изумленно, растерянно, болезненно, словно мы никак не ожидали, что внутри нас циркулирует этот красный, теплый сок. Но Биаджи посмотрел на свою кровь без малейшего испуга, серьезно, задумчиво и словно бы с уважением к незримой жизни организма.

Вбежал санитар. Я стал поспешно прощаться. Перед тем как откинуться на подушки, Биаджи чуть повернул голову и важно кивнул мне: говорить он не мог, кровь заполнила ему рот.

— Римское телевидение уже сделало фильм о папиной кончине,— с жалкой гордостью шепнул сын Биаджи...

Эти сообразительные люди поторопились. Биаджи еще раз обманул смерть. Врачи развели руками недоуменно и выписали его из госпиталя. Он снова оказался в старой своей квартире, где тщательно лелеемая мебель красного дерева так грустно не вяжется с облезлыми стенами, задымленным, потрескавшимся потолком, с углами, скопившими зеленую плесень; в квартире, куда доносятся из колодца двора, завешанного бельем, пряные запахи еды и мыльной пены, крикливые голоса вечно спорящих женщин, хриплое пение подвыпившего инвалида на тележке, голоса детей — простая, горькая, терпкая, прекрасная жизнь, частицей которой является и сам Биаджи.

Маленький радист все еще несет свою бессрочную вахту, он не из тех, кто умирает раньше смерти...

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ В КОСМОСЕ

Особая прочность и виброустойчивость нужна электростанциям, предназначенным для космоса. Этим требованиям отвечает солнечный термогенератор, разработанный во Всесоюзном научно-исследовательском институте источников тока. Термоэлементы выполнены из сплавов никеля — палладия и палладия—серебра. Авторы изобретения — инженеры М. С. Яхац, Н. В. Коломоец и М. В. Ведерников.

С ПОМОЩЬЮ ЧССР

Новый мост через Нил — событие дня Объединенной Арабской Республики. Он возведен на оживленной железнодорожной магистрали, связывающей Каир с Александрией и другими портами Средиземного моря.

Несколько лет назад на берег Нила пришли чехословацкие специалисты. Рядом со старым мостом, сданным в эксплуатацию в начале нашего века, они наметили место для новостройки. Перед авторами проекта стояла сложная задача — пустить в строй мост, не прерывая железнодорожного сообщения.

Мост построен. Его длина — больше трехсот метров. Всего две минуты требуется специальным поворотным устройствам, чтобы развести мост для пропуска судов, идущих по Нилу.

НОВЫЙ АЛГОРИТМ

«Наилучший, единственно правильный порядок постановки слов (в русском языке) есть всегда один»,— писал Н. М. Карамзин. Почему эти слова стоят эпиграфом солидной научной статьи по математической лингвистике?

Ее автор И. А. Мельчук разработал алгоритм, определяющий порядок слов в простом предложении русского языка. Ученый не предлагает свести языковое богатство к стандартной схеме, годной для всех предложений. Напротив, алгоритм дает возможность для каждого отдельного случая предложить свой вариант порядка слов. Составленное таким образом предложение, по мысли автора, в значительной степени должно совпадать с интуитивным представлением человека о том, как в этом случае надо было бы построить фразу.

Алгоритм Мельчука — интересная попытка математического описания той сферы русского языка, которая в значительной мере относится к стилистике.

ДЕРЕВО И ЗВУК

Как определить, нет ли гнили внутри бревна, не разрезав его? Не правда ли, вопрос может показаться странным: разве узнаешь, сладко ли яблоко, не попробовав его?

Ю. К. Сергеенко предложил способ обнаружения гнили в древесине при помощи ультразвука. Оказывается, что скорость, с которой ультразвук проходит через гнилую древесину, иная, чем в случае, когда для сравнения берется здоровое дерево.

Интересный способ, разработанный Ю. К. Сергеенко, найдет применение в деревообрабатывающей промышленности.

БОБРЫ-ГОРОЖАНЕ

Недавно в старинном Вильнюсском парке появились новые жители — бобры. Об этом первым сообщил доцент университета, филолог, путешественник и охотник Адольф Сприндис. Он принес в Общество охраны природы Литвы кусочек дерева из парка, где бобер оставил след своих острых зубов.

Ученых очень обрадовала эта находка. Дело в том, что в Литве бобры давно истреблены. Последний из их племени, как считают любители природы, был убит на реке Дубиса в 1934 году.

После войны бобров стали завозить в республику из Белоруссии, из Воронежского заповедника. А теперь они сами облюбовали себе городской парк и поселились в нем.

Сотрудники комитета постоянно следят за жизнью пришельцев, ведут журнал, где записывают проделки бобров.

Анатолий ПОТАПОВ

ВСТРЕЧА С ШЕВАЛЬЕ Д'АРТАНЬЯНОМ

Тайна старой рукописи

...На рассвете одного из хмурых, дождливых дней осени 1673 года из Парижа через ворота Сен-Дени выехали два всадника. Отличные лошади, одежда, вооружение — все выдавало в них знатных путешественников. Их путь лежал на север, во Фландрию, туда, где минувшим летом войска Людовика XIV осаждали небольшую крепость Маастрихт. Всадники торопились, они не щадили лошадей. В заранее условленных местах их ожидали подставы, приказания путешественников выполнялись немедленно, стоило лишь кому-нибудь из них вытащить из-за обшлага бумагу с королевской печатью.

Почти через двое суток бешеной скачки, поздно вечером, они постучали в двери старой таверны на окраине Маастрихта. Служанке, открывшей дверь, путешественники задали короткий вопрос, и она провела их в одну из тесных комнаток второго этажа таверны. Здесь, отстранив служанку, они разломали кресла, перевернули кровать, вспороли матрац... Они уходили из таверны, унося с собой в небольшом, обитом железом ящичке кипу растрепанных бумаг. На первом листе рукописи стояло: «Воспоминания о моей жизни». И имя автора: «Д'Артаньян, капитан-лейтенант первой роты королевских мушкетеров».

Должно быть, слишком много знал капитан королевских мушкетеров об интригах и политике двора, раз Людовик XIV срочно отправил личных гонцов в Маастрихт разыскать эти рукописи, о которых ему стало известно и которые были спрятаны в одной из комнат старой таверны, где перед битвой, стоившей ему жизни, оставался д'Артаньян. Каково же было негодование короля, когда 27 лет спустя в Кельне все же были отпечатаны и вышли в свет трехтомные «Мемуары» господина д'Артаньяна! Подделка? Литературное произведение? Пересказ рукописи, хранившейся под строгим секретом? Как бы там ни было, почти полтора века спустя эти «Мемуары» попали в руки парижанину по имени Александр Дюма.

...Я вспомнил эту любопытную легенду о старой рукописи, когда недавно получил с очередной почтой только что вышедший в Париже в издательстве Жана де Бонно первый том «Мемуаров» господина д'Артаньяна. С недавних пор история жизни знаменитого гасконца как-то вновь возбудила во Франции интерес не только литературоведов, библиофилов, но и просто всех любителей «Трех мушкетеров». Жан де Бонно выпустил свой трехтомник сразу же вслед за выходом в Париже в известном издательстве «Меркюр де Франс» сокращенного варианта «Мемуаров» д'Артаньяна. Любители «Трех мушкетеров» не раз интересовались тем, кто же послужил прототипом образа отважного гасконца. Некоторые исследователи утверждали, что существовало целых три д'Артаньяна из известного дворянского рода Монтескью. Все трое служили в мушкетерах, все трое находились при осаде Маастрихта, один даже дослужился до чина маршала Франции. Все трое носили имя д'Артаньяна. Последние исследования, подкрепленные переизданием «Мемуаров», подтверждают, что Дюма дал вторую жизнь на страницах своей трилогии только одному д'Артаньяну, которого звали Шарль де Батц де Кастельмор.

Интерес во Франции к истории героя «Трех мушкетеров» побудил меня совершить поездку по некоторым местам, связанным с именем «настоящего» д'Артаньяна...

Памятник д'Артаньяну в столице Гаскони городе Оше.

Мемориальная доска в замке Кастельмор, где родился настоящий д'Артаньян — Шарль де Батц.

Замок Кастельмор в Гаскони. Здесь родился герой «Трех мушкетеров».

«Это правдиво, как вымысел...»

Селения Артаньян не найти в справочниках по древней французской провинции Беарн. Небольшое селение находится на юге, почти у подножия Пиренеев, в стороне от дороги, ведущей в шумный город Тарб.

На тихих улочках Артаньяна с маленькими крестьянскими домами бредут, возвращаясь с пастбища, стада коров. Старики в широких темно-синих беретах, встретившись на углу улочки, обсуждают свои дела на звонком беарнском наречии. Они с любопытством осматривают незнакомца. Я называю имя д'Артаньяна. «А, вам нужно в замок. Это на берегу ручья».

«Замок» — это руины, видимо, когда-то помпезного здания, разрушенного временем и пожаром. На старом фундаменте, еще носящем следы пламени, заново приспособлен для жилья лишь первый этаж. Закрыты плотно двери, задернуты дешевые белые занавеси на окнах. Среди разрушенных стен, во дворике со старинной беседкой, на берегу журчащего ручья — ни души. Вот отсюда, из этих ворот, от которых остались лишь каменные колонны, герой «Трех мушкетеров» по воле Александра Дюма выехал на своей лошади неопределенной масти в Париж в поисках богатства и славы. Над дверьми, на постаменте,— выщербленный временем мраморный бюст молодого человека с тонкими чертами лица, в шляпе с огромным пером...

— Что угодно, мсье?

Пожилая крестьянка, вернувшаяся с берега ручья с тазом, полным мокрого белья, удивленно смотрит на непрошеного посетителя. Я объясняю цель своего визита.

— Ах, мсье, вы не первый,— несколько раздраженно говорит она.— Что вы тут найдете? Разрушенные камни и бедность? Д'Артаньян!.. У меня вот большая семья, мсье, и мне вздохнуть некогда. Белье вот выстирать некому: молодые все работают. Д'Артаньян, мсье,— это давно прошло. Теперь мы здесь построили себе жилье, и, поверьте, у нас немало своих забот, как и у всей деревни. Так что уж извините, мсье...

В здании, которое служит деревне и школой и мэрией, учитель Рибэ рассказал мне историю селения Артаньян, где из поколения в поколение передаются легенды об «отважном шевалье». Земли эти принадлежали издавна дворянскому роду Монтескью, когда в семье бедного гасконского дворянина Бертрана де Батца в имении Кастельмор родился сын Шарль и, будучи младшим в семье, мог унаследовать лишь имя отца, прибавив к нему для пышности имя родового замка. Мать Шарля была из рода Монтескью, и ее владения в Артаньяне давали Шарлю право на низший дворянский титул «шевалье». Поэтому, отправляясь в Париж, Шарль де Батц де Кастельмор назывался еще и шевалье д'Артаньяном.

В начале нынешнего века Монтескью продал дом в Артаньяне богатому бельгийцу, который вывез из него все старинные картины и документы, а в 1932 году дом сгорел. Семье крестьянина Фернана Бакэ, поселившегося на развалинах, остался в наследство лишь мраморный бюст...

— Мы попросили семью Бакэ сохранить этот бюст для нашей коммуны,— сказал Рибэ.— Наверняка ему более трех веков. Скульптор запечатлел в нем настоящего д'Артаньяна. Это он.

— Вы уверены в этом?— переспросил я.

— Я могу вам ответить на это так, как говорят у нас обычно в Беарне,— усмехнулся Рибэ.— Это правдиво, как вымысел, и невероятно, как сама жизнь.

В замке Кастельмор

Небольшой замок Кастельмор стоит в самом сердце Гаскони в окружении вековых дубов и вязов. Четыре квадратные башенки по углам и старая голубятня говорят о том, что владелец был из древнего дворянского рода (чем больше башен, тем древнее род) и обладал правом охоты в окрестных лесах.

У нынешнего владельца Кастельмора Ива Риспá нет таких забот, как у хозяйки «замка» в Артаньяне мадам Бакэ. Риспá владеет сотнями гектаров земли, которые обрабатывают сельскохозяйственные рабочие, на досуге занимается политикой, посещая иногда собрания правой партии «независимых». На выборах в марте прошлого года его друзья-землевладельцы помогли ему стать мэром городка Люпьяк. 32-летний, небольшого роста, юркий, словоохотливый Риспá показался мне в своем модном светлом костюме в стенах старинного дворянского замка самим символом буржуазного достатка.

Д'Артаньян? О, это его страсть! Подумать только: вот в этой кухне XI века с ее закопченными стропилами и огромным камином появился на свет д'Артаньян, а теперь это принадлежит ему, Иву Распá! Это его умиляет.

Риспá достал из-под стекла массивного шкафа вылинявшую и растрепанную от времени книгу в картонном переплете — реестр местного церковного прихода начиная с 1613 года. И вот на первой же страничке я увидел запись о рождении Шарля де Батца, а рядом и его брата — Даниеля. Число и месяц вместе с куском странички унесло время.

Читая это сохраненное временем свидетельство, я вдруг мысленно представил себе молодого гасконца в Кастельморе, увидел его скачущим по дороге в Париж, а затем—встречу с капитаном королевских мушкетеров де Тревилем, который был другом его отца. Служба в гвардии, участие в походах — нет, все это не придумал Дюма. Шарль де Батц де Кастельмор, став доверенным лицом при королевском дворе, выполнял личные поручения кардинала Мазарини и Людовика XIV. Это он арестовал всесильного министра финансов того времени Фукэ, ездил с важной миссией в Англию, был губернатором города Лилля, стал капитан-лейтенантом королевских мушкетеров и погиб при осаде Маастрихта, идя в атаку во главе роты своих храбрецов. Гасконский дворянин Шарль де Батц де Кастельмор, историческая личность, чье свидетельство о рождении было у меня перед глазами, так и остался бы неизвестным истории, если бы Александр Дюма не сделал его прообразом своего замечательного героя.

— Вы не думаете,— спросил я Риспá,— передать какому-либо национальному музею этот документ?..

Я чуть было не сказал «и замок», но вовремя спохватился.

— А зачем?— искренне удивился Риспá.— Это часть моей коллекции.

Д'Артаньян и реклама

— Хотите, мы посвятим вас в мушкетеры?— неожиданно спросил меня Риспá.

Я уже готов был ответить шуткой на это странное предложение, как вдруг Риспá быстро исчез в соседней комнате и вышел к нам в бело-голубой широкой шелковой ленте через плечо. К ленте были прикреплены различные эмблемы, сбоку был эмалевый мушкетерский крест. Короткая шпага дополняла это одеяние.

— Перед вами лейтенант роты мушкетеров Арманьяка,—не без помпы произнес владелец д'артаньянского замка.

Да, современная рота мушкетеров существует. Ее создали богатые владельцы Арманьяка — района Гаскони. Это здесь изготавливается из виноградного спирта напиток типа коньяка, который по имени района называется арманьяком. «Рота мушкетеров Арманьяка»— сугубо современный бизнес. Она создана для рекламы винодельческих заводов. «Мушкетеры Арманьяка» придумывают всякие праздники вина, ярмарочные шествия с целью сбыта своей продукции, привлечения туристов в Гасконь. Они разработали целый обряд посвящения в «мушкетеры» и устраивают пышные рекламные церемонии.

В столице Гаскони, городе Оше, на берегу неширокой и спокойной реки Жэр, воздвигнут памятник герою «Трех мушкетеров». Человек невысокого роста, с прямыми и мужественными чертами лица устремил взгляд с холма вдаль, на долину Жэра. Он положил левую руку на эфес длинной шпаги, оттопырившей плащ, на плечи спускается огромное перо широкополой шляпы. Лишь одно слово выведено на постаменте: «Д'Артаньяну». Этот памятник —и реклама для города и дань национальному герою Гаскони.

...Я вежливо отказался от предложения Риспá стать очередной рекламой.

— Но вы должны обязательно познакомиться с капитаном нашей роты,— сказал он.

— Охотно. А кто он?

— Потомок д'Артаньяна, герцог Пьер де Монтескью.

Герцог де Монтескью — капитан мушкетеров Арманьяка

— Кто вам говорил обо мне?— спросил меня герцог при встрече.

— Ваш лейтенант.

— А, Риспá...— Снисходительная усмешка. Что для герцога какой-то там Риспá — для него, владельца тысяч гектаров земли в Гаскони, винодельческих заводов, замка близ Оша и замка на Луаре, особняка в Париже, для него, представителя одного из самых древних родов Франции!..

Мы встретились в Париже, в перерыве между двумя заседаниями Национального собрания. Герцог оказался депутатом парламента Французской республики. За столиком кафе Бурбонского дворца передо мной сидел одетый с иголочки, стройный, высокий человек лет пятидесяти, с тонким, холеным лицом аристократа. Он охотно говорил о своих предках, сыгравших немалую роль в истории Франции, известных полководцах, министрах, кардиналах. Один из Монтескью был адъютантом Наполеона во время его похода в Россию и погиб в смоленских снегах при отступлении наполеоновской армии. От матери д'Артаньяна

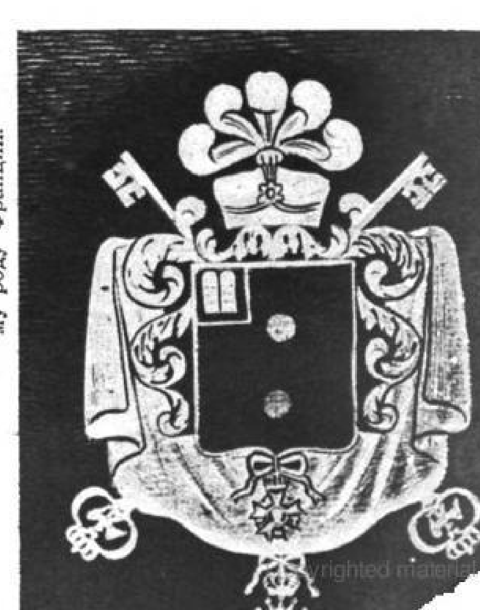

Сколько было настоящих д'Артаньянов?.. Пьер и Жозеф де Монтескью д'Артаньяны служившие в роте королевских мушкетеров примерно в то же время, что и Шарль де Батц.

Пьер дослужился до чина маршала Франции.

Герб Монтескью. Мать д'Артаньяна, Франсуаза де Монтескью, принадлежала к этому аристократическому роду Франции.

герцог и ведет сложную линию своих родственных связей со знаменитым мушкетером. Это он выпустил книгу под названием «Настоящий д'Артаньян», в которой развивает мысль о том, что Дюма вводил читателей в заблуждение и что подлинным и единственным историческим д'Артаньяном был будто бы двоюродный брат Шарля де Батца маршал Франции Пьер де Монтескью д'Артаньян.

— О, я не хотел вырвать ни одного перышка из плюмажа шляпы героя Дюма. Я просто решил рассказать в книге о своем самом знаменитом предке,— говорит герцог.— Впрочем, Шарль де Батц — тоже мой родственник.

Послушайте,— говорит вдруг Пьер де Монтескью,— не называйте меня герцогом. Я ведь не монархист, я депутат республики и дорожу этим титулом. А у себя в департаменте я нередко встречаюсь с секретарем федерации компартии. Этого требуют интересы дела в моей Гаскони, избравшей меня депутатом.

Да, секретарь федерации компартии департамента Жэр Жозеф Ламотт рассказывал мне, как Монтескью стремился стать депутатом, разыгрывая демократа, пожертвователя. Он посещал рынки в воскресные дни, одеваясь в старый крестьянский костюм, присутствовал на крестьянских свадьбах, раздавал коммунам подарки, выступал на собраниях, обличая режим личной власти. Трижды потомок д'Артаньяна выставлял свою кандидатуру в парламент — то как человек, стоящий «вне партии», то как кандидат реакционной партии «независимых», то как представитель «демократического» объединения.

Три года назад он был избран в парламент от партии радикал-социалистов...

Прощаясь, Пьер де Монтескью приглашает посетить его замок на Луаре, один из древнейших средневековых замков Франции, который он недавно получил в наследство.

— Передайте привет друзьям д'Артаньяна,— говорит Пьер де Монтескью.

Гасконец жив!

Поездка по следам «настоящего» д'Артаньяна помогла мне узнать кое-какие подробности об истоках имен и литературных образов друзей отважного гасконца — Атоса, Портоса и Арамиса. Оказывается, Атос — это название деревушки в Беарне; отважного мушкетера, героя трилогии Дюма, звали в действительности Арман де Силлег д'Атос, и он был двоюродным братом де Тревиля, капитана королевских мушкетеров. Полагают, что прототипом Портоса послужил мушкетер Жан де Порто. Родившийся в Беарне в протестантской семье, служивший мушкетером, а затем ставший аббатом Анри д'Арамитц дал некоторые черты французскому писателю для создания образа Арамиса, но в остальном же три знаменитых мушкетера в отличие от д'Артаньяна практически являются подлинно литературными героями, созданными воображением Александра Дюма.

Я шел по следам исторического д'Артаньяна, которого звали Шарль де Батц де Кастельмор, и даже встретился с его потомком — герцогом Пьером де Монтескью. Но не Шарль, верная опора трона, слуга и поверенный королей, принцев, кардиналов, остался навечно жить в сердцах французов. Нет, я встретился в Гаскони с другим д'Артаньяном, «отважным шевалье», символом мужества и храбрости, символом честности и верности слову, символом нерушимой дружбы, которую ничто в мире не в силах победить. Он живет в сердцах французов, в народных легендах, он живет в сказаниях, которые передаются из поколения в поколение в древнем Беарне и Гаскони. В Гаскони он стал национальным героем. Мне довелось говорить с крестьянами, служителями отелей, рабочими винодельческих заводов. Для них д'Артаньян — воплощение Гаскони. Его подвигам посвящены тысячи лубочных гравюр в гасконских домах. И даже в названиях гасконских национальных блюд не раз встретишь его имя.

А мне все вспоминаются слова школьного учителя Рибэ о том, что «все, связанное с именем знаменитого гасконца, правдиво, как вымысел, и невероятно, как сама жизнь...».

Париж.

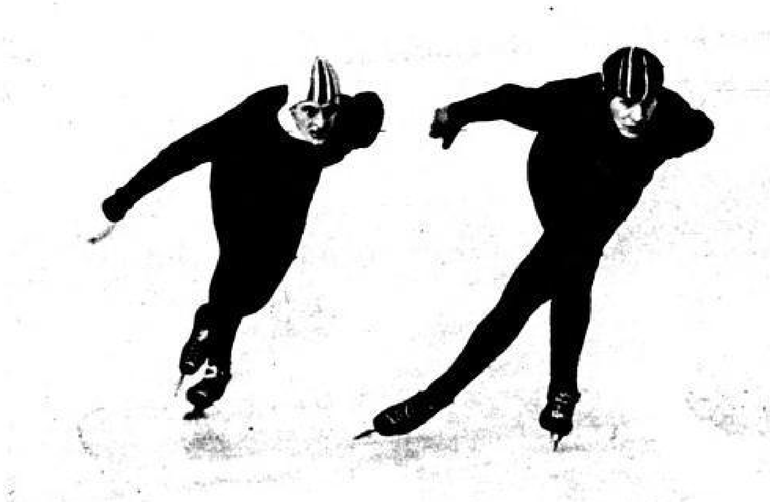

Три надежды:

Антс Антсон,

Николай КИСЕЛЕВ

ЛЕД, КОНЬКИ

Эдуард Матусевич (справа)

и Валерий Каплан.

Фото А. Бочинина.

После премьеры...

Свидания с коньками, которыми исстари мальчишки звучно режут лед, всегда ждешь с нетерпением. И вот знакомые аллеи парка, трибуны, то молчаливые и строгие в часы тренировок, то шумные и подбадривающие во время соревнований. Сверкают звезды на небе. Сверкает в лучах прожекторов дорожка. Под быстрый ритм задорных песенок мчатся наперегонки с ветром конькобежцы...

Уже опробованы силы: в Перми состоялась премьера сезона, Москва стала ареной интереснейшего матча СССР — Норвегия.

Главный тренер норвежских конькобежцев Стейн Юнсон, тот самый Юнсон, которого называют не иначе как «волшебником» за выдающиеся достижения его питомцев в последние годы, не сомневался в успехе своих спортсменов. Он даже не считал нужным ехать с командой в Москву. Оптимистическое мнение Юнсона было опубликовано в утренних газетах 8 января, за несколько часов до старта. Правда, как заметили норвежские обозреватели, Юнсон никогда не делал еще пессимистических прогнозов.

Чем кончился поединок на стадионе «Динамо», хорошо известно. Гости проиграли. В десятый раз, с тех пор как декабрьскими днями 1953 года была заложена хорошая традиция регулярных встреч мужских команд двух ведущих конькобежных держав.

Мы радуемся победе наших скороходов. Однако переоценивать ее не стоит. Конечно, будь предстоящие международные конькобежные форумы командными — нам и беспокоиться было бы нечего: ни одна страна не может выставить такую ровную десятку. Но лавровый венок чемпионов Европы и мира венчает не команду, а лишь одного — самого лучшего. Ровно год назад советские конькобежцы тоже выиграли матч у норвежцев, да еще у них дома. Однако спустя месяц никого из наших ребят мы не увидели на пьедестале почета на мировом чемпионате в Осло. Три ступеньки славы достались норвежцу, голландцу и финну.

Думается, что московский матч не очень уж проявил истинную расстановку сил перед встречей в «бисквитном городке», как называют в Нидерландах Девентер, где 22—23 января будет разыграно европейское первенство.

И все же кому отдать предпочтение?

Чемпион Норвегии Антон Фред Майер великолепно прошел в Москве и пять и десять километров. Равных ему среди стайеров не было. Тем не менее старший тренер сборной СССР Константин Кудрявцев невысоко оценил шансы рекордсмена мира в борьбе за титул первого скорохода континента. Дело в том, что этот титул присваивается тому, кто наберет наименьшую сумму очков по четырем дистанциям, а Майер хорошо бегает только две.

Больше приходится опасаться голландских скороходов — молодого Арда Шенка (21 год), Кееса Веркерка (23 года) и опытного Рудди Либрехтса, блеснувших недавно отличными секундами на норвежском льду. Конечно, у себя дома они постараются не ударить лицом в грязь — ведь чемпионаты Европы не проводились на нидерландских катках уже 69 лет!

Следует опасаться также 23-летнего Ионни Нильсона, по выражению норвежской прессы, «самого дерзкого из шведов после Карла X». Разумеется, олимпийский чемпион жаждет вернуть себе мировую конькобежную корону, которой он владел три года назад, или примерить европейскую, но у него те же пробелы, что и у Майера.

Нельзя забывать и о возможных сюрпризах, подобных тем, что преподнес в Осло финн Йоуко Лаунонен, который неожиданно для всех стал вице-чемпионом мира.

А как поживают американцы? На мировом форуме многоборцев делать им нечего, разве только учиться. Их конек — спринт. Ставший знаменитым цирюльник из Мичигана Терри Макдермотт даже не приедет в Гетеборг. Но лучший спринтер олимпийского Инсбрука полон желания выиграть золотую медаль на Белой олимпиаде в Гренобле.

Опасно заниматься прогнозами в спорте, и все же думается, что чемпион мира Пер Ивар Му, достигший спортивной зрелости раньше, чем гражданской (ему исполнился 21 год — возраст, считающийся в Норвегии совершеннолетием,— после завоевания конькобежной короны), не отстоит принадлежащий ему титул. Кстати, после знаменитого норвежца — Ялмара Андерсена еще ни одному конькобежцу не удавалось два года подряд выигрывать первенство земного шара. Случалось, что короли возвращались на трон (О. Гончаренко, К. Юханнесен), но удержаться на троне два года подряд — такого за последние 13 зим не было.

Секреты формы

У нас есть отличное трио многоборцев: чемпион Европы Эдуард Матусевич, олимпийский чемпион Антс Антсон и самый молодой (только через месяц ему «стукнет» 23 года) и пока еще не титулованный Валерий Каплан.

Сейчас лучший, пожалуй,— Каплан, ставший примером высококлассного многоборца: на матче СССР — Норвегия он был третьим на самой короткой дистанции (500 метров) и вторым на самой длинной (10 тысяч метров)! И, что особенно важно, Валерий добился победы на 1 500 метров, которую справедливо считают ключом к многоборью. Я не помню другого случая, когда бы скороход с падением (беда подстерегла Валерия в беге на 5 тысяч метров) вышел победителем по программе многоборья в столь сильном по составу турнире. Но, может, Каплан напрасно так рано обрел боевую спортивную форму? Может, он перегорит , как выражаются спортсмены, еще до решающих битв?

...Вспомним олимпийский сезон. Самое его начало. Челябинский стадион. Мы стоим у финишной черты. Неожиданно для всех победу на мемориале Мельникова выигрывает тогда еще не очень известный скороход, таллинский студент Антс Антсон. «А его и не оформляли!» — растерянно сказал мне один из руководителей олимпийской команды.

Визу получили. Антс успел приехать в Норвегию к началу розыгрыша первенства Европы. Дебютант стал чемпионом, затем выиграл золотую олимпийскую медаль и закончил зиму отличной победой в матче СССР — Норвегия.

Прошел год. И снова, в декабре, другой скороход, Эдуард Матусевич, показал скорости, которые прежде были недосягаемы в начале сезона. А в новогодние дни Эдуард побил мировой рекорд для равнинных катков на 1 500 метров и установил абсолютный — в многоборье. И тоже до весны не было у нас равных Матусевичу.

Выводы? Тот, кто в начале зимы, опираясь на упорную, плодотворную предсезонную подготовку, обретает хорошую форму, может рассчитывать, что ему хватит пороха до весны.

Новые имена, новые победы

Уже три года подряд на мировых форумах лавры достаются скандинавам. Средний возраст конькобежцев сборной СССР на 3,5 года больше скороходов норвежской команды. Впрочем, и голландцы моложе.

Матусевич, Антсон, Косичкин — это хорошо, но где же смена? Этот вопрос тревожил нас в прошлом сезоне. Нынешняя зима началась обнадеживающе. Наконец-то появились новые имена.

Евгений Гришин со свойственной ему прямотой очень скептически отзывался о наших спринтерах: сколько лет все подают надежды, а как дойдет до серьезного турнира, так что-нибудь помешает им выступить успешно. Сейчас появился способный спринтер, 19-летний Владимир Гвоздецкий. Приехал на мемориал Мельникова перворазрядником, а возвращался без пяти минут международным мастером. 500 метров за 41,2 секунды — так никто еще не пробегал этой дистанции в его возрасте. Гришин заявил после победы Гвоздецкого в Перми: «Теперь можно и уходить с дорожки. Есть мне смена».

И у многоборцев есть новые имена. Анатолий Машков из Челябинска, Валерий Муратов из Коломны. Технике бега Владимира Белоусова на ключевой дистанции многоборья — 1 500 метров могут позавидовать опытные скороходы мира. И, конечно, Валерий Чагин из конькобежного города Свердловска. Он впервые вошел в когорту сильнейших, хотя не новичок: ему 24 года. Валерий выделяется на дорожке не только красным костюмом, но и своеобразной манерой бега, словно уточка, переваливается он с ноги на ногу. Это заметили даже зрители, совсем не искушенные в конькобежном спорте. Тренеры считают, что техника Чагина, отличающаяся и от классического стиля Матусевича и от силового бега Му, подчинена индивидуальным особенностям скорохода — «утиная походка» не мешает Валерию показывать хорошие секунды.

В общем, есть с кем работать. Повеселели тренеры сборной Константин Кудрявцев, Борис Цыбин, Евгений Сопов. И все же это лишь первый проблеск. Пока еще подающих надежды среди 18—20-летних до обидного мало. А между тем Йонни Нильссон в 19 лет уже стал сильнейшим конькобежным марафонцем мира, а в двадцать — чемпионом и обладателем трех мировых рекордов. А как начинал Му? Восемнадцатилетним пареньком дебютировал на мировом чемпионате, выиграв две малых медали, а через год стал серебряным призером олимпийского Инсбрука.

Пусть сверкают звезды

Конькобежцев у нас в стране миллионы. Больше, чем у норвежцев, голландцев и шведов. Однако пока количество не всегда переходит в качество.

Сколько звезд гаснет, не достигнув своего зенита! Скажем, талантливый стайер Николай Штельбаумс, соавтор мирового рекорда на 1 500 метров, Лев Зайцев, Владимир Гейдрих, чье имя стоит третьим в мировом списке за все годы (этот список составляется по сумме личных рекордов скорохода) так и не добились сколько-нибудь существенных успехов на международных чемпионатах. Причин здесь много. С тренером не повезло: помешал неумный запрет стайерам (например, Штельбаумсу) и спринтерам (Зайцеву и другим) под предлогом подготовки к Олимпийским играм в Скво Вэлли (на олимпиадах медали разыгрываются только на отдельных дистанциях) стартовать по всей программе многоборья.

Да, сложный это процесс рождения и заката звезд. И впредь могут гаснуть молодые таланты. Ныне, в пору невиданного роста скоростей, необходимо накопленные в тренировках силы все время испытывать на соревнованиях, не давать ржаветь конькам. В Норвегии старт следует за стартом. Посудите сами: начиная с 11 декабря каждый конец недели — соревнование. Проведя трудный матч в Москве, норвежцы не испугались 12 января стартовать с голландцами дома, а 15—16 января разыграть национальное первенство. Для скандинавов и голландцев частые старты в удовольствие, они подчас заменяют ледовые тренировки.

А наши скороходы? Прикидка — 9 декабря. Мемориал Мельникова — 25—26 декабря. Однодневные новогодние состязания в Челябинске. Поединок с норвежцами — 8—9 января. И снова перерыв до Девентера.

Наша элита еще находится в выгодном положении. А как быть с теми, кто остается за бортом сборной? После приза Мельникова большинство участников мемориала не выходило на лед по крайней мере до середины января. В Норвегии соревнуются вместе — и новички и титулованные. У нас между сборной и остальными — пропасть. Как же можно совершенствовать мастерство скороходу, подающему надежды, если с конца декабря до начала марта он не встречается с опытными асами?

В связи с этим еще раз хочется поговорить о сроках чемпионатов СССР (нынешний год не в счет: он спартакиадный). Наши соперники считают для себя железным законом определять команду на мировые турниры по итогам национального первенства, а у нас всесоюзный чемпионат проводится, как правило, после мирового и европейского.

Мотивировка? Надо беречь нервы скороходов. С этим доводом не стоит даже полемизировать. У истинных бойцов серьезные сражения закаляют нервы, а сжигают у нестойких. Зачем же ориентироваться на последних?

А где широковещательные дни стайера? Почему у нас нет открытых чемпионатов городов и республик? Почему чемпионат столицы проводится, как правило, без сильнейших? Матусевич, наверное, уже и забыл, когда в последний раз выступал в своем родном городе — Минске. Захирел и традиционный приз Совета Министров Казахстана, в котором перестали участвовать скороходы сборной СССР, хотя на чемпионаты мира и Европы уезжает команда всего из 5—6 спортсменов.

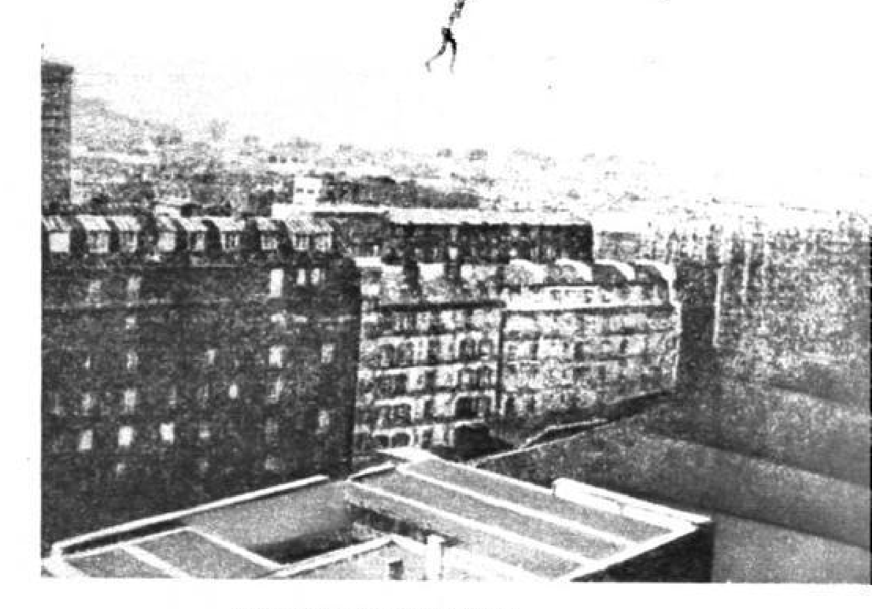
Есть еще одно обстоятельство, мешающее проведению состязаний,— помпезность и гигантомания. На мемориале Мельникова было 111 участников. Как ни слаженно работала судейская коллегия, состязания продолжались с полудня до девяти часов вечера. Что же удивительного в том, что при 20-градусном морозе лишь самые отважные зрители дождались последних стартов?

И, конечно, нам нужны искусственные катки. Они есть в Швеции, Японии, Голландии, Австрии, ГДР, ФРГ, Венгрии. Парадоксально, но факт, что таких дорожек нет в двух ведущих конькобежных державах — у нас и в Норвегии. Только сейчас начали строить первый искусственный каток в Коломне.

Проблемы, проблемы, проблемы... От решения многих из них зависят и успешные выступления нашего конькобежного авангарда на международных чемпионатах, и успех подготовки к Олимпийским играм в Гренобле, и полнокровная жизнь каждого катка.

И ПРОБЛЕМЫ

забавные мелочи

НАД КРЫШАМИ ПАРИЖА

Эквилибрист из ФРГ Герхард Корзвара на высоте 40 метров балансирует на канате, который укреплен между двумя домами.

НЕ «МОРЖИ», А «МОРЖАТА»

Можете себе представить ужас пап и мам, вышедших погулять со своими чадами, тепло одетыми в меховые шубки и закутанными по самые глаза теплыми шарфами, когда они увидели маленьких девочек, бегающих по снегу в купальных трусиках.

Да что папы и мамы, даже бывалые, видавшие виды «моржи» развели от удивления руками, увидев, как шестилетние близнецы Света и Люда смело нырнули вслед за отцом в прорубь.

— Ну и что ж тут такого...— сказал их отец Юрий Печенкин.— Я их с пяти лет приучаю. Сначала обливал холодной водой, а теперь вместе зимой купаемся в Онежском озере. Я ведь тоже «морж» с пятнадцатилетним стажем.

А здоровье у дочек? Доктора говорят: отличное.

Фото С. Майстермана (ТАСС).

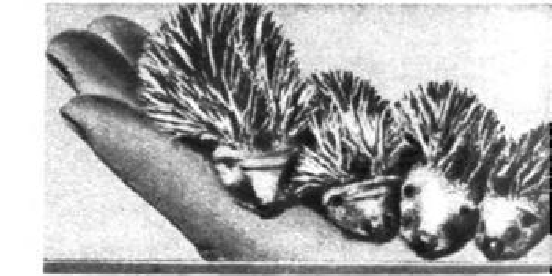
И МЕРТВОГО РАЗБУДИТ

Некий итальянский конструктор изобрел будильник, который сначала звонит, затем сигналит, как автомобиль, после этого лает, потом стреляет, как из пулемета, и, наконец, издает звук, подобный взрыву.

СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРАШЮТЕ

Французы Колетт и Жюль Деламар после заключения брака сели в самолет, поднялись на высоту 6 500 метров и бросились в воздушную бездну на парашюте.

НОВОРОЖДЕННЫЕ

На одной ладони уютно уместились четыре маленьких ежика. Надо сказать, что ежики растут очень быстро и такой снимок можно сделать только в первые часы после рождения зверьков.

ШУТКА СТУДЕНТОВ

Большое волнение в Лондоне вызвало появление в Темзе странной кабины, похожей на космический корабль. Полиция сразу же блокировала все прибрежные улицы и вызвала специалистов из военного министерства. Кабина была осторожно поднята на берег и со всеми предосторожностями вскрыта. Внутри оказался ящик с кирпичами, восемь старых автомобильных шин и записка: «Нашедшего прошу все это вернуть в отдел юмора студенческого общества».

Милейший человек

Рассказ

Гр. РЫКЛИН

В больничной палате, в которой я лежал...

Немного странное начало для юмористического рассказа, не правда ли? Но ничего не поделаешь: такова жизнь. Чехов один из своих веселых рассказов начал так: «В одно прекрасное утро хоронили коллежского асессора Кирилла Ивановича Вавилонова».

Короче говоря, в больничной палате, кроме меня, бодро ждало своего исцеления еще четверо трудящихся.

Я сразу обратил внимание на моего соседа. Ему было под пятьдесят, не носил он ни бороды, ни усов, ни очков, ни лишних зубов. Его синие глаза излучали добро и ласку. Лицо с самого раннего утра до позднего вечера светилось пламенным приветом с восклицательным знаком.

Ласково улыбаясь, он спросил меня:

— Какая у вас, милый человек, температура?

— Нормальная.

Он очень обрадовался. Почувствовал себя самым счастливым из всех смертных.

— Нормальная? Это же прекрасно. Это же чудесно! От души поздравляю. Такой температуре, милый человек, надо радоваться. Хотя, знаете ли... Всякое бывает. Лежал тут до вас один парень. Чудесный молодой человек, простой, общительный. Температура у него была нормальная — день, другой, третий. А на четвертый вдруг подскочила до сорока. Вот какие дела. А с чем вы сюда пожаловали?

— Камни в печени.

— Только и всего? Боже мой, какая ерунда! Самая пустяковая операция. Могу вас сердечно поздравить. Вот кабы камни в другом месте — дело другое, канитель. А в печени... Даже не почувствуете, как хирург извлечет их. Для него это самое разлюбезное дело. Правда, иногда бывают осложнения. Вот в соседней палате один дядя уж пятый месяц прохлаждается после операции. Но с вами этого не случится. Будем надеяться.

Вслед за тем он перенес свою очаровательную улыбку на молодого гражданина, который, сидя на койке, просматривал газету.

— А у вас, милый человек, какие дела?

— Врачи сказали, что у меня ничего плохого не нашли. Назначили на выписку.

— Не нашли? Чудесно. Можно вас от души поздравить. Очень рад за вас. Вернетесь целым и невредимым домой, к семье. Жена здорова?

— Здорова. Ждет меня.

— Это хорошо, что ждет. Но все же слишком обнадеживать себя не надо. Мой сосед по дому уехал в командировку. Жена осталась дома и вот, точно как вас, ждала, ждала. А потом сбежала с одним спортсменом. Он бегун на длинные дистанции, стайер. Вот поди догони! Будем надеяться, что с вашей женой этого не случится. Да и не напастись же стайеров на всех жен...

Молодой человек углубился в газету. Но не так-то легко отвязаться от непрошеного собеседника.

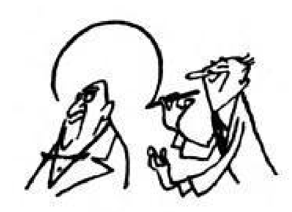
— Газету читаете? Это очень хорошо. А что вы там вычитали, милый человек?

— Что вас интересует?

— Погода.

ДЕЛОВАЯ МИМИКА

В Чикаго открылся институт «мимики делового человека». В проспекте этой необычной школы говорится: «У нас вы научитесь, как надо наморщить лицо, чтобы выглядеть честным человеком».

●

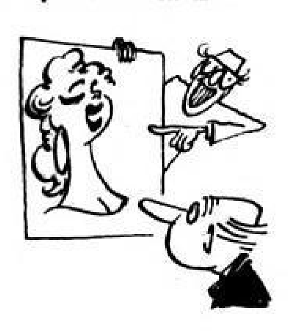
ДОРОГОЕ ВОСПОМИНАНИЕ...

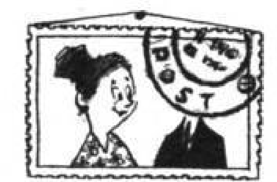
В газете «Таймс», выходящей в Лос-Анжелосе, появилось такое объявление: «Потерян портфель, в котором находятся документы, фотографии и 850 долларов. Прошу нашедшего оставить себе документы и фотографии, а вернуть деньги, являющиеся для меня дорогим воспоминанием».

●

ОПЫТНЫЙ ОКУЛИСТ

Доктор Стефен Триндер, окулист из Филадельфии (США), придумал новый способ определения остроты зрения у своих пациентов. Вместо обычных скучных рядов букв и цифр он предлагает мужчинам смотреть на фотографии кинозвезд. А зрение женщин определяется картинками из модных журналов. По мнению доктора, такой способ дает более верную картину остроты зрения клиента.

СЧАСТЛИВЫЕ ЖЕНЫ

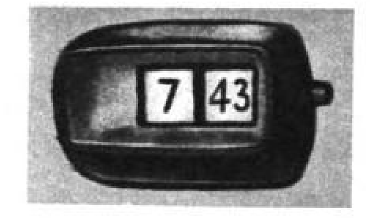
Американский психолог доктор Хачисон недавно заявил, что, по его мнению, филателисты — лучшие мужья. Для коллекционирования нужны терпение, внимательность, настойчивость, спокойный характер, то есть все, что является особенностью хороших спутников жизни.

●

ПРИСПОСОБИЛСЯ

Как утверждает американская газета «Сиэтл Пост-интеллидженсер», этот поросенок из штата Индиана предпочитает именно такой способ передвижения. У поросенка были повреждены передние ноги, и он научился ходить на задних ногах.

БЕЗ ЦИФЕРБЛАТА

Одна японская фирма начала выпускать часы без стрелок и обычного циферблата. Такие часы снабжены миниатюрным электромотором, и время на них показывается цифрами.

●

БУДУЩАЯ ЧЕМПИОНКА

Обезьянка Кили из франкфуртского зоопарка ездит на велосипеде, играет на кларнете, жонглирует мячом. Но самое любимое ее занятие — бильярд. Она часами гоняет шары и очень радуется, когда попадает в лузу.

●

ИСКУССТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Датский инженер Г. Соренсен сконструировал остров из пористой резины. На нем можно устроить небольшой пляж и установить даже кафе.

—А РЕКА-ТО ВОН ЗА ТЕМ ЛЕСОМ!

Рисунок А. Алешичева.

Без слов.

Рисунок А. Алешичева.

—Что? Таскать детей?.. А на что же тогда муж?

Рисунок Б. Боссарта.

— Будут дожди.

— Вот спасибо. Оживут огороды. Сразу картофель повеселеет. У меня своего огорода нет. Но я все же очень рад. Я прямо-таки торжествую. Беспокоюсь о людях. Такой у меня характер. Хотя, правду сказать, не всегда можно доверять бюро прогнозов. Говорят — жди осадков, а на самом деле не осадки, а досадки. Сплошная засуха. Прощайте, огурчики. Не поминай лихом, картофель...

— В газете сказано, что в ряде мест уже прошли обильные дожди.

— Будь я верующим, сказал бы: «Слава богу!» Ох, как земле нужна влага! Ну, теперь все будет в полном порядке. Хотя бывает... Да, бывает, милый человек, что дождь превращается в ливень. А тут уж рукой подать до наводнения. При хорошем наводнении случаются и человеческие жертвы. Вот тебе и осадки, вот тебе и влага, вот тебе и огурчики...

Я решил вмешаться в эту оживленную беседу.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я его,— а вы сами чем больны?

— Твист.

— Что?

— Твист, милый человек.

— Это что за болезнь?

— Это не болезнь, а танец. Упражнялся я в одной компании. Слишком постарался, поскользнулся, и получилось растяжение жил.

— Чепуха!

— Понятное дело. Моя нога для вас — ерунда. Мои жилы — чепуха.

— Вы меня не так поняли. Это в смысле лечения — чепуха. Ничего серьезного. Вас быстро вылечат. Очень и очень рад за вас. Хотя, знаете ли, бывает...

— Что там такое бывает?

— Бывает, что танцы дают нежелательные результаты. Твист — это еще полбеды. Весьма, скажу я вам, опасен рок-н-ролл. Один мой знакомый пустился с одной девицей плясать рок-н-ролл. Начал всячески выдрючиваться и вывихнул бедро.

— Очень он страдает?

— Ничуть. Он не себе, а ей вывихнул бедро, девице.

Вдруг милейший человек изменился с головы до ног. Все улыбки и приветы исчезли с его физиономии. Он сердито взглянул на меня и зарычал:

— Как вы смеете? Что за манера пугать людей? Что вы каркаете, как ворона? Безобразие!

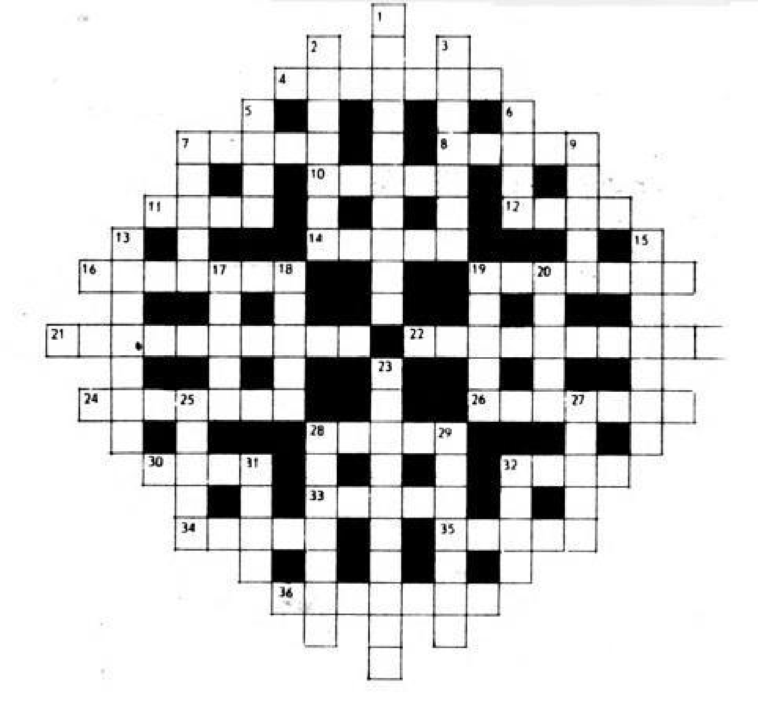
В тот же день мы расстались. Меня перевели в другую палату. И больше я не видел этого милейшего человека.

Прошел год. Недавно вечером я был на вокзале, провожал жену в Кисловодск. У мягкого вагона я услыхал такой разговор:

— Значит, милый человек, едете на курорт. Очень рад за вас. Чудесный воздух в Кисловодске. Мягким едете? Это превосходно. И поезд отличный, скорый. Получите максимум удовольствия. Хотя, знаете ли... За последнее время кривая железнодорожных катастроф резко скакнула вверх. Но ничего. Не сомневайтесь. Может, благополучно доедете. И такое случается...

Это был он. Я узнал его голос, его стиль, его манеру. Милейший человек!..

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Персонаж оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 7. Злак. 8. Начало шахматной партии. 10. Метрическая мера веса. 11. Поэма Н. А. Некрасова. 12. Млекопитающее рода бизонов. 14. Приток Припяти. 16. Теплое течение Тихого океана. 19. Романс А. А. Алябьева. 21. Установка для тренировки пилотов-космонавтов. 22. Цветок. 24. Административный центр воеводства в Польше. 26. Травянистое растение. 28. Литературный жанр. 30. Птица с пестрым оперением. 32. Русский языковед, этнограф. 33. Инструмент для сверления. 34. Печатный шрифт. 35. Озеро в Финляндии. 36. Автор стихотворения «Не шуми ты, рожь».

По вертикали:

1. Двухмачтовое парусное судно. 2. Город на Украине. 3. Южное дерево. 5. Атмосферные осадки. 6. Басня И. А. Крылова. 7. Возвышенная равнина. 9. Щит со световыми надписями на стадионе. 13. Деталь штампа для обработки металлов. 15. Стихотворение А. С. Пушкина. 17. Хореографическая композиция из нескольких танцев. 18. Лососевая рыба. 19. Популярный итальянский тенор. 20. Река во Франции. 23. Балет Ц. Пуни. 25. Точка, противоположная зениту. 27. Вид автомобильного состязания. 28. Картина В. Г. Перова. 29. Советский композитор. 31. Единица силы. 32. Шерстяная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

4. Бисквит. 7. Верстак. 8. Цилиндр. 9. Манчестер. 13. Суфлер. 14. Лотос. 16. Чкалов. 17. Абрикос. 18. Потебня. 20. Елогуй. 22. Анапа. 23. Тюлька. 25. Остроумов. 28. Камерун. 29. Гафуров. 30. Транзит.

По вертикали:

1. Шишкин. 2. Пинцет. 3. Барнаул. 5. Конфетти. 6. Бандура. 9. Маракайбо. 10. Речитатив. 11. Журавль. 12. «Коляска». 14. Ласка. 15. Сопка. 19. Бабочкин. 21. Газимур. 24. Лазурит. 26. Тундра. 27. Магний.

●

На первой странице обложки: Сюита из молдавских танцев «Хитрый Макану» в исполнении Государственного ансамбля народного танца СССР.
Фото Е. Умнова.

На последней странице обложки: На вершину Чегета в Приэльбрусье.
Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10507. Подписано к печати 19/I 1966 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л.
Заказ № 5. Тираж 2 000 000. Изд. № 35.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Когда спят корабли. Канал имени Москвы.

Фото А. Бочинина.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663